

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ

Статьи о молодёжи в сборниках ИСПИ РАН

1. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Методология целостного подхода в социологии молодёжи // Россия: новые цели и приоритеты. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2005 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. – С. 84-107.
2. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Институциональные и неинституциональные механизмы управления риском в образовании молодёжи // Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2006 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2007. – С. 446-469.
3. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Экстремизм в молодёжной среде: социальные условия и пути преодоления // Россия: процесс консолидации власти и общества. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2007 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2008. – С. 139-159.
4. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Молодёжные движения как форма социальной самоорганизации // Россия в условиях глобального кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2008 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2009. – С. 167-181.
5. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Изменение механизма социальной регуляции развития молодёжи // Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2009 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2010. – С. 62-75.
6. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Социальное развитие молодёжи: тенденции и противоречия общественного воспроизводства // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2011. – С. 232-257.
7. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Факторы совершенствования подготовки профессиональных кадров в высшей школе и эффективность их использования // Россия: модернизация системы управления обществом. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2011 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2012. – С. 187-209.
8. **Зубок Ю.А.** Социальные и социально-экономические факторы совершенствования подготовки квалифицированных кадров через систему высшего образования. Эффективность их использования. Качество подготовки соответствию специальности. Второй этап // Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г. – Том 1. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2014. – С. 163-174.
9. **Зубок Ю.А.** О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки // Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-

политическая ситуация в России в 2012 г. – Том II. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2014. – С. 124-129.

10. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Молодёжь в изменяющейся социальной реальности: изменение отношения к семье, образованию, труду, власти // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2014. – С. 75-99.
  11. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Социокультурный механизм саморегуляции духовных процессов в молодёжной среде в условиях изменяющейся социальной реальности // Социальная реальность XXI века: угрозы и вызовы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2014 г. – М.: РИЦ ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. – С. 190-203.
-

1. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Методология целостного подхода в социологии молодёжи // Россия: новые цели и приоритеты. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2005 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. – С. 84-107.

МЕТОДОЛОГИЯ ЦЕЛОСТНОГО ПОДХОДА В СОЦИОЛОГИИ МОЛОДЁЖИ

Исторически в социологии молодежи сложилось несколько основных теоретико-методологических направлений, в которых разрабатывались концепции и теории среднего уровня: психоаналитическое, структурно-функциональное, культурологическое и др. Концептуализация молодежи, осуществляемая в рамках названных направлений, разработка методологии ее теоретического изучения и методов эмпирического исследования позволяют эффективно решать одни проблемы, но имеют ограничения в решении других. Так, психоаналитическое направление, основываясь на выводимой из психоанализа концепции жизненного пути личности, раскрывает возможности исследования молодости как переходного этапа, полного кризисов и активного поиска индивидуальности. Между тем с позиций психоанализа не все аспекты молодежных проблем, вызванных коренными изменениями в обществе, могут быть адекватно интерпретированы. В первую очередь, это касалось социальных проблем молодежи, возникающих в процессе включения ее в общество и продвижения к новым статусным позициям.

Если в фокусе внимания психоанализа оставались особенности и проблемы молодости как фазы жизни, то в структурно-функциональном направлении акцент перемещается на изучение социально групповых взаимодействий молодежи. Изучение значимых статусных характеристик и социальных ролей, таких как окончание школы, профессиональное самоопределение, выход на рынок труда, начало самостоятельной жизни вне родительского дома, создание семьи, а также формирование полноценного гражданского статуса в его экономическом, правовом, политическом и социальном смысле позволяет выявить специфику социального положения молодежи, раскрыть механизмы ее социальной стратификации. Разработка проблем взаимодействия поколений, межпоколенной и внутривоколенной мобильности, жизненного самоопределения,

социальной транзycji послужило системному анализу процесса интеграции молодежи в социальную структуру. Между тем, ограниченность данного подхода проявилась в аспекте анализа девиантных траекторий молодежи и тем более объяснения конфликтов в среде молодежи, неизбежных для модернизирующихся обществ. Не отражало данное направление и многообразия способов организации жизнедеятельности молодежи, особого мира ее норм и ценностей, образов и стилей жизни, ее социального развития.

Часть этих задач эффективнее решается в рамках культурологического направления. Оно представлено теориями, рассматривающими специфически молодежные явления под углом зрения феноменологии человеческой культуры. Мир молодежи осмысливается в его сугубо человеческом бытии, в соотношении с конкретными представлениями, идеями, целями и мотивами поведения реально действующих молодых людей. Названные субъективные проявления фиксируются и концептуализируются как последствия объективных процессов, отраженных в различных формах субкультуры.

Благодаря использованию культурологической традиции, стал возможен системный анализ сознания и стилей жизни молодежи, исследуется их ценностная и мировоззренческая дифференциация, особенности внешней атрибутики, форм проведения досуга и других социокультурных проявлений в ее среде. Но попытки объяснения крупномасштабных социальных изменений молодежи в данной парадигме оказались малопродуктивными.

Изменения социальной реальности в российском обществе, ставшие очевидными во второй половине 80-х гг. явились своеобразным вызовом социологии молодежи. Прежде всего, актуализировалось внимание к роли молодежи в обществе в связи с наметившимися реформами и новыми взглядами на общественную жизнь. Ни одно из существовавших направлений в изучении молодежи не давало представлений о ней как целостном феномене и тем более не позволяло исследовать ее во всем многообразии связей с обществом. Возникла потребность в целостном подходе, способном концептуально связать различные стороны жизнедеятельности молодежи с общественным развитием, исследовать фундаментальные проблемы молодежи, возникающие на стыке ее взаимодействия с обществом. Такой подход был разработан в конце 80-х гг.¹.

СОЦИАЛЬНО-ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ МОЛОДЕЖИ

Рассмотрение молодежи в рамках данного концептуального подхода обусловлено особой ролью и местом этой социально-демографической группы в процессе воспроизводства и обновления общества, что и определяет ее социальную сущность. Группообразующим признаком молодежи является специфика становления ее социальной субъектности, выраженной в неполноте социального статуса, в лабильности сознания, детерминирующих особенности ее социального поведения. Социальная сущность молодежи проявляется во взаимосвязи трех составляющих: потенциальных сущностных сил, определяемых переходным характером ее положения в основных сферах общественного производства и общественной жизни; побудительно-мотивационных

---

¹ Разработка рассматриваемых проблем была начата в 1985 г. под руководством В.И. Чупрова в Секторе социальных проблем молодежи Института социологии АН СССР, на базе которого был учрежден в 1991 г. Центр социологии молодежи ИСПИ РАН. См.: *Чупров В.И.* Актуальные проблемы социального развития советской молодежи // Проблемы социального развития советской молодежи. – М., 1985; *Чупров В.И.* Некоторые методологические вопросы разработки концепции социального развития молодежи // Показатели социального развития молодежи. – М., 1986; *Чупров В.И.* Проблемы социального развития молодежи в условиях ускорения // Проблемы научного коммунизма. – Вып. 19. – М., 1987; *Чупров В.И.* Молодежь в общественном воспроизводстве // СОЦИС, 1998, № 3.

сущностных сил, характеризующихся неустойчивостью, импульсивностью мотивационной сферы сознания, а также специфических форм социальной деятельности. Как становящийся субъект общественного воспроизводства, молодежь реализует свои важнейшие социальные функции: воспроизводственную, в соответствии с которой осуществляется преемственность социального опыта; инновационную, обеспечивающую его обновление и трансляционную, связанную с передачей обновленного опыта последующим поколениям.

В социологии под воспроизводством понимается постоянное повторение, непрерывное возобновление процесса общественного производства, призванное обеспечивать развитие общества и отдельных его групп как целостной системы². Оно означает самосохранение и самовосстановление социальных систем, социальной структуры, и включает в себя процессы как функционирования этих систем и структур, обеспечивающего репродуцирование их состояния, так и социальную динамику, представляющую собой переход к новому количественно-качественному состоянию. Решающая роль в этом процессе принадлежит молодежи. Наличие двух сторон производства – материальной и духовной придает этому процессу внутренне взаимосвязанный и вместе с тем противоречивый характер.

Такие существенные признаки молодежи, как возрастные особенности, положение в социальной структуре, специфика сознания и поведения, особые формы культур (субкультуры) рассматриваются в данном подходе через призму специфической роли, которую молодежь играет в системе воспроизводства и развития общества. Это обеспечивает целостное изучение молодежи во всем многообразии ее связей с обществом и позволяет по-новому операционализировать молодежь как базовое понятие данной отрасли социологии.

Особую актуальность этот теоретико-методологический подход приобрел в условиях системной трансформации российского общества. Изучение молодежи как фактора общественного воспроизводства способствует, с одной стороны, более углубленному пониманию социальной обусловленности ее проблем, а с другой, – расширению возможностей ее участия в сохранении целостности и в модернизации общества. Раскрывая социальные механизмы взаимодействия молодежи с обществом в процессе его воспроизводства, данный подход позволяет исследовать ее в развитии, что особенно важно в выработке стратегий социальной трансформации.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ

Прежде всего, возникает проблема концептуализации социального развития молодежи как целостного процесса. В социологическом смысле воспроизводство включает в себя как процессы функционирования социальных систем и структур, так и поэтапное их развитие. Если функционирование обеспечивается достаточным уровнем простого воспроизводства (повторения), то развитие – расширенным воспроизводством. Наследуя и воспроизводя сложившиеся общественные отношения, каждое новое поколение обеспечивает сохранение и функционирование общества и участвует в его совершенствовании и преобразовании на основе собственного инновационного потенциала. Тем самым осуществляется развитие и молодежи, и общества в целом.

---

² Российская социологическая энциклопедия. – М., 1998. – С.212.

В соответствии с этим подходом, социальное развитие молодежи определяется как последовательный процесс изменения социального положения и детерминированных им сущностных сил (потенциальных и побудительно-мотивационных), отражающихся в специфических формах ее социальной деятельности³. Исходя из понимания общественного воспроизводства как единства материального и духовного производства, функционирование и развитие молодежи, как социально-демографической группы, отражает ее становление в качестве субъекта производства жизненных средств (условий жизни) и производства жизненных сил человека (духовных и физических). Соответственно нарушение, дисфункция этого процесса лежит в основании социальных проблем молодежи.

К числу коренных относится проблема источника развития. Исходя из сущности молодежи главное противоречие, лежащее в основе ее развития, коренится между диалектически противоположными сторонами общественного производства (производства жизненных средств, условий жизни и производства жизненных сил, духовных и физических сил самого человека). Это противоречие вызвано: во-первых, различным характером деятельности, лежащей в основе каждой из форм общественного производства, а значит, различной природой и направленностью социальных связей, опосредованных этой деятельностью; во-вторых, различным способом присвоения субъектом результатов этой деятельности; в-третьих, различным отношением к каждой из форм общественного производства со стороны общества. Следовательно, при столкновении тенденций становления молодежи в качестве субъекта производства жизненных средств (условий жизни) и субъекта производства жизненных (духовных и физических) сил и возникает противоречие, являющееся основным источником ее развития.

Однако противоречия действительны только в процессе их разрешения, когда соединение противоположностей достигается путем их гармонизации, обуславливая прогресс. Взятые сами по себе, безотносительно к своевременному выявлению и эффективному разрешению, противоречия скорее несут деструктивный потенциал, реализующийся в регрессивных трендах. Следовательно, достижение единства форм общественного производства способствует гармонизации сущностных сил молодежи, а изменение или деформация сущностных характеристик в одной из форм неизбежно проявляется в другой⁴. В реальности же подобная гармонизация редко достигается, а скорее выступает как тенденция сокращения или, наоборот, увеличения разрыва между разными сторонами общественного производства. Сохранение противоречий, приводящее к неравномерности процесса развития в целом, характеризует его, как деформированное.

Так, половинчатые реформы, направленные на модернизацию российского общества, отразившиеся на тенденциях становления обеих сторон субъектности молодого поколения, полностью разбалансировали этот процесс. Молодежь, с одной стороны, вытесняется из сферы материального производства в сферу обращения, и соответственно, в область потребительства. А с другой, – усиливается тенденция движения к бездуховности, утрате нравственных критериев общественного поведения, ухудшению психофизического здоровья молодежи.

---

³ Чупров В.И. Социальное развитие молодежи. Теоретические и прикладные проблемы; Чупров В.И. Методологические проблемы социологического исследования процессов социального развития и социализации молодежи // Социология молодежи. – СПб, 1996. – С.54.

⁴ Чупров В.И. Социальное развитие молодежи. Теоретические и прикладные проблемы. – М., 1994. – С.33.

Социальное развитие – объективный и, вместе с тем, регулируемый обществом процесс. В социальном регулировании выделяется целеуправляемый аспект и саморегуляция. Важная роль в социокультурной саморегуляции принадлежит мотивационной сфере сознания⁵. Включаясь в социальную структуру, молодое поколение видоизменяет ее и под воздействием преобразованных условий совершенствуется само. Обратное воздействие условий и отношений на социальную деятельность и активность молодежи происходит опосредованно через ее сознание, в форме определенной структуры потребностей, интересов и ценностей, составляющих мотивационную сферу сознания. В процессе социального развития молодежи она играет роль внутреннего регулятора, благодаря которому происходит осознанный выбор путей и способов включения молодых людей в различные «ячейки» социальной структуры.

В индивидуально-личностном плане в мотивационной сфере сознания, т.е. особым образом в структурированных потребностях, интересах, ценностях, отражается направленность личности молодого человека. Доминанта этих личностных характеристик в групповом сознании определяет также и его направленность. По изменению направленности доминирующих характеристик группового сознания можно судить о тенденциях развития молодежи в целом или отдельных ее групп.

Воспроизводство общества во многом является самовоспроизводством, стабилизирующим социальную структуру и социальную жизнь в целом. В процессе самовоспроизводства основных составляющих социальной структуры осуществляются межпоколенные и внутривозрастные социальные перемещения. Включаясь в общественные отношения и идентифицируясь с ними, молодое поколение интегрируется в общество. Отражая характер циклического воспроизведения системы социальных отношений, этот процесс в социальном плане предстает как изменение молодежью своего места в социальной структуре, как определенная направленность ее социальной мобильности.

По направленности изменений, происходящих в сознании и социальном положении молодежи, можно судить о характере ее развития. Но как понимать направленность в современных условиях? Проблема правомерности рассмотрения развития как направленного процесса в нынешних условиях глобальных перемен приобрела особую актуальность. Как известно, социологическое понимание социального развития связано с такими его свойствами, как необратимость, направленность и закономерность⁶. Проявление названных свойств составляет главное отличие развития от изменений, отражающих любые бессистемные флуктуации. Однако направленность как бы предполагает однозначную заданность, что противоречит представлениям об эволюционном характере социального развития. Поэтому, интерпретация свойства направленности требует уточнения в рамках поиска новой парадигмы развития. В условиях современных процессов плюрализации, эмансипации, либерализации направленность далеко не тождественна заданности, запрограммированности и предопределенности. Она рассматривается как множественность, вариативность различных направленностей, своего рода репертуар сценариев развития. Механизмом реализации конкретного вектора выступает индивидуальный выбор, обусловленный сложившейся в сознании молодежи мотивационной структурой. Самоопределение

---

⁵ Чупров В.И., Черныш М.Ф. Мотивационная сфера сознания молодежи: состояние и тенденции развития. – М., 1993.

⁶ Социология. Основы общей теории. – М., 1996. – С.337; Чупров В.И. Развитие социальное // Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. – Т. 2. – С.305.

молодежи под влиянием префигуративного сознания (М. Мид) является своеобразным катализатором данного процесса, в ходе которого молодой человек осуществляет конструирование жизненной траектории и реализует личностный потенциал. Это проявляется и в социальной мобильности молодежи. В связи с ростом достиженческой ориентации в молодежной среде в современном обществе все больший вес приобретают карьерные перемещения как вид мобильности, предполагающие множество вариантов выбора. Таким образом, общественное развитие не имеет однозначной заданности, а социальное развитие молодежи, в принципе, альтернативно и многовариантно.

Рассматриваемый подход к социальному развитию наиболее адекватно отражает изменения, происходящие в современных обществах. В них существенно расширяется поле становления социальной субъектности молодежи, поэтому в научном плане открывается возможность исследования категории выбора в более широком контексте социальных условий и индивидуальных предпочтений с учетом фактора эмерджентности в ходе взаимодействия молодежи и общества.

В этой связи возникает проблема критериев оценки направленности развития. Понимая под социальным критерием институционально закрепленные нормы развития, напрашивается вывод, что за прошедшие полтора десятилетия российское общество ушло от сильно идеологизированных критериев, но так и не сумело выработать новых.

Вместе с тем в самом общем виде критерий направленности определяется отношением того, что молодое поколение получает от общества в виде материальных и духовных ценностей, к тому, что вносит в его развитие. В разрабатываемой концепции это отношение проявляется в единстве двух сторон развития молодежи – репродуктивной (социальная преемственность) и продуктивной (социальное новаторство). На эмпирическом уровне оно операционализируется как соотношение преемственности и новаторства на разных стадиях становления молодежи в качестве субъекта общественного воспроизводства.

Становление субъектности, обоснованно называемое социальным взрослением, выражается в приобретении и изменениях молодежью собственного социального статуса в ходе интеграции в структуру общества, а также в конструировании более или менее устойчивых форм идентификаций с различными социальными группами. Поскольку данный процесс развернут во времени, и представляет собой продвижение к новым статусным позициям, то он именуется в социологии транзицией, т.е. переходом индивида или группы от одного этапа жизнедеятельности к другому до достижения взрослого состояния⁷. В обыденном сознании молодого человека транзиция выражается в стремлении достигнуть (или превзойти) статус значимых других. Достижение приносит удовлетворение и способствует самоутверждению его в статусе взрослого. Нереализованность жизненных планов, напротив, ведет к разочарованию и нередко к инфантилизму.

В групповом сознании, социальные инновации, достигаемые в процессе транзиции, оцениваются как результат осознанного выбора собственного социального положения, становления активно-личностного типа сознания, качественно нового способа деятельности. При этом многовариантность образцов индивидуальной и групповой транзиции не исключает, а, наоборот, предполагает их необратимый и закономерный характер, обусловленный необходимостью сохранения целостности общества. Отсюда следует, что в наиболее общей форме об уровне социального развития (зрелости) молодежи можно судить по степени воспроизводства в данном конкретном поколении

---

⁷ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Транзиция // Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. – Т. 2. – С.666-667.

социально-исторической целостности. Она-то и выступает в качестве нормы, т.е. общественно-значимого критерия социального развития молодого поколения⁸.

Образцы транзитуции как явления социально обусловленного, несут на себе отпечаток конкретного социально-исторического периода и социокультурных особенностей той или иной социальной среды, в которых она осуществляется. Изменения в любом из аспектов транзитуции неизбежно влияют и на остальные, принося либо успех в конструировании индивидуальной биографии, либо маргинализацию. Поэтому транзитуция может иметь форму восходящей или нисходящей мобильности. Одной из основных характеристик транзитуции современной молодежи является статусная непоследовательность – неравномерное в интенсивности и успехе продвижение в разных сферах жизни не столько в силу индивидуальных недостатков молодых людей, сколько из-за определяющего влияния структурных факторов, прежде всего, социального класса, гендера, этничности, образования, особенностей рынка труда и др.

В современных условиях вопрос о направленности социального развития молодого поколения связывается с перспективами модернизации общества, под влиянием которой изменяется положение социальных групп, основания их социальной дифференциации и стратификации в обществе, жизненные шансы, мотивационные структуры и идентификации, образцы поведения. Если в стабильно развивающемся обществе молодое поколение, достигшее социальной зрелости, усваивает и воспроизводит весь спектр системы социальных отношений, характеризующих данную структуру, то в трансформирующемся акцент смещается преимущественно в сторону социального новаторства молодежи. А, поскольку в основе трансформации сразу же наметились признаки префигуративной культуры, то молодежь чаще отрицает опыт, чем его усваивает. Данное обстоятельство лишь обостряется затянувшейся нестабильностью и кризисом, в условиях которого молодежь вынуждена вырабатывать социальный опыт самостоятельно. Таким образом, особый смысл в условиях модернизации приобретает инновационная модель социального развития молодежи.

Для оценки состояния и тенденций социального развития в целях научного анализа реальных процессов в молодежной среде и выработки управленческих решений необходима разработка системы показателей. Перспективы выработки системы показателей социального развития молодежи не отделимы от решения более общей проблемы – количественной оценки развития социальных систем. Применительно к социальному развитию молодежи особенности ее системного анализа сводятся к следующим.

Во-первых, общественная система есть целостность относительно самостоятельных, но взаимозависимых элементов. Каждый из них, в том числе и молодежь, развивается под влиянием целого, внося и собственный вклад в развитие системы. В месте с тем, стимулы развития находятся и внутри самой молодежи, как подсистемы общества. Это те эндогенные факторы, которые связаны с самоопределением, внутр поколенной мобильностью, реализацией инновационной функции самой молодежью. Но стремления молодежи, ее социальные притязания, амбиции, мотивация, знания, навыки, деятельность также формируются под влиянием широкого спектра социальных и социокультурных детерминант. Поэтому анализ эндогенных факторов развития должен осуществляться во взаимосвязи их с изменением экзогенных факторов.

---

⁸ Чупров В.И. Современная молодежная политика: что принять за «норму» развития? // Социально-политические науки, 1994, № 7.

Во-вторых, каждый социальный объект имеет свои особенности, вытекающие из его сущности, специфически, но закономерно проявляющиеся в его развитии. Поскольку социальная сущность молодежи определяется ее ролью в общественном воспроизводстве, анализ тенденций ее развития необходимо соотносить с закономерностями воспроизводства общества.

В-третьих, как социальная группа молодежь существует в целостности, поэтому показатели ее развития должны охватывать целостный процесс ее взаимодействия с обществом. Целостность достигается, благодаря тому, что анализ социального развития молодежи охватывает все фазы общественного воспроизводства: в материальном и духовном производстве, а также в распределении, в обмене и в потреблении произведенных материальных и духовных благ⁹.

Выделенные особенности являются универсальными, внутренне обусловленными и определяют основные принципы социологического анализа тенденций развития молодежи. Вместе с тем, в разных типах обществ и в конкретных социальных ситуациях, а также по отношению к отдельным группам молодежи они могут наполняться не одинаковым содержанием и приобретать различные формы, выраженные в критериях и показателях.

Система показателей социального развития молодежи структурируется по двум направлениям: развитие молодежи как субъекта производства жизненных средств, условий жизни (материальное производство) и ее развитие как субъекта производства духовных и физических сил человека (духовное производство). В каждом направлении оценка развития определяется изменением специфических сущностных характеристик молодежи и социальной деятельности на основе следующих показателей:

- социального положения (статуса), занимаемого молодежью в обеих сферах производства (в материальном и духовном);
- личностного потенциала (коммуникативные, эмоциональные, практические способности);
- мотивационной сферы сознания (потребности, интересы, ценности), а также показателей социальной деятельности, являющихся способом реализации сущностных сил этой социальной группы¹⁰.

Сравнение стартовых и достигнутых позиций молодежи в каждой возрастной группе (внутрипоколенный анализ), позиций представителей молодежи аналогичных возрастных групп (сравнительный анализ) и сопоставление с родительским поколением (межпоколенный анализ) позволяет исследовать уровень, темпы, тенденции развития молодого поколения. Их количественная оценка осуществляется с помощью индекса развития (Ир) в каждой из сфер общественного производства (материальном и духовном производстве, а также в сфере распределения, обмена и потребления)¹¹. Полученные индексы развития и отклонений позволяют достаточно точно определять степень изменений по отдельным показателям, получать суммарные оценки развития по группе показателей, количественно измерять динамические характеристики социального

---

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 12. – С.732.

¹⁰ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М., 2003. – С.31–36.

¹¹ Индекс развития представляет собой сумму отклонений по каждому показателю, деленное на количество показателей (n). Отклонение по показателям (O_i) рассчитывается как отношение абсолютных значений достигнутых результатов A_i(t), в данный момент времени к базовым, поэтому O_i={A_i(t)/A_i(t-1)}-1. Тогда Ир=Sum{(A_i(t)/A_i(t-1)}-1)/n, где i=1, ..., n.

развития, осуществлять их сравнительный анализ, выявлять направленность деформационных процессов.

Данный индекс имеет ряд преимуществ, по сравнению с используемым в мировой практике индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП), посредством которого оценка производится лишь по трем основным направлениям – продолжительность жизни и здоровье; образование; уровень жизни. Индекс развития (Ир) позволяет оценивать состояние и тенденции развития молодежи по 70 показателям, входящим в рассматриваемую систему, а также динамику изменения противоположностей в основном противоречии, как источнике развития.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЁЖИ И ИЗМЕНЕНИЯ ЕЕ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

В результате исследований, проведенных в 1990–2002 гг. выявлены тенденции развития молодежи и фундаментальные противоречия, отражающие изменение ее положения в воспроизводстве трансформирующегося общества¹².

В материальном производстве в целом отмечено положительное значение индекса развития молодежи. Однако противоречия проявляются в противоположных тенденциях устойчиво растущей общественной потребности в расширении трудового потенциала молодежи в данной сфере, с одной стороны, и неуклонного снижения возможностей ее самореализации в ней, с другой. На протяжении постсоветского периода отмечается отток молодежи из сферы материального производства, особенно из госсектора, сокращение в ней доли молодых специалистов со средне специальным образованием и работающих в соответствии с полученной специальностью, снижение уровня реальной заработной платы на фоне роста инфляции и потребительских цен. Это указывает на факторы снижения воспроизводственного потенциала молодежи в материальном производстве. Противоречия вызваны причинами институционального характера, связанными преимущественно с развалом производства, недостатками планирования подготовки и распределения квалифицированных кадров.

В сфере **распределения и обмена** в целом положительная динамика индекса развития молодежи свидетельствует о позитивной направленности воспроизводственных процессов. Прежде всего, это проявляется в воспроизводстве среднего класса, учитывая роль данной сферы общественного производства в его формировании. Вместе с тем, темпы развития молодежи, включенной в систему дистрибутивных отношений, могли быть выше, если бы удалось преодолеть противоречие, связанное со стагнацией показателей профессионального статуса и с угрозой депрофессионализации молодежного потенциала трудовых ресурсов в этой сфере. Тенденция снижения престижа профессии среди занятых предпринимательской деятельностью, удовлетворенности содержанием труда, соответствия профессии реально выполняемой работе определяется, с одной стороны, преимущественно стихийным характером формирования кадров, а с другой, использованием труда молодежи, в основном, на вспомогательных, обслуживающих работах. Причина противоречия коренится в несовершенстве институциональных методов регулирования мобильности молодежи в сфере рыночных отношений, что негативно

---

¹² Начиная с 1990 г., в 12 регионах РФ регулярно проводятся социологические исследования в рамках общероссийского мониторинга «Социальное развитие молодежи». Выборка: молодежь в возрасте 15–29 лет составила в 1990 г. N=10412; в 1994 г. – N=2612; в 1997 г. – N=2500; в 1999 г. – N=2004; в 2002 г. – N=2012.

отражается в ее представлениях о социальной справедливости и проявляется в различных формах ее дискриминации на основе возраста.

В сфере **потребления** индекс развития имеет положительное значение, позитивно характеризуя направленность изменения потребительских ориентаций и структуры потребления молодежи. Противоречие состоит в том, что потребительские ориентации российской молодежи по характеру и уровню развития сильно отличаются от стандартов потребления, характерных для современных обществ, поскольку в них однозначно доминируют ориентации, направленные на удовлетворение элементарных потребностей выживания. Идентификации большинства молодых людей в сфере потребления отстают от уровня потребительского сознания, присущего среднему классу, что не может не сказываться на замедлении темпов его воспроизводства. Главная причина данного противоречия имеет институциональные корни, связанные с низким уровнем материального положения молодежи, с дискриминационным по своей природе характером оплаты труда в российском обществе.

По показателям уровня жизни молодежи, хотя и отмечается незначительное положительное изменение индекса развития, однако остаются острейшими противоречия в оплате труда в отраслевом разрезе, в несоответствии уровня заработной платы и квалификации, а также в связи с постоянным ростом инфляции и цен на предметы первой необходимости. Наконец, существует своеобразное противоречие между реально бедственным положением подавляющего большинства молодежи и мнимым представлением о ней, как более адаптированной и поэтому лучше обеспеченной социально-демографической группе в сравнении с другими. Подобный обывательский стереотип является не последней причиной попустительского отношения к социальным проблемам молодого поколения в России.

В сфере **духовного производства** в развитии молодежи также отмечается ряд противоречий. Несмотря на более высокий престиж работы в данной сфере, положение молодежи в ней ухудшается. Под влиянием таких тенденций как сокращение ее занятости в данной сфере, отток молодых кадров из негосударственного сектора в отраслях духовного производства, снижение уровня квалификации и профессионального мастерства, снижение удовлетворенности собственной профессией индекс развития приобрел отрицательное значение.

Наиболее противоречивая ситуация сложилась в образовании молодежи. Рост количественных показателей идет в разрез со снижением качественных характеристик в сфере образования, с ограничением его доступности для малоимущего большинства молодежи. Производственная потребность в подготовке профессиональных рабочих наталкивается на деградацию системы среднего специального образования. Отмечаются острые противоречия в мотивации образования молодежи. Общая тенденция инструментализации ее сознания выражается в девальвации когнитивных ценностей, в снижении интереса к учебе.

В воспроизводстве **гражданского самосознания** сохраняется общая направленность формирования идентичностей современного общества, однако темпы его замедлились. Многие современные тенденции, например, индивидуализация сознания, становление предприимчивости протекают в гипертрофированном виде, балансируя на грани девиаций. Противоречия, возникающие в этой связи, вызваны состоянием ценностно-нормативной неопределенности в стране, имеют социокультурные корни и проявляются в отрицательном характере изменения традиционных и современных гражданских идентификаций, в отрицательной динамике изменения традиционных идентификаций со своей страной.

Не лишена противоречий и положительная динамика во **внутрипоколенных и межпоколенных отношениях**, где проявились тенденции снижения терминальных и рост инструментальных ценностей общения.

Индекс развития показателей участия молодежи в **политической жизни** также имеет положительное значение, причем более опережающее, нежели в других сферах. Позитивные изменения произошли в основном за счет значительного сокращения разрыва между уровнем доверия и недоверия молодежи институтам власти. Но и при этом, уровень политического нигилизма в среде молодежи остается высоким, соответственно сохраняется воспроизводится отчуждение и социальная пассивность, что отражает сохраняющиеся противоречия молодежи с институтами власти. Выявленные противоречия в духовной сфере имеют институциональные причины. Они вызваны продолжающимся кризисом в образовании, в науке, в культуре и в других отраслях духовного производства, и проявляются в негативных социокультурных последствиях для развития молодежи.

Результаты исследований показывают, что главное противоречие социального развития молодежи в условиях социальной неопределенности обостряется в связи с нарушением единства в процессах становления субъектности молодого поколения в разных сферах общественного производства. Значения суммарных индексов развития молодежи как субъекта производства материальных условий жизни почти в три раза превышают значения индексов ее развития как субъекта духовного производства. Иначе говоря, темпы духовного развития молодежи значительно отстают от темпов ее развития в материальном производстве.

Таким образом, в результате исследований выявлены закономерности формирования источника развития молодежи в переходных обществах. В условиях социальной неопределенности, характерной для таких обществ, происходит деформация механизма общественного воспроизводства, выражающаяся в дисфункции институциональной регуляции и саморегуляции развития молодежи¹³. Это приводит к обострению конфликтов, образующихся в процессе взаимодействия молодежи и общества.

ТИПОЛОГИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИ МОЛОДЁЖНЫХ КОНФЛИКТОВ

Выявленные противоречия позволили осуществить разработку типологии конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия молодежи и общества. В их основе лежит обострение интересов различных категорий молодежи, связанных с воспроизводством собственного статусного положения и препятствиями, возникающими в этом процессе со стороны общества и отдельных его групп. Поэтому в качестве оснований типологии конфликтов выступают противоречия интересов, вытекающих как из специфики сущностных характеристик молодежи, так и из особенностей ее взаимодействия с обществом.

Конфликты **первого типа** связаны с возрастным неравенством социального статуса молодежи и обусловленными им нарушениями в распределении материальных и духовных благ, власти и престижа. Положение становящегося субъекта общественного воспроизводства, не достигшего социальной зрелости, предопределяет неравенство статуса молодых индивидов по сравнению с другими статусно-возрастными группами и сопровождается ущемлением их интересов.

---

¹³ Чупров В.И., Zubok Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. – М., 2000.

В условиях социальной и правовой незащищенности молодежи статусный конфликт приобретает наиболее острые формы. Так, в отсутствие рыночных и правовых механизмов регулирования трудовых отношений молодежь чаще страдает от нарушений трудового договора, имеет ограниченные возможности для повышения квалификации и служебного роста. Нарушаются права и гарантии молодежи на оплату труда, а традиционно относительно низкие заработки молодых работников объясняются недостатком у них опыта и навыков. В подобных обстоятельствах социально-профессиональная мобильность молодежи больше зависит от таких факторов, как аскриптивный статус, включенность в неформальные и корпоративные отношения, степень доброжелательности начальника и трудового коллектива и многих других факторов, не связанных с личными достижениями молодого человека. В результате увеличивается численность низкостатусных и депривилегированных групп в составе молодежи. В массовом проявлении данные процессы отражают ущемление уже не индивидуальных, а групповых интересов молодежи и квалифицируются как возрастная дискриминация.

Конфликты **второго типа** возникают, когда институты социализации перестают обеспечивать цели и интересы молодежи в целом или отдельных ее групп. В этих условиях обостряются противоречия между формирующимися новыми нормативными структурами молодежного сознания и существующими институциональными нормами; между инновационной функцией молодежи и институциональными формами самореализации; между новыми формами социального поведения и действующими механизмами социальной регуляции. Поэтому источником этого типа конфликтов выступает противоречие между преемственностью и социальным новаторством молодого поколения, т. е. между ролью молодежи в простом и расширенном воспроизводстве.

Качественно новые способы деятельности молодежи, обусловленные изменением общественного опыта, взаимодействие молодежи с новыми социальными посредниками, не характерными для предшествующих поколений и формирование иной ценностно-нормативной системы в среде молодежи вызывают противодействие со стороны институциональных структур, одной из важнейших функций которых является сохранение устойчивости и стабильности общества или его представительного большинства. Подобная консервативность институтов социализации формирует предпосылки инновационного конфликта между молодежью и обществом. Причиной конфликтов становится и дисфункция социальных институтов, особенно в переходный период развития обществ. Дисфункцией институтов по контролю над социальными перемещениями индивидов вызваны конфликты, связанные с воспроизводством предписанных привилегий одних и ограничением социальной мобильности других категорий молодежи. В таких условиях традиционные детерминанты социального и культурного неравенства молодежи (социальное происхождение, этничность, гендер, тип поселения и регион проживания) не компенсируются, а, напротив, усиливаются, препятствуя восходящей социальной мобильности. Результатами конфликтов с институтами социализации становятся отчуждение молодежи от инновационной функции и утрата творческого потенциала, формирование асоциальных типов личности, социально-нетипичных и социально-отверженных групп с низким социальным статусом. Так, в сфере образования возникновение конфликта связано с непропорциональным ростом платных форм обучения, и низким уровнем жизни большинства молодых людей. В сфере экономических отношений конфликты возникают в связи с ростом молодежной безработицы, дискриминацией профессиональных интересов молодежи, невостребованностью квалификации из-за разрушения производственной сферы, несоответствием трудовых затрат и вознаграждения за производительный труд.

В условиях системного кризиса деформации подвергается нормативная функция институтов социализации, переживающих состояние аномии. Отсутствие в обществе устойчивых социальных норм и ценностей, а также критериев оценки деятельности молодежи способствует распространению ценностно-нормативного релятивизма и нигилизма как его крайней формы. Это ведет к потере жизненных ориентиров у молодежи, ощущению социально-психологической напряженности и расширению иррациональных форм поведения.

Конфликты **третьего типа** связаны с субкультурными особенностями молодежи. Конфликтность обусловлена противостоянием молодежных субкультур традиционной культуре, а также противоречиями между различными субкультурами молодежи. В результате социоструктурных изменений молодежь усваивает специфический набор ценностей, стандартов и образцов поведения, отличных от принятых в мире взрослых. Возникает состояние напряженности, вызванное неприятием образа жизни и ценностей другого поколения. Молодежные субкультуры становятся специфическими способами организации жизнедеятельности молодых людей и призваны компенсировать разрыв в отношениях между поколениями. В случае поддержки со стороны общества отдельные виды субкультур могут способствовать успешному включению молодого поколения в общество на стадии его обновления, например, музыкальная акция «Рок на баррикадах» и др. на этапе демократической революции в СССР, участие молодежи в «цветных революциях» на территории постсоветского пространства). В случае отрицания обществом молодежной субкультуры происходит ее дифференциация, формируется контркультура, возникают неформальные группы. Поскольку молодежь как социально-демографическая группа дифференцирована, то одновременно сосуществует множество субкультур, зачастую конфликтующих друг с другом.

Теоретическая разработка типологии специфически молодежных конфликтов получила эмпирическую апробацию в ходе социологических исследований¹⁴. Результаты этих исследований способствовали раскрытию механизмов дифференциации рассмотренных оснований конфликтов в различных группах молодежи и углубленному изучению процессов их формирования, путей их реализации. Данные исследований позволили также обосновать вывод о накоплении нереализованных конфликтов и переходе их в качественно новое состояние – риска.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА В СОЦИОЛОГИИ МОЛОДЁЖИ

Риск становится наиболее общим основанием современности и значимым фактором социального развития молодежи. Он является частью условий жизнедеятельности молодого поколения, важнейшей характеристикой образа жизни молодых людей, определяет особенности их поведения, взаимодействия со сверстниками и представителями других поколений. Поэтому процесс становления субъектности, который, взрослея и развиваясь, проходит нынешняя молодежь отличается от образцов транзисии предыдущих поколений. Главное отличие состоит в утрате линейных, предсказуемых и бесконфликтных моделей включения молодежи в общество, в усилении их диверсификации и, следовательно, повышении риска.

Как часть объективных условий, риск также воспроизводится молодежью, как и другие явления общественной жизни и поэтому лежит в основе противоречий и

---

¹⁴ Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. – М., 1998.

специфических проблем современной молодежи. Все это свидетельствует об актуальности изучения риска в качестве специфически молодежного феномена и самостоятельной проблемы социологии молодежи в рамках комплексного подхода, позволяющего выходить на уровень более широких социальных обобщений процессов и явлений, характерных для современных обществ. Важнейшим аспектом этой проблемы стала необходимость концептуализации риска как основы рискологического подхода к социологическому изучению молодежи, положившего начало новому направлению в социологии молодежи¹⁵.

В социологической литературе существует два принципиально различных взгляда на природу риска – когнитивный и социально-конструктивистский. Основное различие между ними заключается в отстаивании представителями первого направления объективного статуса риска, как имманентно присущего любым социальным процессам, и рассмотрение сторонниками второго направления риска как продукта социокультурных, социально-экономических и политических дисфункций в общественной системе. В рамках социально-конструктивистского подхода сформировался взгляд на риск как меру отклонений от заданных параметров социальных норм и критериев развития индивидов, групп и общества в целом («говернментальный» подход, основанный на идеях М. Фокалта). Именно такой взгляд на природу риска позволяет наиболее успешно решать вопрос о его социологическом определении и эмпирической верификации применительно к изучению молодежи и ее развитию.

Были сформулированы основные сущностные признаки риска: наличие неопределенности, необходимость выбора альтернативы, возможность при этом оценить вероятность осуществления выбираемой альтернативы, нравственная оценка результата. Необходимость изучения молодежи во всем многообразии ее связей с обществом, т.е. в развитии, потребовала углубленной разработки структуры риска. В ней выделяются два его аспекта – *деятельностный*, реализация которого происходит в акте индивидуального выбора и *средовой* – как атрибут объективных условий жизни, проявляющихся в *состоянии* неопределенности, внешних опасностях и угрозах. Испытывая риск, молодежь, с одной стороны, становится объектом влияния макросоциальных явлений, развивающихся вне ее деятельностного участия. С другой – сама является субъектом рискованной деятельности, направленной на реализацию социальных притязаний в процессе становления социальной субъектности.

Выделение неопределенности в качестве условия возникновения риска вызвало необходимость изучения различных теоретических подходов к определению ее социальной природы с целью выявления ее влияния на молодежь. Она продуцируется особыми бифуркационными механизмами, действующими наряду с адаптационными, призванными обеспечить предсказуемость, т.е. определенность социальных систем. Поэтому социальная неопределенность рассматривается как особое состояние социальной реальности, вызванное ее неструктурированностью, т.е. невозможностью построения адекватной модели данной реальности и прогнозирования ее возможных состояний, неустойчивостью настоящего и размытостью будущего. Подобное состояние возникает в отсутствие четких целей, непротиворечивых стратегий развития общества в целом или его подструктур, и критериев оценки их эффективности на макроуровне. В общественном плане неопределенность является следствием потери управляемости и стабильности социальных групп, разрушением их организационных структур. В индивидуально-личностном – она сопряжена с отсутствием обоснованных представлений о возможности выхода из нее, потерей жизненных ориентиров как основы социальной саморегуляции в

---

¹⁵ Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 1991.

молодежной среде. Выбор жизненных стратегий молодежью приобретает все более импульсивный и непредсказуемый характер.

Результатом эскалации риска, приобретения им системного характера и проникновения во все сферы общественной жизнедеятельности становится особое состояние общества, именуемое *обществом риска*. Кризис в данном случае выступает как предпосылка эскалации риска. Утрачивая периодичность, углубляясь и превращаясь в перманентный процесс без видимой возможности его преодоления, кризис ведет к эскалации неопределенности и постоянному расширенному воспроизводству риска. Последний приобретает *системный характер*, затрагивая фундаментальные механизмы общественного воспроизводства, и определяет специфические черты общества, называемого обществом риска.

Исходя из парадигмальных параметров воспроизводственного подхода, общество риска определяется в разрабатываемой концепции как специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь воспроизводством самого риска¹⁶. Такое определение позволяет более предметно рассматривать общество риска как системный фактор развития молодежи.

Субъективный риск находит свое выражение в деятельностной форме при попытке преодоления возникшей неопределенности. Готовность к рискованным действиям или неприятие риска проявляется как в психологических и психических, так и в социокультурных характеристиках индивидов и групп, отражающих нравственную сторону оценки предполагаемого результата.

Формирование установок в отношении деятельностного риска происходит в диспозиционной структуре личности, где сам риск выступает в роли *меры* между двумя крайними установками (аттитюдами) – на *безопасность* и *опасность*. Если аттитюд безопасности отражает адаптивные тенденции, направленные на самосохранение и стабилизацию, то аттитюд опасности отвечает за инновационные процессы как основу развития. В движении от одного состояния к другому и проявляется риск. В зависимости от степени риска изменяется состояние поведенческой готовности индивида на шкале между экстремальными состояниями опасности и безопасности.

В этом смысле риск является регулятором индивидуального поведения в конкретной жизненной ситуации и важным фактором развития на индивидуально-личностном уровне, придающим ему характер самовоспроизводства, флуктуационности, эмерджентности. Данный подход позволяет еще на один шаг отойти от модели предопределенности развития и рассматривать его как многовариантный, альтернативный, предполагающий точки выбора в открытых системах.

На основе выделения объективного и субъективного аспектов риска и представлений о неопределенности более выраженной становится их взаимосвязь. Она находит воплощение в предложенном определении риска как категории, отражающей, во-первых, *характеристику условий жизнедеятельности* социальных субъектов в состоянии *перехода* от ситуации неопределенности к ситуации определенности (или наоборот). Во-вторых, *саму деятельность* в данных условиях, когда появляется обоснованная

---

¹⁶ Зубок Ю.А. Общество риска – молодежная составляющая социальной интеграции // Безопасность Евразии, 2001, №1.

возможность выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи или отклонения от цели, с учетом действующих морально-этических норм¹⁷.

Такое определение риска наиболее точно соответствует специфике молодежи как группы и молодости как фазы жизни. Во-первых, как группа, молодежь находится в стадии перехода *от определенности*, создаваемой для нее семьей или ее социальными заместителями (общественными структурами, государственными органами опеки и др.) к *неопределенности* самостоятельной жизни и *от неопределенности* подросткового и юношеского возраста с их социальной амбивалентностью к сравнительно более устойчивой и определенной позиции социально зрелых людей; во-вторых, как носитель инновационной функции молодежь является той самой уникальной системой, которой риск присущ имманентно и может быть признан ее своеобразным *группообразующим фактором*.

Соединение объективного и субъективного риска происходит в конкретных жизненных ситуациях. То есть в индивидуально-личностном плане риск – процесс ситуационный. На основе представительных социологических исследований разработана типология ситуаций риска в молодежной среде. Выделены пять типов риска, отражающих основные этапы процесса социального развития молодежи. **Первый тип ситуаций риска** касается воспроизводства жизненных сил, т.е. самого человека. Здесь возникают ситуации, связанные с угрозой здоровью и жизни молодых людей. Если общество не создает условий для физического развития молодого человека, для охраны его здоровья и безопасности его жизни появляются реальные основания для риска. **Второй тип** – связан с неопределенностью возможностей жизненного старта молодежи. Чем ниже аскриптивный (предписанный) статус молодых людей, унаследованный от родителей, тем выше риски, связанные с неравенством стартовых позиций и риски фальстарта. **Третий тип** обусловлен неопределенностью возможностей самореализации молодежи, когда усиливаются социально-стратификационные риски, связанные с ограничением возможностей для восходящей мобильности, появляются риски нисходящей мобильности и социального исключения молодежи. **Четвертый тип** – ценностно-нормативной неопределенностью, когда возникает множество ситуаций безнормности, при которых молодой человек теряет привычные ориентации, чувство опоры, утрачивает связи с обществом. Усиливается риск социальной дезориентации, аномии, разрыва с социальными институтами и обществом в целом. **Пятый тип** ситуаций риска связан с неопределенностью идентичности, при которой разрушаются традиционные идентификации, а поиск новых идентичностей часто имеет деструктивную направленность. Возникают ситуации, в которых риск кризиса идентичности в молодежной среде становится неотвратимым.

В результате анализа тенденций социального развития молодежи в перечисленных ситуациях были обоснованы различия социально-регуляционных функций объективного и субъективного риска¹⁸. Сравнение тенденций в двух группах респондентов – де-факто оценивших свою жизнь как рискованную (объективная составляющая риска) и априори ориентированных на риск (субъективная составляющая риска), выявил разнонаправленный характер развития. Если субъективная составляющая риска,

---

¹⁷ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М., 2003. – С.121.

¹⁸ Для анализа использовался коэффициент риска (Кр), представляющий собой отношение значения отклонения по данному показателю в группе риска (Oip) к значению отклонения по этому показателю в целом по молодежи (Oi). Он указывает насколько (в какое количество раз) велико отклонение значения показателя развития в группе объективного и субъективного риска по отношению к общему распределению и выражает степень риска.

включающая инновационный риск, в целом положительно влияет на процесс развития, благодаря возникающему синергетическому эффекту, то объективная его составляющая является детерминантой преимущественно отрицательной направленности развития молодежи.

Таким образом, разработка теоретической концепции социологического изучения молодежи с позиций рискологического подхода позволяет раскрыть **новые направления в социологии молодежи**. Они связаны с особенностями взаимодействия молодежи с обществом риска; с обоснованием риска в качестве ее группообразующего признака; с выявлением роли риска в диспозиционной структуре личности; с определением в структуре риска объективной и субъективной составляющих, что расширило существующие представления о его функциях как источника развития.

В условиях социальной неопределенности и риска новый ракурс приобрела проблема интеграции молодежи в социальную структуру общества. Это связано, во-первых, с изменением механизма интеграции в новых условиях, во-вторых, с той ролью, которую играет социальная интеграция в процессе реализации конфликтов и минимизации рисков.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА

Включаясь в процесс воспроизводства различных общественных структур, молодежь реализует определенные функции, соотносясь в своей деятельности с обычаями и правилами, разделяемыми в них. Следовательно, происходит адаптация молодого поколения к сложившимся условиям и фильтрация молодым человеком приемлемых, как лично для него, так и для данной общности ориентиров, их интериоризация. В силу того, что индивид вынужден действовать в системе коллективов, основным условием их согласия является формирование надлежащего уровня лояльности по отношению к коллективным интересам и потребностям. Поэтому под *социальной интеграцией молодежи* понимается, во-первых, характер связей между обществом как целым и молодежью как его частью, возникающих в процессе включения этой социально-демографической группы в социальную структуру, направленных на поддержание и воспроизводство устойчивых общественных отношений и целостности обществ. Во-вторых, совокупность процессов, определяющих различные формы внутригруппового единства молодежи¹⁹. Она объединяет в себе два параллельных процесса: механическое включение – формальную принадлежность к социальной общности и органическое – осознание себя частью этой общности.

Степень интеграции молодого человека в практическую деятельность характеризуется не только уровнем его ориентированности в системе специфических для определенной ситуации требований, но и мерой внутренней, психологической идентификации, т.е. отождествления с данной деятельностью, готовностью к слиянию с ней и максимальной отдаче. Представляя собой совокупность взаимосвязанных идентификаций, возникающих в процессе социального взаимодействия, она выступает регулятором солидарного самосознания и поведения молодежи.

Идентификация с социальной группой есть социально-психологическое состояние, отличное от простого приписывания к той или иной социальной категории, воплощенное, прежде всего, в интериоризации ценностей данной общности. Ценности

---

¹⁹ Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. – М., 1998. – С.19-20.

при этом выступают в качестве культурного кода и своеобразного индикатора, позволяющего судить, насколько успешно протекает процесс культурной идентификации группы, происходит ли укрепление или разрушение группового самосознания, сохраняет ли группа себя как носителя уникального, только ей присущего типа культуры (субкультуры), или она постепенно утрачивает свою целостность. Идентификация с культурными ценностями в процессе производства и воспроизводства социальных групп выступает в качестве культурного основания ее социальной интеграции.

В недрах идентификационных процессов лежит отождествление молодым человеком себя с коллективом (трудовым, учебным, неформальным), помогающим ему успешно овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать групповые социальные нормы, ценности, социальные роли. Обмен культурными достижениями, информацией и уровень охвата ими всего общества или коллектива составляет *коммуникативное* основание социальной интеграции.

Следование общим целям и ценностям, осознание своего статуса, принятие распределения власти и влияния в строгом соответствии с социальными позициями – такова *нормативная* основа интеграции. Нормы, являясь средствами социальной регуляции поведения молодых людей, объединяют их в группы (общности), обеспечивают воспроизводство социальной структуры, поддерживают процессы функционирования общества как системы взаимодействия групп. Тем самым группы молодежи с различными, даже антагонистическими интересами интегрируются в общество. Обусловленная общественным разделением труда взаимозависимость между людьми, включенными в разные ролевые структуры и необходимость в обмене услугами между ними, выступает *функциональным* основанием интеграции. Этот аспект интеграции в наиболее полной мере является органической солидарностью, соединяющей культурно неоднородных и взаимозависимых индивидов (групп) целое.

Органическая солидарность основана на осознанной и, прежде всего, функциональной взаимосвязи членов социальной группы или общества, на сформированном чувстве согласия, как высшем моральном принципе и универсальной ценности. Противоположным типом является механическая солидарность. В ее основании заложено отчуждение молодого человека от самого себя под всепоглощающим давлением коллективного сознания и социального принуждения, выраженного в строгих правилах, «карающих» за отклонение от норм коллективного поведения. Как известно Дюркгейм выделял также отрицательную интеграцию, которая «не делает из сближаемых ею элементов целого, способного действовать однообразно; она ни в чем не содействует единству социального тела»²⁰.

Воспроизводство отрицательной интеграции во многом характеризуют современное российское общество. Одновременно с кризисом коллективистских устремлений усиливаются антисоциальные ориентации и отклоняющееся поведение молодежи. Индивидуалистические черты и разного рода девиации приобретают часто криминальные оттенки. Происходит смещение центра тяжести от общественного нейтралитета к латентному межгрупповому противостоянию, готовому обнаружиться при удобном случае. Образуется определенная система, в рамках которой происходит не связывание между собой различных частей, а напротив, их разделение – дифференциация с четко обозначенными границами.

В условиях риска интеграция молодежи приобретает двойственную роль. С одной стороны, под влиянием риска она может принимать различные формы, приобретать не

---

²⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – С.68, 114, 116.

одинаковую интенсивность и направленность в зависимости от характера риска и особенностей конкретных групп молодых людей. Исследования показывают, что в этих условиях часто проявляется дисгармония механического и органического объединения субъектов интеграции; интеграция носит вынужденный характер вследствие отсутствия реального выбора у молодежи; идентификационные основания в основном сужаются до уровня микрогрупповых, что придает интеграционным тенденциям локальный характер, а индивидуализация как поиск индивидуальных стратегий выживания и риск как форма разрешения жизненных проблем выступают специфическими способами интеграции молодежи в общество риска. С другой стороны, интеграция становится фактором и критерием локализации риска (сужение его социальных границ), его редукции (понижение интенсивности) и минимизации (доведение до минимально возможного уровня). Как способы рационализации риска эти процессы способствуют успешной интеграции молодежи в общественно значимые структуры и отношения.

Распределение молодежи по типам интеграционного поведения за последние пять лет носит достаточно устойчивый характер. Прежде всего, налицо устойчивая доминанта конформного типа поведения вне зависимости от колебаний внешних условий среды. В свою очередь, инновация, как основа развития молодежи и расширенного воспроизводства общества оказалась наиболее чувствительной к условиям растущей неопределенности и неэффективного социального управления. За эти годы не только уменьшился удельный вес группы молодежи, отличающейся инновационным потенциалом, но и произошло смещение значительной ее части в антиобщественное поле интеграционного поведения под влиянием ценностно-нормативной неопределенности и кризиса социальных институтов. Проявляясь спонтанно в условиях риска, инновационная деятельность молодежи фактически не подвергается ни социальному регулированию, ни общественно значимой саморегуляции. Следовательно, она приобретает потенциал социальной деградации.

В случае эскалации риска происходит усиление противоречий и конфликтов между молодежью и обществом, набирают силу процессы дискриминации, отчуждения и маргинализации усиливается дифференциация в молодежной среде, возрастает вероятность *социального исключения различных групп молодежи*²¹. Эта модель чаще реализуется в кризисном обществе.

Свои особенности под влиянием неопределенности и риска приобретают также противоречия и конфликты. Конфликт, как известно, возникает в случае осознания сторонами неравенства статусов, различий в целях и интересах, что становится основой выделения и обособления противоборствующих общностей. Однако в условиях неопределенности социальные позиции и сфера сознания слабо структурированы, следовательно, размыты статусы и представления о них, не осмыслены с точки зрения общности и групповые интересы. Поэтому соответствующие риск-солидарности, которые с необходимостью должны бы появляться в ответ на условия риска, если и формируются, то весьма ограниченно и противоречиво, что отмечают многие исследователи риска²². Следовательно, в условиях неопределенности субъекты конфликта не оформляются. В свою очередь, структурирование сторон конфликта связано с преодолением неопределенности, когда становится возможным осознание индивидами и группами своего социального положения и социальных интересов. Поэтому в условиях неопределенности противоречия

---

²¹ Зубок Ю.А. Исключение в исследовании проблем молодежи // СОЦИС, 1998, № 8.

²² Яницкий О.Н. Социология риска. – С.137.

нарастают, напряженность усиливается, но в свою следующую стадию – конфликтную не переходят. Конфликт обостряется, приобретая форму риска, не в самой ситуации неопределенности, а на стадии ее преодоления, когда, оформляются и проясняются, во-первых, противоположные возможности – тенденции развития; во-вторых, структурируются интересы и формируются социальные идентичности. В самой же ситуации неопределенности конфликт существует преимущественно в латентной форме.

Итак, в основе формирования альтернативных моделей развития молодежи – интеграционной и социального исключения лежит использование различных способов рационализации риска. **В первой модели**, в результате которой происходит *интеграция*, риск реализуется посредством конформизма молодежи – согласие с общественно значимыми целями и средствами их достижения, либо через ее инновационную деятельность, предполагающую согласие с провозглашаемыми целями, но отрицание социально одобряемых способов их достижения. При этом сама интеграция, как процесс, выстраивается на иных нетрадиционных основаниях.

Во второй модели риск получает разрешение преимущественно в форме *дифференциации* существующих структур, при которой также возможна инновация молодежи, но может происходить и ее исключение из общественных структур, усиливающее дезинтеграционные процессы в обществе.

Социальная интеграция относится к одной из ключевых проблем социологии молодежи. Однако в структурно-функциональной теории выделяется лишь одна из функций интеграции – поддержание гармонического бесконфликтного отношения между элементами системы. В разрабатываемой концепции получило углубленное развитие функционирование ее механизма в условиях социальной неопределенности и риска, что позволило раскрыть среди других ее функций, социально регуляционную.

МЕХАНИЗМЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ РИСКОВ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Поиск эффективных методов управления рисками приводит социологов к выводу, что в условиях неопределенности происходят значительные изменения в существующих механизмах социальной регуляции. Поэтому проблема управления рисками все больше входит в область фундаментальных исследований.

Напомним, что в социальном управлении выделяются две формы управленческого воздействия – целенаправленного регулирования социального взаимодействия и саморегулирования. Базисную роль в реализации обеих форм играют социальные институты. Представляя собой организованную систему социальных связей, социальных норм и определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в конкретных ситуациях, они формируют институциональную основу формализованного и неформального регулирования различных сфер человеческой деятельности. Такая основа успешно формируется в условиях стабильного общества.

Вместе с тем, множество процессов в социальной жизни происходит на неинституциональном уровне – различные проявления субкультуры, групповой психологии, индивидуальных интересов. Эти процессы также могут стать объектом целенаправленного (формализованного) воздействия, но чаще в них осуществляется саморегулирование. Как уже отмечалось, в условиях социальной неопределенности и в отсутствии четких целей развития общества процесс его воспроизводства принимает стихийный, вероятностный характер. В результате происходит воспроизводство риска самими социальными институтами (экономикой, политикой, правом и др.), и одновременно активизируются неинституциональные механизмы его саморегуляции.

Под саморегуляцией в социологии понимается деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений, от того, что индивид (группа) принимает для себя как должное и ожидаемое. Поскольку объектом саморегуляции выступает сама личность (группа), то это есть воздействие на себя как следствие рефлексии с целью приведения собственного функционирования в нормальное состояние. На групповом уровне саморегуляция осуществляется через механизмы стратификации, социокультурной регуляции, самоорганизации.

Стратификационный механизм саморегуляции. В его основе заложены неинституциональные способы социального расслоения, определяющие изменение положения человека в системе социальных статусов. Процесс социального расслоения молодежи непосредственно связан с соотношением аскриптивного и достигаемого статусов. В статусе, унаследованном от родительской семьи, содержатся исходные возможности стартовых позиций, а в достигаемом собственными усилиями – направленность дальнейшей социальной мобильности. Реализация статусных позиций сопряжена с множеством рисков, вызываемых неопределенностью жизненного старта, которые обостряются или минимизируются под влиянием факторов, заложенных в стратификационном механизме саморегуляции.

Так, в группе респондентов с низким уровнем аскриптивного социального статуса степень средового риска значительно выше, а деятельностного – ниже, чем в группе с высоким статусом. Что вполне объяснимо, поскольку отражает состояние социальной неопределенности условий, в которых вынуждены жить молодые люди, унаследовавшие от родителей низкий социальный статус. Не имея необходимой поддержки со стороны семьи и окружения, они боятся рисковать, тем самым еще более ограничивая свои возможности в социальном продвижении. Для достижения успеха им остается адаптироваться к средовому риску, рассчитывая в основном на свои силы, и рационализируя деятельностный риск в форме его ограничения.

В группе с высоким уровнем аскриптивного статуса степень деятельностного риска более чем в два раза превышает аналогичный показатель по сравнению с группой с низким статусом. Это объясняется более широкими возможностями для самореализации, унаследованными молодыми людьми от родителей с высоким социальным статусом. Они чувствуют себя более защищенными от возможных потерь в случае ошибочного выбора, а потому смелее идут на риск. Проигрыш компенсируется высоким аскриптивным статусом, а выигрыш повышает достигаемый статус. В этом и проявляется саморегуляция риска в стратификационном механизме.

Однако отсюда отнюдь не следует вывод, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Знание механизма стратификационной саморегуляции позволяет оказывать целенаправленное влияние на снижение средового риска и рационализацию деятельностного. При этом важную роль призваны сыграть социальные факторы, компенсирующие стратификационные различия.

Социокультурная саморегуляция. Решающая роль в механизме социокультурной саморегуляции принадлежит мотивационной сфере сознания. Она представляет собой сложное системное образование, являющееся продуктом взаимодействия потребностей, интересов и ценностей. Потребности придают процессу саморегуляции предметную направленность, указывая на то, что необходимо, без чего нельзя существовать. Интересы – деятельностную, определяя наиболее выгодные способы удовлетворения потребности.

Ценности наполняют ее общемировоззренческим и нравственным смыслом, формируя социальную направленность поведения личности или группы.

Как показали результаты исследования, наиболее активно степень риска снижается под влиянием интересов. Особенно заметно эта зависимость проявляется в деятельностином риске. Так, его значение, в связи с повышением уровня когнитивных интересов молодежи, снижается в 2,5 раза. Это связано с деятельностной природой интересов в мотивационной сфере сознания. В интересах отражаются субъективные ожидания человека (группы), в конкретной ситуации (выгодно/невыгодно) и объективные требования к личности или к группе (возможно/невозможно), что и обуславливает их деятельностную функцию в механизме саморегуляции риска. Осознанный интерес повышает уровень определенности, оптимизируя риск.

Соотношение субъективных ожиданий и объективных требований регулируется ценностями, являющимися смыслообразующими факторами саморегуляции. Причем, значения средового риска минимизируются в группе молодежи, ориентированной на терминальные ценности. А степень деятельностного риска практически одинаково распределяется в обеих группах (ориентированных на терминальные и инструментальные ценности). Видимо, в стремлении минимизировать средовой риск молодые люди ориентируются большей частью на фундаментальные ценности, нежели на сиюминутную выгоду. Совершая же практические действия, они стремятся не столько минимизировать, сколько оптимизировать риск в зависимости от конкретных ситуаций. Поэтому в процессе рационализации деятельностного риска в одинаковой степени активизируются и терминальные, и инструментальные ценности.

Самоорганизация. Это спонтанно совершающийся процесс социального регулирования, связанный с возникновением новых структур или трансформацией существующих в момент их крайней неустойчивости. Становление молодежи как субъекта общественного воспроизводства является результатом непрерывной индивидуальной и групповой самоорганизации. Поэтому неустойчивость социального положения, имманентно присущая ей как становящемуся субъекту, выступает объективным основанием риска в молодежной среде. А самоорганизация – одним из механизмов его социального регулирования.

Осознавая растущий риск в различных ситуациях, молодежь стремится противостоять его эскалации в организованной форме – в активизации семейных и родственных связей, в осознанном стремлении к участию в неформальных объединениях и молодежных движениях, в сотрудничестве с различными официальными органами и т.д. Как показал анализ, спонтанно возникающая самоорганизация непосредственно не детерминирована деятельностным риском. Она формируется в условиях средового риска как следствие роста неопределенности. Причем наибольшее упорядочение отношений молодежи в различных сферах ее жизнедеятельности в результате самоорганизации отмечается в условиях высокой степени средового риска. Это означает, что самоорганизация активизируется в условиях возрастающей неопределенности и повышенного средового риска, способствуя его рационализации.

Однако спонтанное упорядочение отношений молодежи и общества не всегда приводит к желаемым результатам. С точки зрения управления это означает, что процессы саморегуляции и самоорганизации могут быть эффективными лишь в системе институциональных механизмов социальной регуляции. Под влиянием социальных институтов происходит институционализация механизмов саморегуляции рисков, повышающая их управляемость.

Таким образом, рассмотренные теоретические проблемы молодежи представляют собой актуальные направления в ее социологическом изучении. Вместе с тем, будучи логически взаимосвязанными и содержательно взаимообусловленными, они способствуют фундаментальной разработке целостного теоретико-методологического подхода в социологии молодежи.

---

2. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Институциональные и неинституциональные механизмы управления риском в образовании молодежи // Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2006 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2007. – С. 446-469.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКОМ В ОБРАЗОВАНИИ МОЛОДЁЖИ

В последнее десятилетие рискологическая проблематика заняла прочные позиции в современной социологии. Изучению социальной природы рисков, форм их проявления в различных сферах общественной жизни, факторов, влияющих на их глобализацию, посвящены работы многих отечественных и западных социологов. В условиях нарастающих угроз в мире и России все чаще возникает вопрос об управлении рисками. Поиск эффективных методов управления приводит социологов к выводу, что в условиях риска происходят значительные изменения в существующих механизмах социальной регуляции. Поэтому проблема управления рисками все больше входит в область фундаментальных исследований.

В социальном управлении выделяются две формы управленческого воздействия – целенаправленного регулирования и саморегулирования. Базисную роль в реализации обеих форм играют социальные институты. Представляя собой организованную систему социальных связей, социальных норм и определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в конкретных ситуациях, они формируют институциональную основу формализованного и неформализованного регулирования различных сфер человеческой деятельности, в том числе и образования. Вместе с тем, множество процессов в социальной жизни происходит на неинституциональном уровне – различные проявления субкультуры, групповой психологии, индивидуальных интересов. Эти процессы также могут стать объектом целенаправленного (формализованного) воздействия, но чаще в них осуществляется саморегулирование. Поэтому по методам воздействия различаются институциональные и неинституциональные механизмы социального управления.

В условиях социальной неопределенности происходят существенные изменения в образовании молодежи. Они связаны с воспроизводством ситуаций риска в данной сфере. Исследования выявили ряд особенностей, проявляющихся в институциональных и неинституциональных механизмах регуляции в условиях риска, которые не могут не учитываться в процессе управления рисками в сфере образования молодежи.

Институт образования в механизмах управления рисками

Стратегической целью социального управления является постоянное воспроизводство и обновление общества. В расширенном воспроизводстве российского общества все большее значение приобретает образование молодежи, учитывая воспроизводственную и инновационную функции этой социальной группы. Поэтому в разрабатываемом концептуальном подходе к изучению механизмов управления рисками в сфере образования общественное воспроизводство рассматривается во взаимосвязи с социальным развитием молодежи.

В стабильно развивающемся обществе эффективно реализуются институциональные механизмы регуляции возникающих противоречий. В условиях социальной неопределенности и в отсутствии четких целей развития общества процесс его воспроизводства принимает стихийный, вероятностный характер. Происходит воспроизводство риска, активизируются неинституциональные механизмы его саморегуляции. Подобное состояние российское общество переживает уже длительное время. Осуществляемые реформы превращаются в самоцель, идущую в разрез с развитием и даже сохранением целостности самого общества, способствуя эскалации риска. А молодежь становится фактором его воспроизводства.

Являясь важнейшим фактором воспроизводства человеческого потенциала, образование призвано обеспечить преемственность культурного наследия и развить у молодых людей способность к его обновлению. Причем, культурное наследие включает в себя в качестве результатов общественного производства, как условия жизни, так и сущностные (духовные и физические) силы самого человека. В противоречии между этими диалектически противоположными сторонами общественного производства, и коренится источник ее социального развития, как условия расширенного воспроизводства общества.

В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с несоответствием общественных потребностей и субъективных возможностей, а также, наоборот, индивидуальных запросов, ожиданий и объективных условий, необходимых для их реализации. Улучшение отдельных показателей условий жизни влияет на рост потребностей, вслед за которым возникает новый виток неудовлетворенности. Такова природа социального развития. При неэффективной социальной политике в этом процессе накапливаются нереализованные противоречия, что ведет к воспроизводству риска. Поэтому эффективность управления в сфере образования молодежи определяется, прежде всего, тем, насколько образовательная политика способствует достижению единства противоположностей в общественном производстве и преодолению возникающих противоречий в жизнедеятельности конкретных групп молодежи.

Но преодоление противоречий сопряжено с новыми рисками. Они усиливают разрыв в единстве этих сторон, в результате чего нарушается достигнутое равновесие между сложившимися условиями жизнедеятельности и ожиданиями молодых людей. Это проявилось, в частности, в противоречии между модернизационными стратегиями в образовании и чрезмерной перегрузкой учащихся. Учебная нагрузка старшеклассника всеми видами заданий составляет 167 часов в неделю, притом, что в неделе всего 168 часов. Учащиеся вынуждены самостоятельно регулировать этот процесс, и в итоге увеличение количества оборачивается снижением качества получаемых знаний. Усиливаются противоречия в связи с диспропорциями в подготовке и в использовании специалистов, с перепроизводством так называемых, «модных» профессий, с нарушением соотношения технического и гуманитарного, государственного и частного, бесплатного и платного образования.

В современной социологии молодежи выделяется две стороны риска – объективная (средовой риск как условие жизнедеятельности) и субъективная (деятельностный риск)²³. Средовой риск становится фактором, влияющим на отношения людей в данной сфере, до тех пор, пока они не найдут адекватный способ его регулирования. Но в условиях риска снижается эффективность целенаправленного регулирования, в связи с тем, что изменяется функционирование институциональных механизмов. Так, превращение в России образования в оплачиваемую услугу принципиально меняет характер отношений в системе образования, структуру мотивов и ценностных ориентаций, снижает доступность образовательных услуг для неимущих слоев населения. В результате, более 800 тыс. детей школьного возраста неграмотны, 3 млн детей были вынуждены бросить школу.

Образование сталкивается и с деятельностными формами риска. Среди учащихся средних школ и ПТУ по их собственному признанию каждый третий вынужден постоянно совершать в процессе учебы рискованные поступки, а среди студентов ВУЗов – каждый второй. Деятельностный риск играет важную роль в механизме саморегуляции. В зависимости от способов регулирования деятельностные риски в разной степени могут привести к позитивным результатам, к выигрышу, т. е. стать источником достижений и развития, но могут завершиться и проигрышем.

Проблема состоит в том, что в нынешних условиях реформы образования усиливают состояние неопределенности в данной сфере. Традиционно выполняя функцию «социального лифта», сегодня образование само становится фактором средового риска, усиливая социальное расслоение в молодежной среде. В свою очередь рост неопределенности активизирует рискогенный фактор поведения молодежи в выборе образовательных стратегий.

В таком переходном состоянии поиск возможностей выхода из него приобретает преимущественно случайный характер. Снижается эффективность целенаправленных механизмов регулирования, а в саморегулировании доминирующую роль приобретают спонтанные процессы.

Саморегуляция в управлении рисками в сфере образования

Под саморегуляцией в социологии понимается деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений, т.е. того, что индивид (группа) принимает для себя как должное и ожидаемое. Поскольку объектом саморегуляции выступает сама личность (группа), то это - воздействие на саму себя с целью приведения собственного функционирования в нормальное состояние. Поэтому саморегуляция отражает становление субъектности молодежи, как способности активно и автономно существовать и действовать в изменяющемся обществе, как способность оптимального выбора в ситуациях риска.

Проявление субъектной саморегуляции молодежи выражается в моделировании и конструировании действительности, «социальном конструировании и переструктурировании реальности»²⁴, что подразумевает изменение самой действительности с целью приспособления ее к собственным целям и потребностям. В ситуациях риска на локальном уровне происходит спонтанное саморегулирование,

---

²³ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М.: Изд. Московской гуманитарно-социальной академии. – С. 122-123.

²⁴ Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. – М.: Социум. 1999. – С. 152-188.

индивидуальный поиск осознанного способа решения проблем, связанных, например, с поступлением в учебное заведение; выбором профессии, трудоустройством. Индивидуальное саморегулирование – это поведенческая реакция молодых людей на возможности, предоставляемые средой, выражаемая в действиях и деятельности. Способы саморегулирования – есть результат отслеживания и осмысления молодыми людьми того, как развивается та или иная социальная ситуация. Значение имеет социальный опыт, система общественных и индивидуальных ценностей, стереотипы поведения. Гарантом саморегулирования является право. Рефлексия в ситуации риска реализуется посредством постоянного переосмысления молодежью основ своей деятельности, способности к самоанализу ее результатов в направлении оптимального выбора ради максимизации выигрыша или минимизации проигрыша. Отражаясь в правовом сознании, результаты деятельности приобретают легитимную форму.

По сути, это пример изучаемых в синергетике «самоорганизующихся сред»²⁵. В наиболее выраженной форме данный механизм проявляется в индивидуализации молодежи, присущей обществу риска, которую целесообразно представить как самоорганизацию, протекающую в изменившихся институциональных параметрах, соответствующих условиям неопределенности. Это процесс реализации риска собственными силами молодых людей, их реконсолидация и выработка новых ориентаций, преемственно связанных со старыми стереотипами и традициями. На индивидуально-личностном уровне происходит формирование порядка из хаоса на основе свободы воли отдельных молодых людей. На групповом уровне саморегуляция осуществляется через механизмы стратификации, социокультурной регуляции, самоорганизации.

Стратификационный механизм саморегуляции. В его основе заложены неинституциональные способы социального расслоения, определяющие изменение положения человека в системе социальных статусов. В сфере образования молодежи процесс социального расслоения непосредственно связан с соотношением аскриптивного (предписанного) и достигаемого статусов. В статусе, предписанном молодому человеку родительской семьей, содержатся исходные возможности стартовых позиций, а в статусе, достигаемом собственными усилиями – направленность дальнейшей социальной мобильности. Реализация статусных позиций сопряжена с множеством рисков, вызываемых неопределенностью жизненного старта, которые обостряются или минимизируются под влиянием факторов, заложенных в стратификационном механизме саморегуляции.

От чего же зависят стартовые позиции молодежи в сфере образования и риски, связанные с их выбором? Без сомнения влияние оказывают и образовательный статус родительской семьи, и уровень её материального благосостояния, и региональные условия её жизни, и гендерные особенности, и многие другие факторы. В стратификационном механизме они выступают в качестве оснований аскриптивного статуса молодежи. Однако, как показывают результаты исследования, степень их влияния не одинакова. Если проанализировать тесноту их связи по коэффициенту сопряженности с основными моделями жизненного старта (различные виды образования, работа и формы их сочетания), то представится следующая картина (см. табл. 1)²⁶.

---

²⁵ См.: Синергетика и социальное управление. – М.: 1998.

²⁶ В тексте используются данные исследования, проведенного Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2002 г. в 12 регионах РФ под рук. д.соц.н., проф. В.И. Чупрова. Выборка молодежи в возрасте 15-29 лет составила 2012 респондентов.

**Ранжирование социальных факторов по степени тесноты связи с основными показателями
жизненного старта учащейся молодёжи
(РФ, 2002 г., молодежь 15-29 лет, N=2012)**

Факторы	Интегральные значения коэффициента сопряженности	Ранг
Образование матери	0,39	1
Образование отца	0,32	2
Регион проживания	0,24	3
Материальное положение	0,21	4
Пол	0,15	5

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

Как видно из таблицы 1, ведущее место по степени влияния на жизненный старт учащейся молодёжи занимает такой статусный фактор как образование родителей. С ним связаны различия в образе жизни молодёжи. Причём, образование матери оказалось более значимым фактором, чем отца, что отражает исторически сложившееся распределение ролевых структур в российской семье. Мать ближе к детям и её влияние на них больше.

Опережающее влияние регионального фактора, по сравнению с материальным, также не случайно. Условия жизни в российских регионах настолько различны, что этот фактор является ведущим в формировании социокультурной среды обитания. К тому же, традиционные различия городского и сельского образа жизни, за последнее десятилетие стали более поляризованными. Заметно контрастнее проявляются различия в образе жизни крупных и малых городов. Поэтому региональные условия становятся важным основанием социальной стратификации и не могут не отражаться на жизненном старте молодёжи.

Таким образом, на первый план выдвигаются социокультурные основания стратификации жизненного старта молодёжи. Это закономерное явление в условиях обнищания населения и поляризации его социально-экономической структуры. Материальное положение молодёжи мало различается в подавляющем большинстве семей, находящихся за чертой бедности. Здесь оно является скорее общим знаменателем, чем стратификационным основанием. Но его влияние становится особенно заметным при сравнении моделей жизненного старта бедного большинства и богатого меньшинства молодёжи.

Что касается гендерных различий, то они проявляются на уровне отдельных видов образования и форм вторичной занятости (сочетания учебы с трудом). В целом же, степень их влияния на выбор моделей жизненного старта меньше, чем других факторов.

Идентификация с той или иной статусной группой связана не только с отождествлением себя с ней, но и с осознанием собственной включенности в групповые механизмы саморегуляции. Это способствует снижению социальной неопределенности на этапе жизненного старта, обретению уверенности в себе, столь необходимой для минимизации риска. Соответственно эффективность групповых механизмов саморегуляции зависит от того места, которое занимает данная группа в стратификационной структуре общества. Чем выше социальный статус группы, тем разнообразнее внутри и межгрупповые социальные контакты, а значит, более разветвленными становятся механизмы саморегуляции, расширяются возможности самореализации всех, кто к ней причастен.

Рассмотрим, как влияют неинституциональные механизмы социальной стратификации на средовой и деятельностный риски в сфере образования молодежи. Для этого выделим группы учащейся молодежи (учащиеся средних школ, ПТУ, техникумов и ВУЗов) с высоким и низким социальным статусом. Статус определялся по показателям уровня образования родителей, региона проживания и материального положения семьи. Степень влияния социального статуса на показатели риска прослеживается из анализа данных таблицы 2.

Таблица 2

Связь аскриптивного социального статуса учащейся молодежи с показателями риска
(РФ, 2002 г., молодежь 15-29 лет, N=2012)

Уровень статуса	Степень риска	
	средового (К)	деятельностного (%)
Низкий	3,92	10,8
Высокий	3,64	22,0

Примечание: К-средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале.
Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

В группе учащихся и студентов с низким уровнем аскриптивного социального статуса степень средового риска значительно выше, чем в группе с высоким статусом. Что вполне объяснимо, поскольку отражает состояние социальной неопределенности условий, в которых вынуждены жить учащиеся и студенты, унаследовавшие от родителей низкий социальный статус. Не имея необходимой поддержки со стороны семьи и окружения, молодые люди боятся рисковать, тем самым еще более ограничивая свои возможности в социальном продвижении. Для достижения успеха им приходится преодолевать риск, рассчитывая в основном на свои силы, формируя собственный достигаемый статус.

В группе с высоким уровнем аскриптивного статуса степень деятельностного риска более чем в два раза превышает аналогичный показатель по сравнению с группой с низким статусом. Это объясняется более широкими возможностями для самореализации, унаследованными молодыми людьми от родителей с высоким социальным статусом. Они чувствуют себя более защищенными от возможных потерь в случае ошибочного выбора, а потому смелее идут на риск. Проигрыш компенсируется высоким аскриптивным статусом, а выигрыш повышает достигаемый статус. В этом и проявляется саморегуляция риска в стратификационном механизме.

Однако отсюда отнюдь не следует вывод, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Знание механизма стратификационной саморегуляции позволяет оказывать целенаправленное влияние на снижение средового риска и стимулирование деятельностного. При этом важную роль призваны сыграть факторы, компенсирующие стратификационные различия.

Социокультурная саморегуляция. Решающая роль в механизме социокультурной саморегуляции принадлежит мотивационной сфере сознания. Она представляет собой сложное системное образование, являющееся продуктом взаимодействия потребностей, интересов и ценностей. Потребности придают процессу саморегуляции предметную направленность, указывая на то, что необходимо, без чего нельзя существовать. Интересы – деятельностную, определяя наиболее выгодные способы удовлетворения потребности. Ценности наполняют ее общемировоззренческим и нравственным смыслом, формируя социальную направленность поведения личности или группы. Применительно к рассматриваемой проблеме уровень потребностей определялся по семибалльной шкале распределения ответов на вопрос о степени неудовлетворенности образованием. Уровень

интересов – по семибалльной шкале оценок степени заинтересованности в образовании как факторе самоутверждения. Терминальные и инструментальные ценности отражали понимание респондентом смысла образования, как цели и как средства.

Как показали исследования, в условиях риска в мотивационной сфере сознания молодежи происходят заметные изменения (см. табл. 3).

Таблица 3

Связь риска с процессом саморегуляции в мотивационной сфере сознания учащейся молодежи

(РФ, 2002 г., молодежь 15-29 лет, N=2012)

Механизмы саморегуляции		Формы риска	
		Средовой риск (К)	Деятельностный риск (%)
Потребности	низкий уровень	3,63	21,4
	высокий уровень	21,4	20,0
Интересы	низкий уровень	4,24	47,1
	высокий уровень	3,53	18,5
Ценности	Инструментальные	3,77	17,9
	Терминальные	3,38	15,7

Примечание: К-средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Анализ данных таблицы 3 не только подтверждает наличие такой связи, но и выявляет ее положительную направленность в сфере образования молодежи. На это указывает снижение значений средневзвешенных коэффициентов степени средового риска, свидетельствующих о его минимизации, в связи с высоким уровнем когнитивных потребностей и интересов, а также с доминированием терминальных ценностей. Аналогичная тенденция прослеживается и в степени минимизации деятельностного риска. Причем, минимальные значения и средового, и деятельностного риска отмечаются в группе молодежи, ориентированной на терминальные ценности образования, что свидетельствует о ценностно-нормативной доминанте саморегуляции рисков в данной сфере.

Выходит, что эффективность сиюминутной конъюнктуры как регулятора риска является мнимой. Более эффективными оказываются долгосрочные цели, терминальные ценности, предполагающие не эпизодическую, а систематическое самосовершенствование.

Обращает на себя внимание снижение субъективного риска в группе с терминальными ценностями. А, если они снижают деятельностный риск, как признанный фактор развития молодежи, тогда можно ли их рассматривать как источник развития молодежи? Положительный ответ на данный вопрос обусловлен тем, что самоценное отношение в данном случае к образованию, знаниям предопределяет постоянное совершенствование молодого человека, наращивание интеллектуального потенциала, что делает его наиболее конкурентоспособным в постиндустриальном обществе, а значит, дает ему прочную опору и тем самым позволяет рационализировать риск, оптимизируя его последствия и сдерживая воспроизводство риска немотивированного, спонтанного.

Вместе с тем, наиболее активно степень риска снижается под влиянием интересов. Особенно заметно эта зависимость проявляется в деятельностном риске. Его значение, в связи с повышением уровня когнитивных интересов, снижается в 2,5 раза. Это связано с деятельностной природой интересов в мотивационной сфере сознания. В интересах отражаются субъективные ожидания человека (группы), в конкретной ситуации (выгодно/

невыгодно) и объективные требования к личности или к группе (возможно/невозможно), что и обуславливает их деятельностную функцию в механизме саморегуляции риска. Соотношение субъективных ожиданий и объективных требований регулируется ценностями, являющимися смыслообразующими факторами саморегуляции.

Таким образом, в процессе саморегуляции риска интересы активизируют деятельность индивида (группы), а ценности придают ему целенаправленный характер. В практическом плане это означает, что для снижения уровня рисков в сфере образования молодежи необходимо повышать интерес к учебе и формировать отношение к знаниям, как к терминальной ценности.

Как показали исследования, не меньшее значение имеет направленность установок молодежи на стабильность или на риск. Это связано с особой ролью риска в диспозиционной иерархии потребностей, интересов и ценностей. В соответствии с концепцией, разработанной Ю.А. Зубок²⁷, каждый уровень диспозиционной структуры приобретает горизонтальный срез, образуемый двумя крайними аттитюдами – безопасности и опасности. Они отражают на уровне установок имманентно присущее развитию личности стремление к стабильности или изменениям. Инстинктивное стремление к безопасности и самосохранению, закрепленное социальным опытом, превращается в соответствующий аттитюд. Противоположный аттитюд опасности связан с имманентным стремлением молодого человека к новым знаниям, впечатлениям, ощущениям. С опасностью связан процесс реализации жизненно важных потребностей – в самоопределении, самореализации, самоутверждении. В противоположных аттитюдах в свернутом виде содержится гипотетическое поведение индивидов в ситуации выбора между безопасностью, которая в обыденном сознании ассоциируется со стабильностью и опасностью, скрытой в изменениях. Предел, до которого индивид готов рисковать, изменяя свое положение, и определяет его позицию на данной шкале. Степень риска указывает, насколько субъект превысил порог опасности/безопасности. Таким образом, связывая и вместе с тем блокируя крайние состояния безопасности и опасности, риск является мерой между ними, оптимизируя поведенческую готовность субъекта в конкретной ситуации. Поэтому саморегуляция риска в социальном поведении молодежи предполагает не столько минимизацию его уровня, сколько оптимизацию. Она заключается в возможности его калькулирования и в выборе адекватных способов рационализации.

Рассмотрим, как изменяется социокультурный механизм саморегуляции под влиянием аттитюда безопасности, выраженного в стремлении к стабильности, с одной стороны, и аттитюда опасности, выраженного в стремлении к изменениям и риску, с другой. Учитывая роль права в саморегуляционном механизме, осуществим анализ на примере правового образования. Для этого сравним степень детерминации характеристик правового сознания и поведения учащейся молодежи ценностями и интересами в группах, ориентированных на стабильность и на риск (см. табл. 4)²⁸.

Таблица 4

---

²⁷ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М.: 2003. – С. 148-165.

²⁸ Исследование «Социально-экономические и культурные права молодежи в СНГ и основные препятствия их реализации», проведенное в 2005 г. Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН под рук. д.соц.н., проф. В.И. Чупрова по заказу Московского Бюро ЮНЕСКО в Российской Федерации и в Республике Беларусь. Выборка учащейся молодежи в возрасте 12-18 лет в РФ составила 804 респондента.

Сравнение характеристик правового сознания и поведения учащейся молодёжи в связи с направленностью ценностей и уровнем интересов в группах, ориентированных на стабильность и на риск

(РФ, 2005 г., учащаяся молодежь 12-18 лет, N=804)

Направленность ценностей и уровень интересов в сфере образования	Ориентация на стабильность			Ориентация на изменения и риск		
	Самооценка степени законопослушания (К)	Самооценка частоты нарушений Закона (%)		Самооценка степени законопослушания (К)	Самооценка частоты нарушений Закона (%)	
		Часто	Никогда		Часто	Никогда
Терминальные ценности	2,55	20,4	79,6	2,05	34,7	65,3
Инструментальные ценности	2,56	23,7	76,3	2,23	48,6	51,4
Высокий уровень интереса	2,56	21,4	78,6	2,27	41,8	58,2
Низкий уровень интереса	2,48	22,9	77,1	2,05	40,0	60,0

Примечание: К-средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале.

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

Сравнительный анализ данных, представленных в таблице 4, показывает, что ориентация на стабильность, т.е. на безопасность, надежность и спокойствие в целом положительно отражается на правовом сознании и поведении учащейся молодежи, формируемом в учебных учреждениях. При этом степень влияния ценностей и интересов на изменение показателей законопослушного поведения минимальна, что свидетельствует о нормальном функционировании механизма саморегуляции.

Более выраженные формы саморегулирование приобретает в группе учащихся, ориентированных на изменения, связанные с риском. Стремление к изменениям повышает уровень риска, что негативно отражается на состоянии сознания и поведении учащихся. Оценки степени законопослушания в данной группе заметно ниже, а частоты правонарушений существенно выше. Однако становится более выраженным влияние ценностей и интересов. То есть предприимчивость, стремление к изменениям, реализуемые в России, как правило, на грани нарушения Закона, снижают уровень законопослушания, а осознание риска приводит в действие механизм саморегуляции.

В сфере правового образования действие этого механизма выглядит следующим образом. Инструментальные ценности вытесняются терминальными, регулирующими интересы в направлении повышения уровня образования правовыми способами. Это позитивно отражается на показателях правового сознания и правового поведения учащихся. Повышение уровня интересов, в свою очередь, активизирует деятельность по реализации собственных прав в сфере образования, что способствует росту степени законопослушания и снижению частоты правонарушений. В результате рефлексии по поводу произошедших изменений риск минимизируется, перемещая диспозицию поведенческой готовности учащихся от аттитюда опасности к аттитюду безопасности.

Таким образом, в рационализации риска наблюдаются встречные процессы: приведение в действие механизма социокультурной саморегуляции риска связано с осознанием опасности, а повышение его эффективности – со стремлением к стабильности. Для рационализации риска в сфере образования необходимо, во-первых, снизить опасность последствий социальной неопределенности, вызванной реформами, путем повышения информированности учащихся, абитуриентов и студентов, обеспечивающей им свободу выбора образовательных стратегий. А во-вторых, расширить формы их самоуправления, как условия стабилизации их социального положения.

Самоорганизация. Это спонтанно совершающийся процесс социального регулирования, связанный с возникновением новых структур или трансформацией

существующих в момент их крайней неустойчивости. Становление молодежи как субъекта общественного воспроизводства является результатом непрерывной индивидуальной и групповой самоорганизации. Поэтому неустойчивость социального положения, имманентно присущая ей как становящемуся субъекту, выступает объективным основанием риска в молодежной среде. А самоорганизация – одним из механизмов его социального регулирования.

В сфере правового образования самоорганизация молодежи рассматривается в качестве альтернативы неупорядоченности социальных связей, связанной с неустойчивостью реформируемых образовательных структур. Причем, неупорядоченность, не поддающаяся по разным причинам институциональному регулированию. В обыденной жизни это проявляется в фактах нарушения различных прав учащихся и студентов и отражается в молодежной среде как состояние риска. Осознавая растущий риск в различных ситуациях, учащаяся молодежь стремится противостоять его эскалации в организованной форме - в активизации семейных и родственных связей, в осознанном стремлении к участию в неформальных объединениях и молодежных движениях, в сотрудничестве с различными официальными органами и т.д.

В эмпирическом исследовании об уровне самоорганизации свидетельствует наличие или отсутствие стремления респондента защитить свои права с помощью друзей, либо путем обращения в общественные и государственные организации (см. табл. 5).

Таблица 5

Влияние самоорганизации на степень риска в правовых отношениях учащейся молодежи в сфере образования

(РФ, 2005 г., учащаяся молодежь 12-18 лет, N=804)

Степень риска	Высокий уровень самоорганизации			Низкий уровень самоорганизации		
	Возможности в реализации прав (К-1)	Соблюдение общепринятых норм (К-1)	Степень правовой защищенности (К-2)	Возможности в реализации прав (К-1)	Соблюдение общепринятых норм (К-1)	Степень правовой защищенности (К-2)
Низкая	4,14	3,82	2,09	4,12	3,74	2,10
Высокая	3,79	3,37	1,91	3,65	3,33	1,87

Примечание: К-1 - средневзвешенный коэффициент по пятибалльной шкале, К-2 - средневзвешенный коэффициент по трехбалльной шкале.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Анализ данных, представленных в таблице 5, демонстрирует устойчивую связь между уровнем самоорганизации и степенью риска в правовых отношениях учащейся молодежи. Основа этих отношений закладывается в сфере правового образования. При низкой степени риска показатели анализируемых характеристик правовых отношений достаточно высоки и практически не различаются среди учащихся и студентов с высоким и низким уровнем самоорганизации. То есть в условиях устойчивой определенности, спонтанно возникающая самоорганизация непосредственно не детерминирована риском. Она формируется в условиях среднего риска как следствие роста неопределенности. В этих условиях и в той, и в другой группе заметно снижается оценка возможностей в реализации прав, соблюдения общепринятых норм, правовой защищенности. Причем в группе с низким уровнем самоорганизации эти оценки снижаются более заметно. То есть самоорганизация даже в условиях высокой степени риска способствует упорядочению правовых отношений в молодежной среде. Отсюда следует вывод, что самоорганизация активизируется в условиях возрастающей неопределенности и повышенного среднего риска, способствуя его рационализации.

Однако спонтанное упорядочение отношений молодежи и общества, в том числе и в сфере образования, не всегда приводит к желаемым результатам. Часто оно сопряжено с большими потерями, чем и определяется необходимость управленческого сопровождения саморазвивающихся социальных процессов. Способность к саморегуляции и самоорганизации у молодежи не развивается сама по себе, а формируется под влиянием социальных условий. Так же как сама молодежь не является исключительно саморазвивающейся социальной системой, а включена в процесс общественного развития, определяющего особенности ее жизнедеятельности.

С точки зрения управления это означает, что процессы саморегуляции и самоорганизации могут быть эффективными лишь в системе институциональных механизмов социальной регуляции. Под влиянием социальных институтов происходит институционализация механизмов саморегуляции рисков, повышающая их управляемость.

Риски в правовом образовании и институциональные механизмы их регуляции

О наличии рисков в правовом образовании можно судить не только по объективным показателям его состояния, но и по конечным результатам, достигнутым в данной сфере. Они отражаются в правовом сознании и поведении молодежи в таких характеристиках как уровень информированности о правах и механизмах их реализации, представление о Праве в системе ценностей, отношение к Закону, нормативная составляющая мотивационной сферы сознания, степень осознания состояния правовой защищенности. Сравнив основные характеристики правового сознания подростков, получающих правовые знания из учебного курса и из неформальных источников (от родителей, сверстников) можно оценить состояние правового образования и выявить возникающие в нем риски.

Правовое образование призвано сформировать у подростков систему знаний о предоставляемых правовых гарантиях, регламентирующих их труд, закрепляющих их права и обязанности, охраняющих их честь и достоинство, физическое и нравственное здоровье. Эти знания находят отражение в осознанных представлениях об особом юридическом статусе подростков, предусмотренным законодательством Российской Федерации. На вопрос - «Известно ли Вам о таком статусе?» утвердительно ответили 40% подростков, получающих правовые знания из учебного курса и 32%, пользующихся неформальными каналами правовой информации. Налицо наличие связи, отражающей позитивное влияние правового образования на информированность подростков о своих правах. Однако две трети респондентов, получающих правовую информацию из учебного курса, не знают о таких гарантиях, или слышали об этом, но подробно не знакомы. Очевидно, что для большинства подростков в правовом образовании содержится риск не получить даже минимальных знаний о своем правовом статусе.

В пользу этого вывода говорит и соотношение оценок информированности о различных правах в обеих группах. Средний процент подробно знакомых с основными правами - на образование, на участие в научном прогрессе и в культурной жизни, на информацию, с экономическими и личностными правами, практически не различается в группе подростков, получающих правовые знания из учебного курса (36,5%) и в группе, пользующихся неформальными каналами (35%). То есть качество информации об этих важнейших правах, получаемых российскими подростками в системе правового образования, не отвечает современным требованиям. Шесть из десяти подростков рискуют недополучить или получить некачественное правовое образование.

Важной функцией правового образования является формирование ценностных ориентаций подростков в правовой сфере. Отношение к Праву, как к терминальной ценности и уважение к Закону свидетельствует о развитом правосознании. Нормативная составляющая терминальной ценности Права, представленная в исследовании альтернативой «следовать во всем правовым нормам, правилам поведения», оценивалась по пятибалльной шкале. Уважение к Закону проверялось выбором альтернативы «Закон надо выполнять всегда». Среди респондентов, получающих правовые знания из учебного курса, 57% придерживаются мнения, что Закон надо выполнять всегда, а средневзвешенная оценка выбора ими альтернативы «следовать во всем правовым нормам» составила значение 3,62. В группе респондентов, черпающих информацию из неформальных источников, сторонников соблюдения Закона оказалось заметно меньше - 48%, а средневзвешенный коэффициент выбора нормативного подхода – 3,49. Различия в значениях, как видно, существенные. Это свидетельствует о позитивном влиянии российского правового образования на формирование ценности Права и уважения к Закону.

Однако нельзя не видеть, что третья часть респондентов, получающих правовое образование, придерживается не терминальной, а инструментальной ориентации, рассматривая Право, как средство достижения личных интересов, а Закон – его надо уметь обходить. Видимо, причина прагматизации сознания подростков коренится в более глубоких социокультурных процессах, происходящих в России, определяющих, в том числе, и риск инструментализации правового сознания.

Формирование знаний о механизмах реализации прав – важнейшая задача правового образования. Сравнение оценок возможностей реализации прав подростками, использующими различные каналы правовой информации, позволяет оценить эффективность правового образования по выполнению данной задачи (см. табл. 6).

Таблица 6

Оценки возможностей реализации прав подростками в зависимости от использования различных каналов правовой информации (РФ, 2005 г., учащаяся молодежь 12-18 лет, N=804)

Основные права	Оценка возможностей реализации прав (К)	
	Получают информацию из учебного курса	Получают информацию из неформальных каналов
Право на образование	3,89	3,79
Право участвовать в научном прогрессе	3,00	2,84
Право участвовать в культурной жизни	3,92	3,84
Право на информацию	3,92	3,85
Экономические права	3,20	3,00
Права личности	4,11	4,01

Примечание: К-средневзвешенный коэффициент по пятибалльной шкале.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Значения средневзвешенных оценок возможностей в группе подростков, получающих знания из учебного курса, по всем правам существенно выше, чем среди подростков, пользующихся неформальными каналами.

В какой-то степени о состоянии правового образования в целом можно судить по распределению ответов подростков на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены правовыми знаниями, полученными в процессе обучения?». Большинство подростков (59%) выразили

удовлетворенность полученными знаниями, в том числе 16% полностью удовлетворены и 43% больше удовлетворены, чем не удовлетворены.

Анализ показывает, что между степенью удовлетворенности правовыми знаниями респондентов и уровнем правосознания подростков, получающих знания в процессе обучения, существует прямая связь. Она становится очевидной при сравнении основных характеристик правосознания в группах респондентов полностью удовлетворенных правовыми знаниями, полученными в процессе обучения (первая группа), и теми, кто не удовлетворен знаниями (вторая группа). Если в первой группе половине подростков (50%) хорошо известно об их особом юридическом статусе, то во второй – лишь каждому третьему (30%). Проявляется эта связь и в уровне информированности подростков об основных правах (см. табл. 7).

Таблица 7

Оценки информированности о различных правах в зависимости от степени удовлетворенности правовыми знаниями
(РФ, 2005 г., учащаяся молодежь 12-18 лет, N=804. % от числа опрошенных)

	Подробно знаком с правами	
	Полностью удовлетворен знаниями	Не удовлетворен знаниями
Право на образование	47,8	34,0
Право участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами	25,2	9,9
Право свободно участвовать в культурной жизни	50,4	30,5
Право на информацию, включая право на свободу убеждений и на свободное выражение их	54,3	40,7
Экономические права	33,9	24,8
Права личности	57,9	37,9

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Степень информированности о перечисленных правах в первой группе значительно выше, чем во второй, что подтверждает вывод о влиянии правового образования на информированность подростков о своих правах. Подтверждается вывод о позитивном влиянии правового образования на формирование ценностного отношения к Праву. Терминальная ценность Права присуща 46% подростков из первой группы и 40% из второй.

Подростки с высоким уровнем удовлетворенности правовыми знаниями чаще используют их на практике. Ответили, что часто и скорее часто, чем редко пользуются своими правами 51% из первой группы и 32% из второй. Это связано с более широкими возможностями в реализации прав, предоставляемыми подросткам правовым образованием (см. табл. 8).

Таблица 8

Оценки возможностей реализации прав подростками в зависимости от степени удовлетворенности правовыми знаниями
(РФ, 2005 г., молодежь 12-18 лет, N=804)

Права	Оценка возможностей реализации прав (К)	
	Полностью удовлетворен знаниями	Не удовлетворен знаниями
Право на образование	4,22	3,80

Право участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами	3,38	2,95
Право свободно участвовать в культурной жизни	4,19	3,70
Право на информацию, включая право на свободу убеждений и на свободное выражение их	4,00	3,45
Экономические права	3,57	3,06
Права личности	4,31	3,64

Примечание: К-средневзвешенный коэффициент по пятибалльной шкале.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Оценки возможностей реализации прав в первой группе, значительно выше, чем во второй. Это свидетельствует в пользу вывода о возможностях правового образования в формировании у подростков практических навыков реализации собственных прав.

И, наконец, высокий уровень правосознания проявляется в состоянии защищенности. По тому, в какой степени подросток ощущает себя защищенным Законом в различных ситуациях, можно судить о качестве полученных им правовых знаний. Связь правовой защищенности со степенью удовлетворенности правовыми знаниями представлена в таблице 9.

Таблица 9

Оценки уровня правовой защищенности в зависимости от степени удовлетворенности правовыми знаниями

(РФ, 2005 г., молодежь 12-18 лет, N=804. % от числа опрошенных)

Ситуации	Полностью защищен	
	Полностью удовлетворен знаниями	Не удовлетворен знаниями
В отношениях со сверстниками	40,6	17,8
В отношениях с родителями	67,7	35,7
В отношениях с учителями, преподавателями	44,2	15,1
В отношениях с посторонними взрослыми	26,0	11,4
В отношениях с милицией	29,9	6,4
В решениях проблем, связанных с образованием	35,0	9,4
В занятиях техническим творчеством	29,5	12,1
В культурной жизни	36,6	17,1
В соблюдении свобод (слова, совести и др.)	38,6	19,3

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Анализ данных таблицы 9 позволяет сделать вывод о наличии зависимости правовой защищенности подростков от уровня их правовых знаний. Процентные соотношения, характеризующие состояние полной защищенности, между первой и второй группами говорят сами за себя. Однако наличие связи состояния правовой защищенности с уровнем знаний дает лишь косвенные основания для вывода о состоянии правового образования. Обращает на себя внимание тот факт, что даже среди удовлетворенных правовыми знаниями подростков подавляющее большинство не чувствуют себя полностью защищенными ни в одной ситуации. Видимо, в существующем правовом образовании нарушена связь между теоретическим и практическим уровнями познания, что оборачивается для большинства даже хорошо подготовленных подростков риском оказаться не защищенными в различных жизненных ситуациях.

Более определенная оценка его состояния содержится в результатах опроса экспертов, проведенного в рамках указанного исследования. Ниже среднего уровня его оценили две трети (61%) экспертов и как среднее - 38%. Обеспокоенные состоянием правового образования, 88% экспертов считают, что следует привлечь внимание государственных органов и общественных организаций к необходимости коренного улучшения образования в области прав человека. Частично разделяют эту позицию 12%. То есть риск в данной сфере носит системный характер, распространяющийся на образование в целом. Не обеспечивая формирование должного уровня правового сознания большинства подростков, правовое образование становится причиной воспроизводства среднего риска. А недостаточное развитие у них практических навыков правового поведения ведет к эскалации деятельностных рисков.

Что же следует сделать, по мнению экспертов для улучшения состояния правового образования? Анализ экспертных оценок показывает, что доминируют предложения, связанные, во-первых, с интенсификацией процесса обучения, развитием познавательной активности самих подростков, повышением их личной ответственности. В этой связи предлагается: расширение изучения механизмов правовой защиты подростков в конкретных ситуациях (21%), внедрение активных форм обучения (диспутов, деловых игр) (18%), создание в учебных учреждениях центров по правовому воспитанию (13%), проведение под эгидой Минобрнауки олимпиад по праву (7%), увеличение количества часов на самостоятельную подготовку (4%).

Во-вторых, эксперты считают, что дальнейшее совершенствование правового образования должно быть направлено на повышение компетентности молодых граждан в практическом применении правовых механизмов. Для этого необходимы изменения в структуре и содержании правового образования. По мнению экспертов, оно должно быть непрерывным, продолжающимся всю жизнь. Структурные изменения должны затрагивать старшую школу, а не только выпускные классы. Они должны содержать введение курса права с 7 по 11 класс, как часть общеобязательного федерального компонента, который финансируется за счет федерального бюджета, и не будет поводом для сбора денег с родителей школьников. При этом около 20% экспертов высказались в поддержку разработки и обязательного внедрения в старшую школу на уровне элективных (необязательных, по выбору) курсов «Права человека и механизм их реализации», «Права несовершеннолетних», «Правовая культура» и др. Получила поддержку 14% экспертов также идея профильного правового обучения.

В-третьих, специалисты считают, что в 9-11 классах общеобразовательной школы нужен курс не обществознания, а права, как самостоятельный при обязательном включении его в федеральный компонент базисного учебного плана. Это поможет сформировать у учащихся правовые основы выбора индивидуальных норм поведения в конкретных ситуациях. С этой целью предлагалось проведение в общеобразовательных и высших учебных учреждениях специальных занятий по теме «Я и закон»; приглашения сотрудников правоохранительных органов для работы в школах; использования в содержании учебных курсов практических материалов; улучшения содержания учебников по конкретным проблемам реализации прав личности; проведения факультативных занятий в школах по праву, но с обязательным их государственным или муниципальным финансированием, а не за счет родителей. Высказывались предложения о необходимости разработки новых учебно-методических пособий и видеоматериалов по праву, создания постоянно действующих юридических консультаций в школах и вузах для детей, родителей, учителей. Предлагалось оборудовать специальные кабинеты с выходом в информационно-поисковую юридическую систему. Подчеркивалась необходимость

систематизировать и координировать работу всех структур образования, государственных органов, юристов, родителей, общественных организаций.

Итак, на основе анализа экспертных оценок по совершенствованию правового образования можно проследить современные подходы к развитию институциональных методов рационализации рисков. В них воплощаются идеи формирования достиженческого комплекса, целенаправленного развития таких ценностей, как личная ответственность, компетентность, свобода выбора индивидуальных норм поведения. То есть в целенаправленном управлении рисками в сфере образования молодежи в первую очередь необходимо институционализировать механизмы активизации ее внутреннего индивидуально-личностного и группового потенциала.

---

3. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Экстремизм в молодёжной среде: социальные условия и пути преодоления // Россия: процесс консолидации власти и общества. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2007 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2008. – С. 139-159.

ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Экстремальность как свойство сознания и поведения молодежи. Сущностные свойства молодежи связаны с особой ролью, которую играет эта социальная группа в общественном воспроизводстве. Каждое молодое поколение призвано воспроизвести и приумножить накопленные материальные богатства и социальный опыт. Становление субъектности молодежи в процессе реализации ее основных социальных функций – воспроизводственной и инновационной, сопряжено с преодолением как внутренних, так и внешних противоречий²⁹. Стремясь обрести самостоятельность и независимость от взрослых, молодые люди, особенно подростки, часто вынуждены преодолевать внутренние противоречия, являющиеся порождением амбивалентных проявлений, таких, как застенчивость и агрессивность, открытость и замкнутость, нигилизм и фанатизм. Внешние противоречия возникают на стыке взаимодействия молодежи с обществом, при столкновении с его жесткими требованиями. Реализация противоречий способствует формированию экстремальных типов сознания и поведения молодежи, как ее социально-групповых сущностных характеристик.

Данный процесс усиливается под влиянием особенностей социального статуса молодежи, связанных с переходным характером становления ее субъектности. Молодежь – не ставший, а становящийся субъект общественного воспроизводства, поэтому ее социальное положение характеризуется неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций.

Неполнота социального статуса молодежи отражается на характере ее взаимодействия с другими социальными группами. На групповом и индивидуально-личностном уровне это нередко проявляется в дискриминации молодежи на основе

---

²⁹ *Чупров В.И.* Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие. – М., 1992. – С.9-11; *Зубок Ю.А.* Проблема риска в социологии молодежи. – М., 2003. – С.13-14.

возраста, в нарушении ее прав в образовании, в труде, в профессиональной деятельности, в сфере культуры, в семейных отношениях, в ограничении возможностей ее физического и духовного развития, в ущемлении прав личности. Молодые люди не могут не реагировать на подобное отношение к ним, часто выбирая экстремальные формы защиты.

Маргинальное положение молодежи, неполнота ее социального статуса проявляются в неопределенности ее социальных идентификаций. Неопределенность идентификаций затрудняет отождествление себя с ингруппами и аутгруппами, обостряет противоречие в самосознании между «МЫ» и «ОНИ» что в свою очередь проявляется в экстремальности ее сознания и поведения. В молодежной, особенно подростковой среде, деление на «своих» и «чужих» происходит по иным, чем у взрослых, основаниям. Ведущую роль здесь играют субкультурные факторы. А принадлежность к той или иной субкультуре всегда сопровождается противостоянием традиционной культуре, эпатажем ее образцов и носителей. «Чужие» могут стать «врагами» только потому, что они другие. Не важно, живут ли в другом дворе, приехали ли из другого города, имеют ли другую национальность, веру, внешность. Поэтому социокультурные особенности среды общения являются значимым фактором формирования экстремального типа сознания молодежи.

Однако экстремальность как имманентное свойство молодости может проявиться в разных формах. В условиях стабильного общества экстремальность на групповом и индивидуальном уровнях находит, как правило, общественно значимые институционально-регулируемые формы. В условиях социальных потрясений, неопределенности и риска она приобретает свои крайние, преимущественно спонтанные проявления, под влиянием самых разных объективных и субъективных факторов, усиливающих или ослабляющих этот процесс.

То есть процесс становления молодежи как субъекта общественного воспроизводства сопровождается формированием особого экстремального типа молодежного сознания, характеризующегося крайними формами отражения реальности. В них доминирует эмоциональный характер восприятия явлений, часто в крайне гиперболизированной, максималистской форме. Такой тип сознания проявляется в специфических формах поведения, характеризующихся импульсивностью мотивации, агрессивностью, склонностью к риску, эпатажем, отклонениями от принятых норм, либо, наоборот, подавленностью, депрессией, пассивностью.

Экстремальные формы реакции на окружающую действительность связаны также с завышенными ожиданиями (экспектациями), присущими молодежи. Реализуя инновационную функцию, молодежь устремлена не в прошлое, а в будущее. В постоянном стремлении превзойти окружающих – сверстников, родителей, учителей формируются индивидуальные проявления ее группового инновационного потенциала. В подобном стремлении молодые люди, подростки часто предъявляют нереальные требования, как к окружающей их действительности, так и к себе. Это находит отражение в их жизненных планах, в потребностях, интересах, формирует у них неадекватные ролевые представления. При столкновении с трудностями, неизбежно возникающими на пути реализации завышенных ожиданий, и не находя возможностей их преодоления, у молодого человека возникают состояния фрустрации, сопровождаемые раздражением, недовольством, гневом. Рефлексируя по поводу этих состояний, он видит причину нереализованных целей в других или в себе. В обоих случаях это ведет к утрате доверия. Недоверие к другим, как правило, приводит к враждебности, ненависти. Недооценка своих возможностей, также вызывает раздражение, гнев. Только при этом подросток может, как говорится, «разозлиться на себя», а может «сорвать злость на окружающих». В первом

случае раздражение носит позитивный характер, так как направлено на преодоление собственной неполноценности, а во втором – ведет к самоотчуждению и конфронтации.

Завышенные ожидания наиболее часто проявляются среди социально продвинутой части молодежи. В их окружении более выражено действует закон возвышения социальных потребностей. По мнению Л. Дробижевой и О. Щедриной, «чем образованнее общество, тем больше во всех группах потребности к комфорту, продвижению. Но удовлетворить эти потребности могут не все. Если увеличивается разрыв между притязаниями личности и возможностями их удовлетворения, агрессивные установки возрастают»³⁰.

Отсутствие, в силу возраста, полноценной фрустрационной толерантности, устойчивости к стрессам не позволяет подростку найти адекватный позитивный выход из сложившейся экстремальной ситуации. Часто реакцией на фрустрацию становится агрессия. Не встречая осуждения со стороны окружения, конкретные ее проявления закрепляются в подростковом сознании в форме относительно устойчивой черты личности – агрессивности. Получая поддержку во взаимном признании в ближайшем окружении, превращаясь в убеждения, агрессивность приобретает крайние формы фанатизма. Категоричность взглядов и суждений фанатиков сочетается с нетерпимостью к инакомыслящим, с пренебрежением к общепринятым нормам, с неприятием критики, даже доброжелательной.

Самоотчуждение, сопровождающее выход из состояния фрустрации, часто приводит к отрицанию идей, разделяемых общественным сознанием, принятых общественных норм и проявляется в индивидуальном и групповом сознании в форме нигилизма. Как форма самоутверждения подростка, нигилизм также проявляется во всех сферах его жизнедеятельности. При этом не следует считать, что фанатизму присущи исключительно агрессивные проявления, а нигилизму – пассивная саморефлексия. В различных жизненных ситуациях и агрессивность, и самоотчуждение как проявления экстремального сознания могут приобретать обе его крайние формы. Поэтому фанатизм и нигилизм рассматриваются в качестве крайних состояний экстремального сознания молодежи.

Таким образом, под экстремальностью как характеристикой молодежи понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. Наиболее распространенными формами экстремальности являются индивидуальные и групповые настроения, представляющие собой преобладающее чувственное и рациональное состояние молодежи как социальной группы. На разных полюсах экстремальных настроений, в качестве крайних состояний, представлены – фанатизм, характеризующий радикальную направленность сознания и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние.

В этих формах экстремальные настроения проявляются во всех сферах жизнедеятельности молодежи – в образовании, труде, бизнесе, политической жизни, в досуге. Находят проявление они в социальном самоопределении – в личностном, групповом. С экстремальными формами мы сталкиваемся в жизненных ориентациях молодых людей. Экстремальность отмечается в их отношениях с окружающими, с представителями других социальных групп – политических, национальных, религиозных.

Именно в форме общественного настроения экстремальность не только накладывает отпечаток на поведение молодых людей, но и становится силой, способной захватить и объединить их для достижения определенной цели. Уровень и направленность

---

³⁰ Дробижева Л.М., Щедрина О.В. Социальные факторы предупреждения экстремизма // Современный экстремизм в Российской Федерации: особенности проявления и средства противодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции в Академии управления МВД России 16 июня 2006 г. – М. - Тверь, 2006. – С.15-16.

экстремальных настроений непосредственно связаны с изменением социального положения молодежи. Позитивные изменения могут снижать уровень экстремальности, либо способствовать проявлению настроений в направлении социального творчества и инновационной деятельности молодых людей. Негативный характер изменений социального положения молодежи становится питательной базой для отклонения экстремальности от нормального развития, как по уровню, так и по направленности. В такой ситуации экстремальные настроения могут способствовать объединению молодых людей для реализации самой экстремальности в форме экстремистских проявлений.

Опираясь на данные социологического исследования, проанализируем направленность и социальную базу экстремальных настроений молодежи в различных сферах жизнедеятельности³¹.

Методологической основой исследования выступил социально-воспроизводственный подход к социологическому определению сущностных характеристик молодежи, социокультурный и рискологический подходы к изучению социорегуляционных механизмов ее социального поведения. Рассматривая с этих теоретических позиций феномен экстремизма в молодежной среде, основной упор делается на особенностях сознания и поведения молодежи, детерминируемых спецификой ее социального положения в системе общественного воспроизводства.

Изменения экстремальных настроений в молодежной среде. В образовании уровень экстремальных настроений анализировался по показателям отношения к учебе и ценности образования. Хотя среди учащихся и студентов встречаются проявления сверх увлеченности и даже фанатизма в учебе³², экстремальность в сфере образования рассматривается, прежде всего, в равнодушном отношении к ней.

Подобная форма крайне негативно отражается не только на процессе воспроизводства образовательного потенциала, но и на развитии молодежи в целом. В разной степени нигилизм в отношении к учебе проявляется среди 14,5% учащихся и студентов. Высокая степень экстремальности, соответствующая значению «полностью равнодушен», характерна для 3,1% учащейся молодежи. Нигилизм проявляется и в форме отрицания общепринятых ценностей образования. Каждый десятый (9,3%) рассматривает образование как «обязаловку», т.е. навязываемое со стороны.

Для получения динамики изменения экстремальных настроений сравним полученные данные с результатами исследования 2002 г.³³ Тогда подобный взгляд на образование разделялся 3,9% респондентов. То есть за прошедшие годы доля молодежи с высоким уровнем экстремальности сознания в сфере образования выросла в 2,5 раза. Иначе говоря, произошел рост экстремальных настроений среди молодежи в данной сфере.

О социальных характеристиках молодежи, проявляющей высокий уровень экстремальных настроений в образовании, можно судить на основе данных, представленных в табл. 1.

---

³¹ Исследование проведено отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2006 г. в 12 регионах РФ, опрашивались респонденты в возрасте 14-29 лет. N=2000. Руководители исследования – член-корреспондент РАН М.К. Горшков и д.с.н. Ю.А. Зубок.

³² В данном исследовании доля такой молодежи оказалась величиной, статистически не значимой.

³³ Исследование проведено отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2002 г. в 12 регионах РФ, опрашивались респонденты в возрасте 15-29 лет. N=2012. Руководитель исследования – д.с.н., профессор В.И. Чупров.

Доля экстремальных настроений в социальном составе молодёжи

РФ, 2006 г., N=1866, % от числа опрошенных в группах

Экстремальные настроения	Доминирующие социальные характеристики														
	Пол		Возраст				Форма занятости				Тип поселения				
	Мужчины	Женщины	15–17	18–21	22–25	26–29	Работа	Учеба в школе	Учеба в ПТУ	Учеба в ВУЗе	Мегполис	Крупный город	Средний город	Малый город	Село
В образовании	62,5	37,5	26,7	26,0	23,4	16,2	–	54,2	39,6	6,3	23,2	25,9	7,1	9,8	34,0
В труде	53,8	46,2	23,1	35,6	19,2	19,2	–	–	–	–	21,2	23,1	12,5	7,7	35,5
В бизнесе	71,3	28,7	17,3	32,0	26,0	22,0	–	–	–	–	4,0	21,4	11,3	16,0	47,3
В политической жизни	68,8	32,2	17,2	25,9	34,6	19,4	43,0	29,7	37,8	29,7	24,7	17,3	20,4	7,5	30,2
В досуге	64,2	35,8	27,6	28,4	24,7	19,3	42,2	43,2	29,5	25,0	15,6	31,2	11,2	14,3	32,0
В личном самоопределении	49,4	50,6	27,0	30,4	16,0	21,2	29,3	43,2	27,3	25,0	13,2	25,8	6,9	10,3	41,9
В групповом самоопределении	50,6	49,4	23,3	28,7	23,8	20,2	37,2	35,3	27,2	34,6	10,2	31,4	11,6	13,6	42,7
В представлениях о современности	51,3	48,7	25,2	23,1	20,9	18,1	33,2	39,4	25,3	32,3	15,5	31,6	10,2	5,9	35,8
В выборе жизненной позиции	58,5	41,5	29,0	27,9	23,7	15,6	32,6	35,4	26,8	33,5	12,4	37,8	5,7	15,6	26,6
В отношении к мигрантам	52,3	47,7	18,1	29,6	23,5	23,5	44,3	32,9	35,6	30,1	24,8	30,2	11,4	12,1	21,5
В отношении к богатым	56,9	43,1	15,6	38,5	22,0	20,2	46,8	21,2	42,3	30,8	15,6	4,6	11,9	12,8	27,5
В отношении к чиновникам	61,4	38,6	20,1	29,1	22,4	25,3	44,8	39,3	29,2	28,1	16,2	18,1	14,3	16,7	33,8
В отношении к другим религиям	57,4	42,6	27,8	27,1	21,8	17,2	36,1	30,5	35,8	30,5	14,2	37,9	11,8	8,9	26,7

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

Как следует из табл. 1, в группе с высоким уровнем экстремальности (нигилизма) в сфере образования выделяются: по полу – юноши, по возрасту – подростки (15–17 лет), младшие (18–21 год) и средние (21–25 лет) юношеские возрастные группы; по категориям учащихся – школьники, учащиеся ПТУ, по типу поселения – проживающие в мегаполисах и крупных городах, а также школьники в сельской местности. Как видно, социальная база нигилизма в образовании молодежи весьма широка, что указывает на системные причины ее экстремальных настроений.

В труде аналогично показателям, используемым в сфере образования, экстремальные настроения проявляются в разной степени нигилизма в отношении к работе у 10% молодежи, в том числе в высокой степени (полностью равнодушен к работе) у 2,6% работающих молодых людей. Труд как «обязаловка» в структуре ценностей 7,8% респондентов также свидетельствует о проявлении нигилизма в отношении к нему, присущего этой части молодежи. Сравнение с исследованием 2002 г., в котором

аналогичным образом характеризовалось 5,3% молодежи, выявляет тенденцию роста экстремальных настроений по данному показателю в сфере труда в 1,5 раза.

В социальном составе группы с высоким уровнем экстремальности в форме нигилизма в сфере труда выделяются: по полу – юноши; по возрасту – подростки (15–17 лет), младшие (18–21 год) юношеские возрастные группы; по типу предприятия – работающие на предприятиях с частной формой собственности; по типу поселения – учащиеся и студенты в мегаполисах и крупных городах, а также в сельской местности.

В бизнесе уровень экстремальных настроений анализировался на основе показателей, характеризующих отношение к предпринимательской деятельности не правовыми способами и отношение к богатству в структуре ценностей. В разной степени экстремальность проявилась среди трети (31,3%) молодежи, занятой бизнесом, в том числе в высокой степени (в форме фанатизма – «делать деньги любой ценой») среди 12,5%. Для сравнения, в исследовании 2002 г. такого мнения придерживались 9,7% молодежи. О высоком уровне экстремальности свидетельствует терминальное (самоценное) отношение к богатству («богатство как цель»). Фанатическое стремление к богатству проявилось в оценках 9,9% респондентов. И по этому показателю отмечается рост экстремальных настроений в бизнесе. В 2002 г. подобное отношение к богатству проявлялось у 7,6% молодежи.

В социальном составе группы с высоким уровнем экстремальных настроений в сфере бизнеса по показателю отношения к богатству (фанатизм) выделяются: по полу – юноши; по возрасту – младшие (18–21 год) и средние (22–25 лет) юношеские возрастные группы; по сферам производства – предприниматели в материальном производстве и в сфере распределения; по типу поселения – предприниматели в крупных городах и в сельской местности.

В политической жизни оценка уровня экстремальных настроений производилась путем анализа степени доверия молодежи государственным и общественным структурам. Нигилизм, выразившийся в недоверии действующим в стране институтам власти и общественным организациям, является экстремальным проявлением в политической жизни молодежи. Высокому уровню экстремальности соответствует вариант ответа: «Никому не доверяю», с которым согласились 9,3% респондентов. То есть каждый десятый молодой человек выразил полное недоверие всем без исключения политическим институтам, что свидетельствует о крайней форме политического нигилизма. Причем, доля экстремально настроенной молодежи в политической жизни, выросла за четыре года почти в два раза (в 2002 г. она составляла 4,8%).

Политический нигилизм, как видно из табл. 1, проявляется преимущественно среди юношей; в младших (18–21 год) и средних (22–25 лет) юношеских возрастных группах; среди работающих; проживающих в мегаполисах, в средних городах и в сельской местности.

В досуге уровень экстремальности измерялся по степени удовлетворенности участием в тусовках «неформалов», в том числе музыкальных, спортивных и других «фанатов». Экстремальность по данному показателю в разной степени проявляется в досуговой деятельности каждого третьего молодого человека (29,3%). По данному показателю в высокой степени фанатизм в досуговой деятельности отмечается в сознании 8,9% молодежи. В последние годы среди молодежи быстрыми темпами развиваются экстремальные виды спорта, активизируется деятельность экстремальных групп досугового поведения (экстремалов), повышается уровень риска при проведении спортивных и культурно-массовых мероприятий. Если в 2002 г. оценивали собственные действия, как рискованные, в занятиях спортом 8,4% респондентов, и в массовых

мероприятиях (рок-концерты, спортивные мероприятия, дискотеки и т.д.) 4,4%, то в 2006 г. соответственно 11,4% и 6,4%. К категории экстремальных проявлений нельзя не отнести алкогольную составляющую молодежных тусовок. Выпивка, как важная форма общения, признается каждым третьим респондентом (34,3%), а как очень важная – каждым десятым. Уровень экстремальности по данному показателю остается устойчиво высоким, и не изменился по сравнению с 2002 г.

Среди молодежи с высоким уровнем экстремальности в досуге по этому показателю выделяются: по полу – юноши; по возрасту – равномерно представлены все возрастные группы, включая подростков, с некоторой тенденцией к снижению доли старшей возрастной группы (26–29 лет); по формам занятости – работающая молодежь и школьники; по типу поселения – проживающие в сельской местности и в крупных городах.

Итак, экстремальность как имманентное свойство молодости проявляется в большей или в меньшей степени во всех сферах жизнедеятельности молодежи. В высокой степени она проявляется как в форме нигилизма, так и радикализма высшим проявлением которого является фанатизм. Нигилизм в большей мере присутствует в образовании, в труде, в политической жизни. Радикальные настроения молодежи отмечены в досуге, в бизнесе. Период 2002–2006 гг. отмечен ростом экстремальных настроений практически во всех сферах жизнедеятельности молодых людей, что указывает на неблагоприятное социальное положение молодежи.

Как показал анализ, в наиболее выраженной форме экстремальные настроения отмечаются в личностном и групповом самоопределении молодежи. *В личностном самоопределении* оценка уровня экстремальности осуществлялась по направленности выбора молодыми людьми факторов, способствующих, по их мнению, становлению личности, обретению уверенности в себе. Ориентация в этом выборе на физическую силу и на внешнюю привлекательность рассматривалась в качестве формы экстремальности. Степень ориентированности оценивалась по 7-балльной шкале. В разной степени подобная ориентация характеризует личностное самоопределение более половины молодых людей (54,4%). В крайней форме экстремальность, граничащая с фанатизмом, в личностном самоопределении проявилась среди 15% молодежи. Ее доля практически не изменилась по сравнению с 2002 г.

Среди молодежи, выразившей высокую степень уверенности, что самоощущение себя личностью связано с физической силой и внешней привлекательностью, юноши и девушки представлены практически поровну; по возрасту выделяются подростки и младшие юношеские возрастные группы; по формам занятости – учащиеся средних школ; по типам поселений – проживающие в крупных городах и в сельской местности.

В групповом самоопределении об экстремальных настроениях свидетельствует направленность представлений о роли молодежи в обществе. Гипертрофированные представления о молодежи в качестве мессии, призванной установить общественный порядок, рассматривались в анализе в качестве признака экстремальности в поколенческой идеологии. Подобная экстремальность в направлении фанатизма проявляется у более двух третей (69%) молодежи.

В социальном составе этой группы юноши и девушки представлены одинаково; по возрасту – незначительно выделяется младшая юношеская возрастная группа (18–21 год); достаточно равномерно представлена молодежь и по формам занятости, с незначительным отставанием доли учащихся ПТУ и техникумов; по типу поселения выделяются проживающие в крупных городах и в сельской местности.

Экстремальные настроения четко прослеживаются и в жизненных ориентациях молодежи. О них можно судить по тому, каковы у молодых людей представления о современности и что является определяющим в выборе жизненной позиции. *В представлениях о современности* экстремальность анализировалась по оценкам степени важности различных ее признаков для современного человека. В качестве экстремального проявления рассматривалась важность собственного превосходства над другими. Степень важности оценивалась по 7-балльной шкале. Подобное представление о современных критериях социальной продвинутости разделяют две трети (59,8%) молодежи. Высокий уровень экстремальности радикальной направленности по данному показателю проявляется среди 15,5% молодежи.

В социальном составе этой группы юноши и девушки представлены одинаково; по возрасту – также равномерно представлены все возрастные группы с незначительным убыванием доли в старших группах; по типу поселения выделяются проживающие в крупных городах и в сельской местности.

В выборе жизненной позиции показателем экстремальности выступал риск. Установка на изменение и риск рассматривались в качестве экстремального проявления в выборе жизненных стратегий. Каждый пятый (23,5%) респондент выбрал такую экстремальную стратегическую модель социальной активности. В социальном составе в данной группе выделяются: по полу – юноши; по возрасту – равномерно представлены все возрастные группы с тенденцией снижения доли старшей группы (26-29 лет); также равномерно представлены все группы по формам занятости; по типу поселения – выделяются проживающие в крупных городах и в сельской местности.

В наиболее крайних формах экстремальность сознания молодежи проявилась во взаимодействии с социальным окружением – в отношении к мигрантам, к богатым, к чиновникам, к представителям других религий. *В отношении к мигрантам* экстремальность настроений проверялась на основе согласия с утверждением: «Приезжие мешают нам жить, пусть уезжают восвояси». Согласны с подобным суждением, проявляя тем самым радикализм в отношении к мигрантам, 41,4% респондентов. Уровень экстремальности измерялся на основе ранговой шкалы оценок чувств, испытываемых респондентом к мигрантам с юга и юго-востока (кавказцев, вьетнамцев, китайцев и др.). Неприязнь к ним в разной степени выразили 35% респондентов, в том числе в крайней форме 10,5%. Об уровне радикализма можно судить также по степени одобрения деятельности радикальных политиков и организаций. Применялась ранговая шкала. В разной степени разделяют взгляды радикальных русских националистов, выступающих против роста численности в России мигрантов, других лиц нерусской национальности 21% молодежи. Высокий уровень экстремальных настроений по данному показателю характеризует 7,5% молодежи.

В социальном составе этой части молодежи выделяются: по полу – юноши; по возрасту – младшие юношеские возрастные группы (18–21 год); по типу занятости – работающая молодежь, учащиеся ПТУ и техникумов; по типу поселения – проживающие в крупных городах.

В отношении к богатым уровень экстремальных настроений измерялся на основе ранговой шкалы оценок чувств, испытываемых респондентом к богатым, олигархам. Негативное отношение в разной степени, от ненависти до неприязни проявили 22,8% респондентов. Высокий уровень экстремальности отмечен среди 6,1% молодежи. Уровень радикализма в отношении к социальному неравенству оценивался также по степени одобрения деятельности радикальных организаций на основе ранговой шкалы. В разной степени разделяют взгляды радикальных «левых» организаций, выступающих за

социальное равенство, против богачей и эксплуататоров 20% молодежи, в том числе высокий уровень экстремальности проявили 5,5% респондентов.

В их составе выделяются: по полу – юноши; по возрасту – младшие юношеские возрастные группы (18–21 год); по типу занятости – работающая молодежь, учащиеся ПТУ и техникумов; по типу поселения – проживающие в мегаполисах и в сельской местности.

В отношении к чиновникам и бюрократам экстремальные настроения измерялись на основе ранговой шкалы оценок чувств, испытываемых респондентом к этой категории служащих. В разной степени радикализма 41,7% респондентов выразили свою социальную нетерпимость. Высокий уровень экстремальных настроений в отношении к чиновникам проявили 10,5% молодежи.

В социальном составе этой группы выделяются: по полу – юноши с большим отрывом от девушек; по возрасту – младшие (18–21 год) и старшие (26–29 лет) юношеские возрастные группы; по типу занятости – работающая молодежь, учащиеся средних школ; по типу поселения – проживающие в сельской местности.

В отношении к представителям других религий экстремальные настроения анализировались на основе согласия с утверждением: «Иноверцы опасны для окружающих, им нет места в нашем городе». Свое согласие с подобным утверждением, выразили 38,3% респондентов, что дает представление о степени распространенности нетерпимости к представителям различных конфессий в молодежной среде. Проявление ксенофобии на религиозной основе подтверждается и убеждением, что отрицательные черты, пороки человека связаны с его национальной принадлежностью. Такое убеждение выразили 40,2% молодежи. Сравнительный анализ указывает на рост степени распространенности религиозной нетерпимости среди молодежи. В 2002 г. по данному показателю она составляла 36,9%.

Об уровне радикализма в ксенофобских настроениях можно судить по степени одобрения деятельности радикальных политиков и организаций на основе ранговой шкалы. В разной степени разделяют взгляды радикальных религиозных деятелей, выступающих за чистоту веры 16,1% респондентов. Крайняя степень радикализма проявилась в симпатиях к радикальным националистам и фашистам. Терпимо относятся к ним 19,8%, а с симпатией 0,9% респондентов. Высокий уровень экстремальности в отношениях к представителям других религий отмечается среди 3,2% молодежи. В социальном составе этой части молодежи выделяются: по полу – юноши; по возрасту – младшие юношеские возрастные группы (15–21 год); по формам занятости – работающая молодежь и учащиеся средних школ; по типу поселения – проживающие в крупных городах и в сельской местности.

Итак, из анализа следует, что в высокой степени экстремальность молодежного сознания проявляется как в радикальной форме (фанатизм), так и в депрессивной (нигилизм). Радикальные настроения молодежи отмечены в личностном и групповом самоопределении, в выборе жизненной позиции, в отношениях с социальным окружением. Направленность экстремальных настроений в форме фанатизма и нигилизма связана с возможностями реализации молодежью собственной субъектности. Экстремальность в форме нигилизма проявляется в тех сферах жизнедеятельности, в которых молодежь не видит возможности изменения своего положения в них в зависимости от собственной активности. Фанатизм как крайняя форма радикализма в проявлении экстремальности, наоборот, непосредственно связан с возможностями самореализации молодежи.

Проделанный анализ позволил получить обоснованное представление о социальной базе экстремальных настроений в молодежной среде. Достигая крайних

значений в определенных социальных условиях, экстремальность становится свойством тех или иных групп, социально психологическим климатом в социальной среде молодежи, закрепляясь в мотивационной сфере группового и индивидуального сознания. Выделяя в качестве основных группообразующих признаков гендерные и возрастные различия, а также формы занятости и социальные условия разных типов поселения, становится возможным получить представление о социальном составе молодежи с высоким уровнем экстремальных настроений. Из табл. 1 следует, что по совокупности показателей в нем выделяются: по полу – юноши; по возрасту – младшие юношеские возрастные группы (18–21 год); по формам занятости – работающая молодежь, учащиеся ПТУ и техникумов; по типам поселений – проживающие в крупных городах и в сельской местности. Особое внимание следует обратить на сельскую молодежь. По всем показателям в этой группе отмечается повышенный уровень экстремальных настроений.

Сравнительный анализ социального состава экстремально настроенной молодежи с данными 2002 г., позволил получить представление о тенденциях изменения социальной базы экстремальности в молодежной среде. За прошедший период среди этой части молодежи особенно заметно возросла доля младших юношеских возрастных групп (18–21 год), учащихся средних школ, ПТУ и техникумов, а также проживающих в сельской местности. Прослеживается также тенденция перемещения потенциала экстремальности из крупных городов в малые и роста социальной базы нигилизма, за счет возрастающей доли девушек и жителей мегаполисов. Как видно, рост экстремальных настроений происходит в группах и без того с высоким уровнем экстремального сознания. Поэтому можно сделать вывод, что при определенных условиях именно в этих группах молодежи наиболее вероятно формирование потенциала экстремизма. Для определения степени вероятности воспроизводства различных форм молодежного экстремизма, необходимо убедиться в наличии связи различных форм его проявления с экстремальными настроениями в молодежной среде.

Экстремальные настроения и основные формы экстремистских проявлений: особенности взаимосвязи. Экстремальность сознания молодежи не является постоянной величиной. Ее уровень и направленность зависят от многих факторов. Прежде всего, от самой молодежи, от ее жизненной позиции, а также от условий жизни, от отношения к ней со стороны общества и государства, от эффективности влияния на нее общественных институтов, особенно воспитания, от возможностей, которыми она располагает для собственного самоопределения. Все эти факторы, преломляются в молодежном сознании, способствуя изменению степени и направленности его экстремальности. В результате негативного влияния этих факторов экстремальность приобретает крайнюю форму экстремизма. Перерастание экстремальных проявлений в экстремистские может явиться также следствием влияния внешних, по отношению к молодежи, сил, использующих ее в своих интересах.

Поэтому экстремизм в молодежной среде представляет собой социально обусловленные формы отклонения от развития экстремального типа сознания молодежи и нарушения меры в выборе адекватных моделей поведения, выражающегося в приверженности к крайним взглядам и поступкам, представляющим опасность для окружающих. В спонтанном его проявлении экстремальные настроения приобретают характер самоцели. Непременной составляющей его целей как сознательно регулируемого процесса является достижение общественного резонанса. Реализация этих целей экстремальными способами сопряжена с причинением морального, физического, материального ущерба окружающим. Поэтому молодежный экстремизм – это

сознательный выбор экстремальных способов индивидуального и группового поведения для достижения целей, представляющих угрозу и наносящих вред окружающим.

Экстремизм обнаруживает себя во всех сферах активности молодежи, и его конкретные проявления условно могут быть типологизированы по следующим основаниям: бытовой, социально-протестный, политический, религиозный, национально-этнический. Условность такого деления очевидна, так как перечисленные основания могут присутствовать в каждом из выделенных типов. Однако для целей исследования примем за основу данную типологию с учетом доминирующих оснований.

На эмпирическом уровне экстремистские проявления в молодежной среде исследовались в двух формах: как идейная направленность сознания, а также как установка на конкретную деятельность, либо образцы деятельности. По типам экстремизма это выглядит следующим образом.

Бытовой экстремизм определялся как отражение в сознании респондентов необходимости совершать рискованные поступки в повседневной жизни, а также как наличие установки на групповые конфликты, драки.

Социально-протестный экстремизм определялся как проявление фанатизма в идейной направленности сознания на борьбу за справедливость, согласие с крайними идеологическими формами протестных движений, а также как установка (готовность) принимать участие в неразрешенных акциях протеста.

Политический экстремизм определялся как проявление фанатизма в идейной направленности сознания на борьбу за политические убеждения и как согласие с крайней формой ксенофобии.

Национально-этнический экстремизм определялся как проявление фанатизма в идейной направленности сознания на борьбу за национальные чувства, как крайняя форма неприязни по отношению к национальным группам с юга и юго-востока, как согласие с идеологией националистических движений, а также как установка (одобрение) на крайние формы националистических проявлений.

Религиозный экстремизм определялся как проявление фанатизма в крайней форме идейной направленности сознания на борьбу за религиозные чувства и убеждения.

Для проверки исходной гипотезы рассмотрим, насколько обусловлен экстремизм молодежи уровнем ее экстремальности? Для этого проанализируем связь экстремизма по вышеперечисленным показателям с каждой формой экстремальности и сравним ее со степенью проявления экстремизма в общем (линейном) распределении. Если значения экстремизма в двойном распределении выше линейного, то можно сделать обоснованный вывод о наличии такой связи.

Связь экстремальных настроений в сфере образования с проявлениями экстремизма. Экстремальность оценивалась на основе отношения к образованию как к «обязаловке». Как следует из табл. 2, значения показателей бытового и социально протестного экстремизма в группе с высоким уровнем экстремальности в сфере образования молодежи выше значений аналогичных показателей в общем распределении. Исключение составляет лишь показатель готовности бороться до конца за социальную справедливость, значение которого ниже, чем в общем распределении, что, видимо, связано с нигилистической направленностью экстремальности в образовании. Отличается от общего распределения в сторону снижения и показатель религиозного экстремизма. Скорее всего, это связано с проявляющимся в нигилизме отрицанием религиозных норм, усиленным атеистическим образованием. Значения показателей политического и национально-этнического экстремизма, представленные в табл. 2, также преимущественно выше аналогичных в общем распределении, за исключением солидарности с

националистическими движениями. Здесь, скорее, проявилось влияние малого объема подвыборки по данному показателю. В целом, более высокие значения средних показателей по всем проявлениям экстремизма, кроме религиозного, по сравнению с общим распределением, подтверждает наличие связи и свидетельствует, что уровень экстремальности в сфере образования, даже в форме нигилизма, влияет на степень проявления экстремизма в молодежной среде.

Связь экстремальных настроений в сфере труда с проявлениями экстремизма. Экстремальность оценивалась на основе отношения к труду как к «обязаловке». По всем показателям экстремистских проявлений их значения в группе с высокой степенью экстремальности в труде выше, чем в общем распределении. Особенно высок уровень связи с бытовым экстремизмом. Выпадает из общего ряда лишь показатель готовности бороться до конца за социальную справедливость, что также как и в сфере образования можно объяснить нигилистической направленностью экстремальности в труде.

Таблица 2

Связь экстремальных настроений с экстремистскими проявлениями в молодёжной среде

РФ, 2006 г., N=2000, от числа опрошенных в группах

Высокий уровень экстремальности	Значения экстремистских настроений в %								
	Бытовые			Социально-протестные					Религиозные
	Повседневный риск	Установка на групповые драки	Среднее значение	Солидность с протестными движениями	Готовность участвовать в акциях протеста	Готовность участвовать в незаконных акциях	Борьба за справедливость	Среднее значение	Борьба за религиозные убеждения
В общем распределении	34,3	8,2	21,2	1,5	28,1	8,7	30,5	17,2	5,9
В образовании	39,8	19,3	29,5	2,5	30,5	12,6	23,4	17,3	4,1
В труде	48,3	16,0	32,1	1,3	33,3	10,9	25,6	17,7	7,7
В политической жизни	34,6	10,8	22,7	1,1	19,5	7,6	19,6	11,9	3,3
В бизнесе	39,6	15,7	27,6	1,9	36,7	15,3	35,1	22,2	6,7
В досуге	50,0	15,1	32,5	1,6	27,1	13,5	32,2	18,6	8,1
В личном самоопределении	37,5	8,0	22,7	2,0	30,1	11,0	37,1	20,0	8,7
В групповом самоопределении	32,4	8,4	20,4	1,6	29,6	9,2	31,3	17,9	5,0
В представлениях о современности	36,8	9,7	23,2	2,9	31,1	12,7	40,5	21,8	9,1
В жизненной позиции	49,3	14,5	31,9	3,1	35,6	15,4	34,3	22,1	5,8
В отношении к мигрантам	31,4	11,5	21,4	1,5	34,6	12,3	31,0	19,8	4,5
В отношении к богатым	31,3	14,9	23,1	3,3	38,8	20,6	39,7	25,6	8,3
В отношении к чиновникам	32,6	12,9	22,7	2,9	41,0	20,0	34,8	24,6	8,1
В отношении к другим религиям	34,4	10,8	22,6	1,8	31,2	9,2	29,5	17,9	7,1
В общем распределении	29,7	3,3	16,5	3,3	2,8	9,9	10,5	6,6	13,5

Высокий уровень экстремальности	Значения экстремистских настроений в %									
	Бытовые			Социально–протестные					Религиозные	
	Повседневный риск	Установки на групповые драки	Среднее значение	Солidarность с протестными и движениями	Готовность участвовать в акциях протеста	Готовность участвовать в незаконных акциях	Борьба за справедливость	Среднее значение	Борьба за религиозные убеждения	
В образовании	34,5	3,6	19,1	2,5	4,1	12,4	15,7	8,7	15,7	
В труде	37,4	5,8	21,6	5,1	3,3	11,5	26,3	11,5	18,1	
В политической жизни	33,2	3,3	18,3	1,6	3,2	6,0	14,1	6,2	12,4	
В бизнесе	40,2	7,2	23,7	4,8	5,9	13,4	24,3	12,1	18,4	
В досуге	43,7	6,6	25,1	4,5	6,0	15,2	22,6	12,0	19,3	
В личном самоопределении	36,8	4,0	20,4	3,6	3,8	15,4	15,1	9,5	16,3	
В групповом самоопределении	30,9	3,4	17,1	3,4	3,0	9,7	10,4	6,6	13,4	
В представлениях о современности	43,3	7,8	25,5	3,5	3,5	17,3	16,8	10,2	17,9	
В жизненной позиции	30,8	3,9	17,3	4,1	3,3	10,1	13,4	7,7	16,9	
В отношении к мигрантам	39,6	2,6	21,1	3,7	4,2	7,2	11,9	6,8	14,7	
В отношении к богатым	36,4	5,8	21,1	7,4	6,6	14,9	45,5	18,6	19,3	
В отношении к чиновникам	37,0	5,2	21,1	4,2	5,6	15,7	40,5	16,5	18,6	
В отношении к другим религиям	46,5	3,8	25,1	5,9	4,8	11,4	20,9	10,7	16,7	

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

Связь экстремальных настроений в политической жизни с проявлениями экстремизма. Ее наличие подтверждается в проявлениях бытового, политического и религиозного экстремизма. Вместе с тем по большинству показателей социально-протестных и национально-этнических экстремистских проявлений связь не подтвердилась. Видимо, высокий уровень экстремальных настроений в политической жизни, отражая политический нигилизм молодежи, не оказывает существенного влияния на ее протестные и националистические проявления. Данное противоречие отразилось в суммарных значениях средних показателей, что указывает на отсутствие устойчивой связи экстремальных настроений в политической жизни с экстремизмом. То есть политическая составляющая экстремизма в молодежной среде, скорее всего, носит спонтанный характер.

Связь экстремальных настроений в сфере бизнеса с проявлениями экстремизма прослеживается по всем без исключения показателям. Экстремальность оценивалась на основе одобрения предпринимательской деятельности в обход закона. Значения всех показателей экстремистских проявлений в группе с высоким уровнем экстремальности в бизнесе существенно выше аналогичных в общем распределении. Наличие устойчивой связи подтверждается и значениями средних показателей. То есть существует прямая зависимость высокого уровня экстремальных настроений в бизнесе и экстремизма во всех формах его проявления.

Связь экстремальных настроений в сфере досуга с проявлениями экстремизма прослеживается практически по всем показателям. Экстремальность оценивалась на основе признания выпивки в качестве главного мотива общения. По всем показателям экстремистских проявлений в группе с высоким уровнем экстремальности в досуге, значения существенно выше аналогичных в общем распределении. Не существенное отклонение по показателю готовности участвовать в массовых акциях протеста не оказало принципиального влияния на соотношение средних значений. Это означает, что между высоким уровнем экстремальности в досуговой деятельности и экстремизмом существует прямая связь.

Связь экстремальных настроений в личностном самоопределении с проявлениями экстремизма. Она прослеживается практически по всем показателям. Небольшое отклонение от общей зависимости, отмечаемое в оценке показателя одобрения групповых драк, не оказало влияния на соотношение средних значений. По всем другим показателям в группе с высоким уровнем экстремальности в личностном самоопределении, значения экстремистских проявлений существенно выше аналогичных в общем распределении. Следовательно, высокий уровень экстремальности в личностном самоопределении оказывает влияние на различные формы проявления экстремизма.

Связь экстремальных настроений в групповом самоопределении с проявлениями экстремизма. По большинству показателей отмечается либо низкий уровень связи, либо ее отсутствие. Весьма слабая связь экстремальности в групповом самоопределении отмечается с проявлением социально-протестного и политического экстремизма. По другим показателям связь практически отсутствует. Это можно объяснить низким уровнем групповой солидарности молодежи. Видимо, согласие с суждением, что будущее за молодежью, и она сама должна навести порядок в стране, выбранное в качестве показателя экстремальности, не отражается в групповом сознании как основание для идентификации молодежи со своим поколением. То есть современная молодежь не осознает себя в полной мере когерентной группой, что и отразилось в отсутствии связи по большинству показателей между групповым самоопределением и экстремизмом. Средние значения показателей экстремизма в группе с высоким уровнем экстремальных настроений в групповом самоопределении практически не отличаются или ниже средних значений в общем распределении.

Связь экстремальных настроений в представлениях о современности с проявлениями экстремизма. Значения всех показателей экстремистских проявлений в группе с высоким уровнем экстремальности в представлениях о современности существенно выше аналогичных в общем распределении. Наличие устойчивой связи между достиженческими ориентациями как характеристикой современности в представлениях молодежи и экстремизмом подтверждается средними значениями показателей. То есть ориентация на современность в экстремальной форме превосходства над другими способна влиять на проявления экстремизма.

Связь экстремальных настроений в выборе жизненной позиции с проявлениями экстремизма прослеживается по всем показателям кроме религиозного экстремизма. Видимо ориентация на риск как жизненное кредо молодежи плохо коррелирует с религиозной моралью россиян. Значения остальных показателей экстремизма в группе с высоким уровнем экстремальности превышают значения аналогичных показателей в общем распределении. Подтверждает наличие связи между выбором экстремальной жизненной позиции и экстремистскими ориентациями также и соотношение средних значений. Поэтому налицо зависимость экстремизма от высокого уровня экстремальности в жизненной позиции.

Связь экстремальных настроений в отношении к мигрантам с проявлениями экстремизма. Экстремальность оценивалась на основе согласия (интереса) со взглядами радикальных русских националистов, выступающих против роста численности в России мигрантов, других лиц нерусской национальности. Хотя соотношение средних значений по всем показателям свидетельствует о наличии связи, устойчивой ее не назовешь. По существу уверенно можно говорить о связи с политическим экстремизмом и в некоторой степени с социально-протестным. То есть социальная нетерпимость в отношении к мигрантам является мотивационным основанием в политической и протестной направленности экстремистских проявлений. Вместе с тем, по остальным показателям экстремизма значения средних оценок практически равны, либо ниже общих распределений, что свидетельствует об отсутствии связи между анализируемыми признаками. Это касается бытового, религиозного и национально-этнического экстремизма. Отсюда следует, что экстремальность в отношении к мигрантам проявляется в перечисленных формах экстремизма спонтанно под влиянием ситуационных ситуаций.

Связь экстремальных настроений в отношении к богатым с проявлениями экстремизма. Экстремальность оценивалась по отношению к данному слою населения в крайней форме – ненависти и отвращения. Наличие связи обнаружено по всем показателям. Наиболее высокий уровень связи отмечается в национально-этнических и политических проявлениях экстремизма. В этом, видимо, отражается представление молодежи о связи богатства с национальными характеристиками и принадлежностью к властным структурам. Не случайна также высокая степень связи социальной нетерпимости в отношении к богатым с социально-протестными проявлениями экстремизма. То есть за экстремальным отношением к богатым, скорее всего, стоит высокий уровень недовольства, связанный с социальной несправедливостью. На это указывает и высокое значение отклонения от общего распределения по показателю готовности до конца бороться за справедливость. Поэтому социальная нетерпимость в отношении к богатым оказывает влияние на все формы проявления экстремизма.

Связь экстремальных настроений в отношении к чиновникам и бюрократам с проявлениями экстремизма прослеживается последовательно по всем без исключения показателям. Экстремальность оценивалась по отношению к данной категории служащих в крайней форме – ненависти и отвращения. Положительные и весьма существенные отклонения значений показателей экстремистских проявлений от общего распределения свидетельствует о наличии прямой зависимости между анализируемыми признаками. В экстремальном отношении к чиновничеству в большей мере отражается системный характер несогласия с существующим порядком, что и проявилось в высоком уровне связи с социально-протестным, политическим и национально-этническим экстремизмом в молодежной среде.

Связь экстремальных настроений в отношении к представителям других религий с проявлениями экстремизма прослеживается по всем показателям. Экстремальность, выразившаяся в согласии с суждением, что: «Иноверцы опасны для окружающих и им нет места в нашем городе», представляет радикальную форму ксенофобии на религиозной основе. Анализ данных в табл. 2 показал, что религиозная ксенофобия неизбежно ведет к экстремизму. Причем его проявления могут носить самый разный характер – от бытового до политического. Это подтвердилось положительными значениями отклонений от общего распределения по всем без исключения показателям экстремизма среди молодежи.

Таким образом, проделанный анализ подтвердил наличие связи между экстремальностью, как сущностной характеристикой молодежи и экстремизмом в ее среде.

Причем, определяющее влияние на экстремистские проявления оказывает степень и направленность экстремальных настроений. Ее нигилистическая направленность размывает идейную сторону экстремистских проявлений. Поэтому нигилизм в большей мере связан с бытовым экстремизмом. В других проявлениях экстремизма он выполняет функцию лишь потенциала экстремальной энергии, реализация которой зависит от конкретной ситуации. Радикальная направленность экстремальности (фанатизм) в большей мере носит целенаправленный характер и проявляется в деятельностной форме.

Наибольшая теснота связи (первые три места) на основе средних значений по совокупности показателей проявляется в группах с высоким уровнем экстремальных настроений в досуговой деятельности, в отношении к богатым и чиновникам. В сфере досуга проявилась возрастная особенность данной социальной группы, а в отношении к богатым и чиновникам – высокий уровень социальной напряженности в ее среде, в связи с нарушением социальной справедливости и законодательства во властных структурах.

Низкий уровень связи (последние три места) отмечен в группах с высоким уровнем экстремальных настроений в отношении к мигрантам, в групповом самоопределении и в политической жизни. Социальная нетерпимость к мигрантам в наименьшей степени связана с проявлениями бытового, религиозного и национально этнического экстремизма, что свидетельствует о преимущественно случайном характере этих проявлений. В групповом самоопределении среднее суммарное значение экстремистских проявлений ниже общего распределения, что указывает на отсутствие устойчивой связи этих проявлений с высоким уровнем самоидентификации с поколением. В проявлении экстремизма решающее влияние оказывает принадлежность молодых людей к малым группам, преимущественно субкультурной направленности, а не к своему поколению, как к большой социальной группе. Неспособность современной молодежи осознать общие интересы и сформировать поколенческую идеологию, во многом связана с высоким уровнем политического нигилизма. Не случайно экстремальность в политической жизни оказалась на последнем месте. Практическое отсутствие связи ее с экстремистскими проявлениями означает, что в этих проявлениях, включая и политический экстремизм, собственно политическая составляющая не осмыслена до конца молодежью и реализуется спонтанно.

Таким образом, результаты исследования подтверждают теоретический вывод о сущности молодежного экстремизма. Его природа определяется социально-групповыми особенностями сознания молодежи, а формы проявления связаны со спецификой ее социального поведения. Как самостоятельная социальная группа она является частью общества и по-своему отражает своеобразие каждого этапа его развития. Поэтому для успешного противодействия молодежному экстремизму следует, прежде всего, четко различать его причины, коренящиеся в несовершенстве самого общества, в недостатках государственной молодежной политики, и формы его проявления, имеющие социально-групповую специфику.

Экстремизм в молодежной среде имеет свои особенности, связанные со спецификой социального положения молодежи в обществе. Они выражаются в повышенной экстремальности ее сознания и поведения как проявления социально-групповых сущностных свойств. В условиях социальной неопределенности, нестабильности и риска экстремальность молодежи приобретает свои крайние, преимущественно спонтанные проявления, которые могут перерасти в экстремистские настроения. Перерастание экстремального развития в экстремизм в немалой степени связано с нарушениями в функционировании институциональных и неинституциональных механизмов социальной регуляции.

---

4. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодёжные движения как форма социальной самоорганизации // Россия в условиях глобального кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2008 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2009. – С. 167-181.

МОЛОДЁЖНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

Проявления экстремизма в последние годы вышли на уровень наиболее актуальных проблем не только российского, но и глобального общества. Противоречия, которые коренятся во взаимодействии современного общества с различными социальными группами и не нашедшие институциональных решений, выражаются в наиболее агрессивных формах, каковой и является экстремизм.

Анализ природы молодежного экстремизма указывает на связь экстремальности сознания как сущностного свойства молодежи и экстремистских проявлений, возникающих в ее среде при определенных условиях. Таковыми являются внешние – экономические, политические, социальные условия жизнедеятельности данной социальной группы и внутренние, связанные с особенностями ее социальной организации, проявляющиеся в сознании и поведении.

Экстремальность выражается в форме общественного настроения молодежи и не только накладывает отпечаток на поведение молодых людей, но и становится силой, способной захватить и объединить их для достижения определенной цели. Уровень и направленность экстремальных настроений непосредственно связаны с изменением социального положения молодежи. Позитивные изменения могут снижать уровень экстремальности, либо способствовать проявлению настроений в направлении социального творчества и инновационной деятельности молодых людей. Негативный характер изменений социального положения молодежи становится питательной базой для отклонения экстремальности от нормального развития, как по уровню, так и по направленности. В такой ситуации экстремальные настроения превращаются в источник риска, способствуя объединению молодых людей для реализации самой экстремальности в форме экстремистских проявлений.

Возрастные, гендерные, социальные группы молодежи различаются по уровню экстремальности сознания. Поэтому при одинаковых внешних условиях характер экстремистских проявлений среди них может быть различным. И, наоборот, разные условия могут продуцировать экстремизм в одних группах и не оказывать влияние на другие. Иными словами между внешними и внутренними условиями, опосредующими перерастание экстремальности в экстремизм, существует некий посредник, регулирующий этот процесс. Таким посредником является самоорганизация молодежи.

Наиболее распространенной формой самоорганизации выступают разного рода молодежные объединения, представляющие собой «самостоятельные, преимущественно спонтанные действия неформальных групп молодежи, расширяющие и закрепляющие ресурсы групповой идентичности (субкультурной, социально-протестной, этнокультурной

и др.)»³⁴. Рассмотрим особенности самоорганизации молодежи, действие механизма самоорганизации в процессе возникновения различных форм экстремистских проявлений, либо их локализации в молодежной среде.

Социальная организация молодежи, является не только формой ее существования как социальной группы, но, представляя собой упорядочивающую деятельность, выступает в качестве способа регуляции ее социальных взаимодействий в социуме. Регуляция реализуется путем обеспечения взаимодействия молодежи, адекватного целям эффективного ее функционирования в социальной системе. Формирующаяся в процессе деятельности участников молодежных объединений структура организации, обеспечивает их распределение для реализации конкретных функций. Реализуя эти функции, молодые люди становятся субъектами регуляции индивидуальных и групповых взаимодействий, для достижения целей, стоящих перед молодежным объединением. Упорядочение может достигаться как путем целенаправленного регулирования, так и саморегуляции.

В общественной жизни субъектами целенаправленного регулирования выступают различные институты, государственные и общественные структуры, придавая данному процессу институциональный характер, исходя из собственных целей. Институционализация социорегуляционных процессов в молодежной среде приобретает организационные формы. Создаются организации, объединения, движения, в которых молодежь выступает преимущественно в качестве объекта целенаправленного воздействия. Ее деятельность направляется, а собственная активность ограничивается в соответствии с институциональными целями.

Под саморегуляцией в социологии понимается деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые. Как воздействие личности или группы на самих себя, саморегуляция является одним из способов становления субъектности молодежи, т.е. способности активно и автономно существовать и действовать в изменяющемся обществе.

Наибольшая эффективность саморегулирования достигается путем самоорганизации, которая состоит в самоупорядочении спонтанных процессов внутриколлективного взаимодействия. Среди форм самоорганизации выделяются: лидерство, объединение на основе общих групповых интересов, образование неформальных групп, участие в выработке и принятии решений и др. Проявляясь в виде спонтанно возникающей поведенческой реакции молодых людей (молодежи, как социальной группы) на недостаточные возможности, предоставляемые средой, она определяется как способность оптимального *выбора* в ситуациях нелинейно изменяющихся процессов. Именно момент выбора придает этим процессам упорядочивающий характер.

Таким образом, самоорганизация это спонтанно совершающийся процесс социального регулирования, связанный с возникновением новых структур или трансформацией существующих в момент их крайней неустойчивости. В таком качестве самоорганизация молодежи может рассматриваться как форма саморегуляции ее социальных взаимодействий. Становление субъектности молодежи в процессе общественного воспроизводства является результатом непрерывной индивидуальной и групповой самоорганизации. Самоупорядочение непосредственно затрагивает системные

---

³⁴ Левичева В.Ф. Движения молодежные // Социология молодежи / Энциклопедический словарь. – М., 2008. – С.94.

свойства социального объекта, т.е. молодежи, и распространяется на всю систему взаимодействий этой социальной группы или отдельных структур в ее составе.

Так, например, неустойчивость социального положения, имманентно присущая ей как становящемуся субъекту общественного воспроизводства и общественной жизни, выступает объективным основанием риска в молодежной среде. Являясь одним из существенных свойств молодежи и постоянно проявляясь в разных жизненных ситуациях, риск не может эффективно регулироваться лишь на институциональном уровне. Действенным механизмом его социального регулирования становится самоорганизация. Причем, ее роль возрастает в ходе демократизации общественных отношений.

Примером также может служить ситуация в сфере образования, где самоорганизация молодежи рассматривается в качестве альтернативы неупорядоченности социальных связей, вызванной неустойчивостью реформируемых образовательных структур и не поддающейся по разным причинам институциональному регулированию. В обыденной жизни неупорядоченность проявляется в фактах нарушения прав учащихся и студентов, а также в ограничении возможностей их самоопределения, что отражается в молодежной среде как состояние риска. Осознавая растущий риск в различных ситуациях, учащаяся молодежь стремится противостоять его эскалации посредством самоорганизации, объединяясь, создавая в целях адаптации к его проявлениям неформальные структуры, активизируя семейные и родственные связи, находя поддержку в молодежных движениях, сотрудничая в поисках социальной защиты с различными официальными органами и т.д.

Важная роль в самоорганизации принадлежит синергетике, в соответствии с основным положением которой, система является самоорганизующейся, если ее макроструктура возникает, сохраняется и усложняется в результате происходящих в ней внутренних процессов, а не навязывается извне³⁵. С позиций синергетического подхода принципиальная схема самоупорядочения внутренних процессов в самоорганизации молодежи выглядит следующим образом. Молодежное объединение, будучи формой самоорганизации, предстает как открытая система, имеющая в неравновесном состоянии потенциальное множество путей эволюции. Выбор приемлемого пути совершается через случайность и является результатом конфликта, конкуренции и синергии альтернативных режимов ее эволюции (противодействующих аттракторов). В момент максимального напряжения конфликта происходит разветвление (бифуркация) возможных путей эволюционного развития. В точке бифуркации выбор становится следствием либо стечения случайных обстоятельств, либо осознанной активности субъектов. Первая модель выбора реализуется в условиях нелинейно развивающихся и мало предсказуемых процессов самоорганизации. В неустойчивом равновесии нелинейность интенсифицирует социальные флуктуации (случайные отклонения от средних значений), которые порождают не только хаос, но и возможности изменений. Так, с повышением интенсивности флуктуаций в процессе самоорганизации молодежи связаны возможности реализации ею инновационной функции. В состоянии неустойчивого равновесия повышается пороговая чувствительность нелинейных зависимостей в самоорганизации. Причем ниже бифуркационного порога величина случайных отклонений уменьшается, социальные флуктуации нивелируются, а выше, наоборот, все многократно возрастает. В момент бифуркаций поле социальных возможностей поляризуется. Новое состояние возникает как эмерджентное (непредсказуемое) свойство, т.е. невыводимое из наличного и в то же время запрограммированное в виде равнодействующей возможных путей самоорганизации молодежного объединения.

---

³⁵ *Ельчанинов М.С.* Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. – М., 2005. – С.33, 65-66.

Необходимым условием второй модели выбора является переход от состояния неопределенности, характерной для момента бифуркации, к наметившемуся пути эволюционного развития молодежного объединения. Выбор в такой ситуации становится результатом оценки его участниками вероятности возможных отклонений, придавая самоорганизации осознанный и направленный характер. Повышение определенности становится стимулом возрастания социальной энергии и роста активности. Поэтому в той и другой модели выбора альтернативных путей самоорганизации молодежного объединения синергетический эффект достигается путем возрастания (приумножения) энергии.

Между тем возникает вопрос о саморегуляции самого выбора. Если выбор нового пути в момент бифуркации совершается через случайность, то возможна ли его осознанная рационализация? Отвечая на этот вопрос, следует подчеркнуть, что окончательное решение в этот момент также остается за человеком. Только в отсутствие в момент бифуркации прямых детерминаций рационального выбора со стороны сложившихся объективных условий, их связь с личностными регулятивами опосредуется в экзистенциальной форме через настроения, присущие на данный момент или более глубинный фактор – менталитет.

Важная роль в саморегуляции выбора принадлежит ментальности, представляющей собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательные неотрефлексированные представления, способы поведения и реакции³⁶. С социологической точки зрения она рассматривается как исторически сложившаяся система духовных кодов, предопределяющих восприятие людьми происходящего в определенном свете, оценку ими событий определенным образом и общую направленность их поступков. Опора на традиции и ценностные системы, закрепленные в глубинных пластах сознания, придает ментальности устойчивость и способность передаваться от поколения к поколению.

В саморегуляции выбора роль менталитета определяется тем, что, с одной стороны, он непосредственно связан с условиями и образом жизни, как отдельных индивидов, так и общностей, а с другой стороны, он влияет на формирование определенного типа «повседневного сознания», определяющего критерии рациональности. Ментальные представления и установки находят отражение в мотивационной структуре и выступают в качестве референтных образцов при выборе альтернативных способов самоорганизации.

На основе исследования³⁷, проведенного среди участников молодежных объединений и движений, проследим процесс самоорганизации в проявлениях экстремизма молодежи.

Рассматривая мотивы участия молодежи в различных движениях, можно понять не только почему возникают экстремистские проявления в молодежной среде, но и как осуществляется ее объединение с этой целью. Иначе говоря, выявить внутренние побудители экстремистской активности молодежи и раскрыть механизм выбора экстремистских моделей самоорганизации.

Все участники были сгруппированы по семи направлениям движений: экологические (7,6%), национально-патриотические (7,2%), оппозиционные (27,5%), националистические (11,7%), протестные (10,6%), прокремлевские (25,7%), правозащитные (8,3%). Направленность движений определялась преимущественно на основе

---

³⁶ Ментальность // Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. – М., 2003. – Т. 1. – С.616-617.

³⁷ Исследование проведено Отделом социологии молодежи в 2007 г. Объектом исследования являлась молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, участвующая в движениях разной направленности. Всего было опрошено 556 участников 49 молодежных движений в 19 регионах РФ (руководители исследования – д.с.н. Зубок Ю.А., д.ф.н. Чупров В.И.).

целей, зафиксированных в их программах, либо, декларируемых их участниками. Основные мотивы участия молодежи в движениях разной направленности распределились следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение мотивов участия молодёжи в движениях

РФ, 2007 г. Молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. N=556. % от числа опрошенных

Направленность движений	Желание потусоваться	Идейная близость	Романтика	Поддержка нынешнего курса	Протест	Желание участвовать в общественной деятельности	Борьба с инакомыслием	Борьба с инновациями, с представителями и других национальностей	Сделать политическую карьеру	Борьба за справедливость	Объединиться, чтобы почувствовать силу	Желание заработать
Экологические	14,3	52,4	14,3	0	9,5	35,7	9,5	0	2,4	14,3	21,4	2,4
Национально-патриотические	5,0	80,0	12,5	0	62,5	27,5	7,5	5,0	12,5	47,5	17,5	0
Оппозиционные	19,6	46,4	11,1	3,9	28,1	35,9	12,4	15,0	5,2	27,5	9,8	5,9
Националистические	8,1	46,8	1,6	0	22,6	11,3	22,6	24,2	4,8	27,4	9,7	0
Протестные	28,8	39,0	11,9	0	28,8	25,4	5,1	1,7	11,9	30,5	18,6	0
Прокремлевские	14,0	49,0	14,7	26,6	3,5	65,0	4,2	0	26,6	32,9	16,8	3,5
Правозащитные	17,4	17,4	4,3	2,2	2,2	89,1	6,5	2,2	17,4	30,4	19,6	4,4
Средние значения	15,3	47,2	10,0	4,6	22,4	41,4	9,6	6,8	11,5	30,0	16,2	2,3
Ранг	6	1	8	11	4	2	9	10	7	3	5	12

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

Проведя ранжирование представленных в табл. 1 распределений, можно увидеть, что ведущими мотивами, отражающими ценностные представления участников молодежных движений, являются следующие: идейная близость, желание участвовать в общественной деятельности, борьба за справедливость. Более подробный анализ показывает, что мотивы участия молодежи в различных движениях весьма многообразны. Здесь и желание «потусоваться» (от 5% в национально-патриотических до 28,8% в протестных движениях), и романтика (от 1,6% в националистических до 14,7% в прокремлевских), и стремление к объединению (от 9,7% в националистических до 21,4% в экологических), и возможность заработать (от 2,4% в экологических до 5,9% в оппозиционных). Подобная экспрессивная мотивация направлена на реализацию текущих, зачастую, спонтанно возникающих проблем, не связанных с идейной стороной деятельности движений.

Значительное место в мотивах участников молодежных движений занимают возможности самореализации – стремление поучаствовать в конкретных делах (от 11,3% в националистических до 89,1% в правозащитных), приобщиться к общественной деятельности, приобрести необходимые навыки для политической карьеры (от 2,4% в экологических до 26,6% в прокремлевских). Эти мотивы носят преимущественно инструментальный характер, но в них просматривается ориентация на участие в

движениях с целью решения долгосрочных проблем политической самореализации. Поэтому они не могут не содержать идейной направленности.

Велика доля собственно идейных мотивов, представленных как в общей форме – идейная близость (от 17,4% в правозащитных до 80% в национально-патриотических); борьба за справедливость (от 14,3% в экологических до 47,5% в национально-патриотических), так и в более конкретной – поддержка нынешнего политического курса (от 2,2% в правозащитных до 26,6% в прокремлевских), либо протест против существующего порядка (от 2,2% в правозащитных до 62,5% в национально-патриотических), с инакомыслием (от 4,2% в прокремлевских до 22,6% в националистических), с иноверцами, с представителями других национальностей (от 1,7% в протестных до 24,2 в националистических). В такой мотивации доминируют терминальные ценности, определяющие идейную направленность движения.

Таким образом, в мотивационной структуре участников молодежных движений выделяется три группы мотивов: во-первых, экспрессивные, спонтанно возникающие мотивы, не связанные с идейной направленностью движений, во-вторых, инструментальные мотивы, связанные с идейной направленностью движений, в-третьих, собственно идейные мотивы. Среднее значение мотивов, отнесенных к экспрессивному типу, не связанному с идейной направленностью движений, составило 11,3%; отнесенных ко второму – инструментальному типу, связанному с идейной направленностью движений – 28,1%; относящихся преимущественно к идейной мотивации – 20,4%. Итак, в мотивационной структуре участников движений около половины мотивов отражают идейную направленность. Это свидетельствует, что самоорганизация молодежи в рассмотренных формах носит осознанный характер. Большинство молодых людей включаются в этот процесс, преследуя конкретные цели, а каждый второй использует данную форму самоорганизации для реализации идейных мотивов.

Однако важно выяснить, насколько осознанно молодые люди готовы к совершению экстремистских поступков по идейным соображениям. О степени осознанности идейной мотивации экстремизма можно судить по тому знают ли молодые люди, что такое экстремизм. Иначе говоря, способны ли они адекватно оценивать совершаемые поступки. Как показали результаты исследования, в группе с высоким уровнем экстремистских настроений лишь менее половины (41,2%) уверенно ответили, что знают, что такое экстремизм. Каждый второй (47,1%) проявил неуверенность в том, что правильно понимает смысл этого явления. И каждый десятый (11,8%) признался, что не знает, что это такое. Это означает, что две трети молодых людей, выражая в активной форме готовность к экстремистской деятельности, фактически не понимают ее смысла.

Выявленное противоречие связано с лабильностью молодежного сознания. Оно отражает преимущественно спонтанно возникающие взгляды, эмоциональную реакцию, подвержено влиянию внешних факторов и зачастую неспособно адекватно рефлексировать экстремистскую направленность своего поведения. Поэтому неадекватное отражение экстремизма в сознании молодежи не только не снижает общественной опасности подобных проявлений, но, наоборот, придает им непредсказуемый, а значит общественно неуправляемый характер.

По видам движений типология мотивов участия выглядит следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология мотивов участия молодёжи в движениях

РФ, 2007 г. Молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. N=556. % от числа опрошенных

Виды движений	Типы мотивов
---------------	--------------

виды движения	1-й тип (%)	2-й тип	3-й тип
Экологические	13,1	19,0	14,2
Национально-патриотические	6,2	19,0	33,4
Оппозиционные	11,6	20,5	22,2
Националистические	4,8	8,0	23,9
Протестные	14,8	18,6	17,8
Прокремлевские	12,2	45,8	19,3
Правозащитные	11,4	57,2	10,1

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Собственно идейными мотивами, соответствующими третьему типу мотивации, в наибольшей степени руководствуются участники национально-патриотических (33,4%), националистических (23,9%) и оппозиционных (22,2%) движений.

Мотивируют свою включенность в молодежные организации преимущественно прагматическими целями (приобретение практических навыков политической деятельности, карьерными интересами и т.п.), соответствующими второму типу мотивации, большинство участников правозащитных движений (57,2%) и почти половина прокремлевских (45,8%). Но безыдейными их назвать нельзя. Хотя и косвенно, но достижение практических целей связано с идейной направленностью этих движений.

Наконец, первый тип мотивации, отражающей преимущественно спонтанный, ситуационный подход к участию в движениях, практически не связанный с их идейной направленностью, в большей степени характеризует деятельность части сторонников протестных (14,8%), экологических (13,1%) и прокремлевских (12,2%) движений.

Как видно, включаясь в существующие движения, молодые люди не всегда согласуют цели этих организаций с собственными интересами. Скажем, «потусоваться» можно в любом движении.

Как видно из анализа мотивов, в каждом движении представлены самые разные интересы, определяющие характер противоборствующих направлений его деятельности – так называемых аттракторов. Равнодействующая этих интересов предопределяет выбор доминирующего аттрактора, программирующего направленность самоорганизации. Следовательно, осознанный выбор доминирующего режима самоорганизации осуществляется неким «идейным ядром», состоящим из числа его наиболее активных и убежденных сторонников, в то время как для остальных рядовых участников, выбор становится предопределенным.

Отмечая значительную долю молодежи, которая руководствуется идейными мотивами, важно определить их содержательную направленность. Она указывает на существующие тенденции выбора доминирующих режимов самоорганизации современной российской молодежи. Анализ показывает, что направленность идейной мотивации поляризуется между поддержкой нынешнего политического курса и решительным его неприятием, протестом против существующего режима. Сторонники выбора нынешнего политического курса в основном группируются в различных движениях прокремлевской направленности (26,6%). А убежденные оппозиционеры являются участниками преимущественно национально-патриотических (62,5%), протестных (28,8%), оппозиционных (28,1%) движений. Выбор многих идейно ориентированных молодых людей напрямую связывается с борьбой с инакомыслием, с проявлениями национальной и религиозной нетерпимости.

Таким образом, идейное ядро оппозиционных по отношению к власти настроений сосредоточено в национально-патриотических, протестных и оппозиционных движениях. А идейная база националистических, ксенофобских проявлений формируется в основном в националистических, а также в оппозиционных движениях.

Проанализируем, в каких формах проявляются экстремистские настроения молодежи в этих движениях. Для целей анализа воспользуемся следующей типологией экстремизма: бытовой, социально-протестный, политический, национально-этнический, религиозный. Уровень экстремистских настроений оценивался по двум показателям – как ценностная ориентация и как поведенческая установка. Суммарные средние значения уровня проявления различных форм экстремизма в молодежных движениях представлены в табл. 3.

Таблица 3

Средние значения уровня проявления различных форм экстремизма в молодёжных движениях

(РФ, 2007 г., молодёжь в возрасте от 14 до 30 лет. N=556. % от числа опрошенных, ранги)

Направленность движений	Средние значения оценок уровня:					Ранг
	Бытового экстремизма	Социально-протестного экстремизма	Политического экстремизма	Национально-этнического и религиозного экстремизма	Средние значения по видам движений	
Экологические	8,1	55,5	7,9	8,7	20,0	5
Национально-патриотические	15,0	82,5	32,9	15,8	36,5	3
Оппозиционные	24,9	57,3	21,8	29,0	33,2	4
Националистические	32,4	61,8	43,8	51,6	47,4	1
Протестные	41,7	49,7	31,3	24,3	36,7	2
Прокремлевские	9,9	44,7	7,7	10,2	18,1	7
Правозащитные	18,9	47,7	5,0	7,3	19,7	6
Средние значения по видам экстремизма	21,5	57,0	21,4	20,9		
Ранг	2	1	3	4		

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Во-первых, по уровню экстремистских проявлений лидирующую группу составляют националистические (среднее значение оценок – 47,4%), протестные (36,7%), национально-патриотические (36,5%) и оппозиционные (33,2%) молодежные движения. Из этого следует, что объединение на основе экстремистских ориентаций в большей степени присуще самоорганизации радикальной направленности.

Во-вторых, по видам экстремизма лидируют с большим отрывом социально протестные формы его проявления (среднее значение 57%). Остальные виды экстремистских проявлений распределились примерно в равных пропорциях.

В-третьих, молодежь, разделяющая экстремистские взгляды, в большей или меньшей степени участвует во всех движениях: и в экологических, и правозащитных и прокремлевских движениях в среднем около 20% молодых людей придерживается взглядов, вполне относящихся к экстремистским. А по отдельным формам экстремизма их доля превышает 40%. Однако не они определяют доминирующую направленность самоорганизации молодежи. Среди ее альтернативных направлений в различных движениях молодежь, как правило, не выбирает экстремизм. Поэтому, отмечая

значительную долю экстремистски настроенной молодежи во многих движениях, было бы ошибкой автоматически причислять их к экстремистским. Механизмы самоорганизации, действующие в молодежных движениях, локализуют аттракторы экстремистской направленности. Поэтому корректнее говорить о разной степени потенциала экстремизма во всех молодежных движениях, что принципиально меняет методы предупреждения его проявлений.

Рассмотрим, из каких социальных групп молодежи формируется потенциал экстремизма.

Среди участников движений были выделены группы по следующим признакам: по полу, возрасту, формам занятости, категориям учащихся и работающих. Распределение различных форм экстремистских проявлений среди этих групп молодежи представлено в табл. 4.

Экстремистские настроения участников молодежных движений наиболее активно проявляются в гендерных группах – среди юношей; по возрасту – в младших возрастных группах до 21 года; по формам занятости – среди работающей молодежи; по сферам производства – среди занятых в материальном производстве; по категориям учащихся – среди студентов ВУЗов. При этом существенных различий внутри этих групп по формам экстремистских проявлений не отмечается. Они колеблются в пределах 5–10%. Это значит, что экстремистское сознание формируется в среде участников молодежных движений в общем виде в форме установок на использование крайних мер. Их содержательная конкретизация и выбор форм самоорганизации носит скорее ситуационный характер, и могут быть спровоцированы случайными факторами, в том числе влиянием непосредственного окружения. Особую общественную опасность представляют манипуляции экстремистскими настроениями этой части молодежи со стороны различных политических сил. Поощрение, тем более подстрекательство молодежи к экстремистским проявлениям в угоду сиюминутным политическим интересам должно строго караться.

Таблица 4

**Распределение экстремистских проявлений
среди различных групп участников молодёжных движений**
(РФ, 2007 г., молодёжь в возрасте от 14 до 30 лет. N=556. % от числа опрошенных, ранги)

Группы молодежи		Формы экстремистских проявлений							
		Бытовой		Социально-протестный		Политический		Национально-этнический и религиозный	
		%	Р	%	Р	%	Р	%	Р
Пол	Мужчины	84,1	3	71,2	4	84,8	2	86,4	1
	Женщины	15,9	2	28,8	1	15,3	3	13,6	4
Возраст	Менее 21 года	54,2	1	53,0	2	52,5	4	52,6	3
	22–25 лет	36,6	3	34,1	4	38,0	1	37,3	2
	Более 26 лет	9,1	4	12,9	1	9,4	3	10,2	2
Занятость	Работающие	51,9	2	50,0	4	55,6	1	50,9	3
	Учащиеся	46,3	1	45,9	2	42,7	4	44,1	3
	Не работают и не учатся	1,2	3	2,9	2	1,1	4	3,4	1
	Школьники	4,1	1	3,7	3	4,0	2	3,2	4

Категория учащихся	Учащиеся ПТУ и техникумов	17,3	1	9,3	4	14,3	3	16,1	2
	Студенты	70,4	3	74,8	1	70,5	2	71,0	4
Сфера производства	Материальное	36,0	2	30,4	3	29,1	4	43,6	1
	Духовное	15,3	3	29,5	1	21,4	2	10,3	4
	Сфера Обслуживания	33,2	3	27,7	4	35,9	1	33,3	2
	Сфера Управления	7,2	2	0,9	4	6,0	3	12,5	1
	Общественные Организации	8,1	2	11,6	1	7,7	3	0,9	4

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

Незначительные различия в направленности ориентаций на конкретные формы экстремизма, отраженные в ранговых шкалах, свидетельствуют о наличии следующих тенденций. В ориентациях юношей более заметны национально-этнические, религиозные и политические экстремистские проявления; девушки скорее склонны к социально-протестным формам экстремистских проявлений. С возрастом уровень экстремистских настроений значительно снижается, меняется и их направленность. Если в младших возрастных группах, прежде всего, проявляется бытовой экстремизм, то в средних и старших возрастах – ориентация на политические и социально-протестные формы экстремизма. Несколько различается направленность ориентаций и по формам занятости. Работающая молодежь больше ориентирована на политический экстремизм, а учащаяся (школьники и учащиеся ПТУ) – на бытовой; студенты разделяют преимущественно социально-протестные экстремистские настроения. Влияет на направленность ориентаций и сфера производства. Занятые в материальном производстве и в сфере управления больше ориентированы на радикальные меры в решении национальных и религиозных проблем; среди работников сферы обслуживания заметнее интерес к политическому экстремизму; среди занятых в духовной сфере и в общественных организациях – к социально протестному.

Таким образом, экстремистские настроения в различных социальных группах молодежи отмечаются на уровне тенденций, т.е. существуют в потенциальной форме. Ни одна из рассмотренных групп в целом не является источником воспроизводства того или иного вида экстремизма. Являясь в большей или меньшей степени потенциальным состоянием группового сознания, проявления экстремизма, могут возникать под влиянием определенных факторов.

Больше половины участников всех движений выражали на момент проведения исследования твердую уверенность в активизации деятельности своих организаций в связи с предстоящими выборами в Госдуму и Президента страны. Их уверенность, хотя и базировалась на разных идейных основаниях, свидетельствовала о стремлении использовать выборы для утверждения своих идей. Хотя заметной активизации не произошло, анализ других факторов, способных спровоцировать экстремистские проявления в молодежной среде, заслуживает внимания. Они распределились в порядке убывания значений оценок следующим образом: с проявлением социальной несправедливости (23,6%); с ухудшением материального положения (21,4%); с невозможностью отстаивания своих прав конституционными методами (15,6%); с политикой «завинчивания гаек» (14,6%); с нарушением прав молодежи, с ее дискриминацией (12,8%); с демонстративным проявлением роскоши «новыми русскими» (6,3%). Данное распределение оценок показывает, что основными проблемами, волнующими

большинство участников молодежных движений, неразрешенность которых может повлиять на самоорганизацию в протестной форме, являются – нарушение социальной справедливости, наступление на экономические и конституционные права молодых граждан.

В зависимости от идейной направленности движений порядок распределения оценок выглядит следующим образом (см. табл. 5).

Участники национально-патриотических, экологических и правозащитных движений связывают возможный всплеск их активности с нарушением социальной справедливости, поставив этот фактор на первое место.

Таблица 5

Факторы, влияющие на рост активности молодежных движений
(РФ, 2007 г., молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. N=556. % от числа опрошенных, ранги)

Направленность Движений	Условия													
	Ухудшение материального положения		Проявление социальной несправедливости		Неправомерные действия милиции		Демонстрация роскоши «новыми русскими»		Политика «завинчивания гаек»		Невозможность защиты прав конституционными методами		С возрастной дискриминацией молодежи	
	%	Р	%	Р	%	Р	%	Р	%	Р	%	Р	%	Р
Экологические	23,8	3	26,2	1/2	26,2	1/2	4,8	7	9,5	5/6	19,0	4	9,5	5/6
Национально-патриотические	55,0	2	67,5	1	45,0	3	30,0	5	35,0	4	27,5	6/7	27,5	6/7
Оппозиционные	21,6	3/4	26,8	2	28,8	1	3,9	7	21,6	3/4	16,3	5	5,9	6
Националистические	16,1	2	3,2	5	21,0	1	1,6	6/7	4,8	4	11,3	3	1,6	6/7
Протестные	33,9	2	23,7	3	37,3	1	3,4	7	15,3	4	10,2	5	5,1	6
Прокремлевские	11,2	4	14,0	3	5,6	6	3,5	7	7,7	5	14,7	2	21,0	1
Правозащитные	8,7	5	28,3	1	21,8	2	6,5	7	6,7	6	13,0	4	21,7	3

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Поводом для всплеска активности молодежных движений радикальной направленности (оппозиционных, националистических, протестных), а также экологических, по мнению их участников, могут послужить неправомерные действия милиции. Это вполне объяснимо, поскольку и борьба за справедливость, и протест против ухудшения материального положения со стороны молодежи часто сопряжены с противодействием милиции. Сторонники прокремлевской ориентации настроены на активную борьбу против возрастной дискриминации молодежи. В условиях роста активности молодежных движений неадекватные действия властных структур разного уровня могут спровоцировать усиление экстремистских проявлений в молодежной среде.

Итак, проанализировав различные аспекты самоорганизации молодежи, связанные с проявлениями экстремизма, были выявлены ее особенности. Молодежный экстремизм возникает как экстремальная форма проявления группового сознания молодежи вследствие крайнего ухудшения условий жизнедеятельности. В повседневной жизни экстремизм существует преимущественно в форме настроений, представляя собой систему взглядов и эмоциональных состояний экстремистской направленности. Анализ показал, что экстремистские настроения в разной степени присутствуют в сознании всех социальных групп молодежи и во всех молодежных объединениях.

Было установлено, что переход экстремистских настроений в деятельностную форму в молодежной среде связан с обострением внешних факторов и, в первую очередь, с нарушениями социальной справедливости. Отражаясь в мотивационной сфере сознания, обострившиеся условия становятся стимулом, побуждающим к активизации экстремизма. В предметной направленности мотивов доминирует социально-протестный вид экстремизма. Наиболее распространенным способом проявления молодежного экстремизма являются демонстративные акты насилия, будь то нападения на лиц неславянской внешности или захваты зданий, перекрытие магистралей. Соответственно цели экстремистских действий определяются экстремальными особенностями молодежного сознания, т.е. стремлением, как можно громче заявить о себе.

Осуществляя связь между внешними условиями и внутренними индивидуальными или групповыми проявлениями экстремизма, самоорганизация молодежи может быть направлена либо на активизацию экстремистских проявлений, либо на противодействие им путем самоупорядочения отношений в молодежном объединении. Особенностью самоорганизации экстремистски настроенной молодежи является их малочисленность. Большинство экстремистских проявлений совершается спонтанно в составе небольших по численности групп. В крупных молодежных объединениях и движениях, как показал анализ, самоорганизация способствует в целом позитивной направленности самоупорядочения, полностью или частично блокирующей выбор экстремистского пути развития. Однако этот вывод не должен успокаивать. Даже отдельные проявления экстремизма быстро превращаются в установки (аттитюды), представляя собой не только потенциал экстремизма, но и осознанную или неосознанную готовность к его проявлениям. Поэтому в профилактике молодежного экстремизма не может быть мелочей. Одинаково опасно как попустительство, так и чрезмерное «завинчивание гаек». Поэтому сегодня, как никогда, работа с молодежью должна строиться на основе серьезного идейного дискурса.

---

5. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Изменение механизма социальной регуляции развития молодёжи // Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2009 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2010. – С. 62-75. *(Статья на сайте не публикуется).*

---

6. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Социальное развитие молодёжи: тенденции и противоречия общественного воспроизводства // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2011. – С. 232-257.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЁЖИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ

В результате смены поколений, осуществляется простое или расширенное воспроизводство социальной структуры, в ходе которого раскрывается социальная сущность молодежи, выявляются ее основные социальные функции³⁸. Важнейшими из них являются воспроизводственная, инновационная и трансляционная. Реализация воспроизводственной функции направлена на преемственность молодежью опыта родительских поколений и сложившейся структуры общественных отношений. Благодаря своему инновационному потенциалу она обновляет этот опыт, участвуя в совершенствовании и преобразовании общества. И, наконец, каждое поколение призвано передать унаследованный и обновленный опыт последующим поколениям. Реализуя свои социальные функции, молодежь становится субъектом общественного производства и общественной жизни. Тем самым осуществляется ее развитие, а также обеспечивается сохранение целостности и расширенное воспроизводство общества. Таким образом, социальное развитие молодежи рассматривается как процесс становления ее социальной субъектности в производстве материальных условий жизни и в духовном производстве.

На эмпирическом уровне социальное развитие молодежи представляет собой последовательный процесс изменения социального положения и детерминированных им духовных сил, отражающихся в особенностях группового сознания и в специфических формах социальной деятельности. Методика социологического исследования данного процесса включает систему показателей и критериев развития, а также методы их количественного измерения³⁹.

Развитие молодежи как субъекта производства материальных условий жизни⁴⁰. Проанализируем тенденции развития молодежи в процессе ее становления как субъекта материальных условий жизни. Интегральными показателями развития выступают мотивация труда; положение в материальном производстве; в сфере распределения, обмена и социального обслуживания; материальное положение; потребительские ориентации молодежи.

Мотивация труда не случайно считается в классической социологии важнейшим фактором социальной эволюции. М. Вебер связывал с ее изменением развитие капиталистических отношений. Поэтому, рассматривая мотивационную структуру в качестве интегрального показателя социального развития молодежи, мы стремимся определить, прежде всего, в какой степени изменение потребностей, интересов и ценностей молодежи, занятой в сфере труда соответствует характеру современных рыночных отношений. Исходным пунктом мотивации является потребность (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение потребности в труде

РФ, молодежь, % от числа опрошенных

³⁸ Научная разработка проблем социального развития молодежи базируется на теоретической концепции, разработанной в Отделе социологии молодежи ИСПИ РАН. Согласно этой концепции развитие молодежи как социальной группы непосредственно связано с ее ролью и местом в общественном воспроизводстве. См.: Чупров В.И. Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. - М., 1994; Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // СОЦИС, 1998, № 3; Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. - М., 2001.

³⁹ См.: Молодежь России: социальное развитие. – М., 1992; Зубок Ю.А. Проблемы социального измерения в социологии молодежи // Общество и право, 2007, № 2 (16); Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. – М., 2007.

⁴⁰ В анализе использовались данные социологического мониторинга, а также других исследований, проводимых Отделом социологии молодежи с 1990 г. по 2008 г.

Как бы поступил, если бы был материально обеспечен	Распределение ответов*				
	1990	1994	1997	1999	2002
Не стал бы работать	16,0	12,5	11,3	14,3	15,4
Не спеша подбирал бы себе интересующую работу	44,5	53,1	57,0	53,5	52,2
Не представляю, как можно жить без труда, все равно буду работать	18,8	15,1	23,7	22,8	27,0

* Без учета количества не ответивших.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Как видно из табл. 1, отмечается в целом положительная динамика потребности в труде. Об этом свидетельствует последовательный рост, начиная с 1990 г., значения варианта ответа «не представляю, как можно жить без труда», соответствующего высокому уровню потребности. В 2002 г. доля молодежи, характеризующаяся высоким уровнем потребности в труде, достигла 27%. Вместе с тем заметно снижение в 1994 г. и 1997 г. доли респондентов, ответивших, что не стали бы работать, если бы были материально обеспечены. Видимо, в условиях социальной неопределенности первой половины 90-х гг. и периода дефолта возникли внутренние стимулы, повлиявшие на изменение потребности в труде.

Подтверждается данная тенденция и в анализе отношения к работе. Оно оценивалось по семибалльной шкале, как состояние неудовлетворенности в связи с отсутствием или недостатком интересной работы (см. табл.2).

Таблица 2

Изменение потребности в интересной работе

РФ, молодежь

	Распределение оценок (К)					
	1990	1994	1997	1999	2002	2007
Потребность в интересной работе	5,04	4,48	4,69	4,43	4,51	4,51

К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Высокие значения коэффициентов показывают, что большинство молодых людей ощущают потребность в интересной работе, хотя заметно снижение значений оценок потребности в ней в периоды неопределенности. В 2007 г. лишь 15,2% респондентов ответили, что не нуждаются в ней. Очень нуждаются (отметили 5, 6 и 7 позиций), т.е. испытывают высокую степень потребности в интересной работе 55,8% респондентов. Тем самым выявляется специфика, присущая российской молодежи, традиционно, еще с советских времен, ориентированная на содержание труда. Большинство нуждается не в любой работе, а в интересной. И, хотя за период рыночных реформ в России приоритетное место в мотивационной структуре принадлежит заработку, все же в латентной форме устойчиво прослеживается установка на содержание и условия труда.

Однако ценностная составляющая мотивационной структуры в сфере труда молодежи претерпела в прошедший период существенные изменения. Она анализировалась на основе представлений молодых людей о смысле труда в их жизни (см. табл. 3).

Таблица 3

Изменение ценностных представлений о труде

РФ, молодежь, % от числа опрошенных

Представления о смысле труда	Распределение ответов					
	1990	1994	1997	1999	2002	2007
Ощущение своей полезности	31,6	26,4	25,7	26,8	23,1	21,2
Средство достижения других целей	27,5	35,2	43,1	37,5	43,7	51,4
Удовлетворенность	12,0	10,0	9,2	12,2	12,5	9,5
«Обязаловка»	4,5	4,4	4,2	5,5	5,5	8,7
Творчество	9,4	8,8	7,1	7,9	6,9	4,8
Общение	15,0	12,5	10,8	10,1	8,3	4,5
Итого: терминальные ценности	53,0	45,2	42,0	46,9	42,5	35,5
Итого: инструментальные ценности	47,0	54,8	58,0	59,1	57,5	64,5

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Смысловое содержание терминальной ценности труда, характеризующее его самооценное значение, определялось в следующих переменных: ощущение своей полезности, удовлетворенность, творчество. Начиная с 1997 г. наблюдается снижение доли респондентов, выбравших одно из этих значений, т.е. терминальной ценности труда. Соответственно повысилась инструментальная ценность труда, определяющая его смысл как средство реализации других целей, либо как «обязаловка», или способ общения. При этом повышение значений инструментальных мотивов, также отмечается в связи с ростом социальной неопределенности в первой половине 90-х гг., в период дефолта и в преддверие финансового кризиса. Таким образом, сохраняющаяся на достаточно высоком уровне потребность в труде, сопровождается растущей инструментализацией отношения к нему со стороны молодежи.

В связи с социальной неопределенностью отмечаются тенденции изменений трудовой этики как фактора личного самоопределения молодежи (см. табл. 4).

Как видно в самоощущении себя личностью профессионализм неизменно занимает ведущее место в самоопределении молодежи. При этом за анализируемый период произошла заметная переориентация молодежи в отношении к труду. С шестого (в 1990 г.) на второе (в 2007 г.) место переместилась предприимчивость как фактор личностного самоопределения. Причем, в данной тенденции прослеживается российская специфика, проявившаяся в перемещении на третью позицию полезных связей. Видимо, это явилось следствием повышения уровня социальной определенности в стране и некоторой стабилизации материального положения молодежи в предкризисный период. Заметно меньшую роль стали играть деньги и материальные блага, которые до 2002 г. занимали среди факторов личностного самоопределения лидирующие позиции.

Таблица 4

Изменение представлений о факторах личностного самоопределения

РФ, молодежь

Факторы личностного самоопределения	Распределение ответов (К)							
	1990		1999		2002		2007	
	К	Р	К	Р	К	Р	К	Р
Трудолюбие	4,31	3	5,45	3	5,75	3	5,45	5
Профессиональное мастерство	5,03	1	5,94	1	5,97	1	5,88	1
Предприимчивость	3,32	6	5,39	4	5,64	5	5,60	2
Деньги, материальные блага	4,22	4	5,57	2	5,80	2	5,51	4

Полезные связи	4,16	5	5,51	5	5,68	4	5,55	3
Честность, принципиальность	4,98	2	5,03	6	5,05	6	5,02	6

К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале. Р – ранг.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Однако, несмотря на положительную направленность отмеченных изменений в отношении к труду, было бы преждевременным делать вывод о позитивной динамике мотивации молодежи в данной сфере. Скорее она отражает противоречие между объективной потребностью в современной трудовой этике и реально осуществляемой политикой в сфере труда молодежи. В результате в 2007 г. по сравнению с 2002 г. заметно снизилась в абсолютном выражении доля респондентов, выделивших среди факторов, способствующих осознанию себя как личности, трудолюбие, профессионализм, предприимчивость. Средневзвешенные значения трудолюбия снизились с 5,75 в 2002 г. до 5,45 в 2007 г., профессионализма, соответственно, с 5,97 до 5,88, предприимчивости – с 5,64 до 5,60. Подобные негативные тенденции отражают последствия усиливающейся пропаганды обогащения, обесценивающей добросовестный, честный труд, как источник благополучия. Внедряя в сознание молодежи завышенные потребительские ориентации, и надеясь, при этом, на саморегуляцию рынка в формировании профессионализма и трудолюбия, вряд ли можно рассчитывать на успех. Это приводит лишь к росту неопределенности в сознании молодежи и к росту социальной напряженности.

В результате такой молодежной политики в мотивационной сфере сознания молодежи стало меняться представление о современной этике труда. Рационализм, лежащий в основе современного общества, утрачивает в представлениях российской молодежи свои важнейшие составляющие. Это подтверждается ответами молодежи на вопрос о важности для современного человека таких статусных характеристик как профессионализм, добросовестный труд, порядочность. Так, средневзвешенное значение важности профессионализма равнялось в 2002 г. 6,11 баллов, а в 2007 г. 5,99; важности добросовестного труда, соответственно, 6,29 и 5,51; важности порядочности, нравственных качеств 5,78 и 5,58. Образ современного общества все больше связывается в сознании молодежи не с достижениями в труде, а с представлениями о «красивой жизни».

В анализируемый период в мотивации труда молодежи произошли изменения, свидетельствующие о замедлении процесса формирования современной этики труда среди российской молодежи, что негативно отражается на воспроизводстве трудовых отношений в российском обществе.

Положение в материальном производстве рассматривается в качестве интегрального показателя становления молодежи как субъекта производства материальных условий жизни. Тенденции изменения ее занятости в данной сфере, степени интегрированности в государственный и негосударственный секторы материального производства, уровня образования и квалификации определяют не только направленность ее социального развития, но и потенциал воспроизводства материальных условий жизни в обществе.

Занятость молодых людей в сфере материального производства постоянно сокращается. Если в 1990 г. в отраслях материального производства было занято 80% работающей молодежи, в 1994 г. – чуть больше 60%, то в 1999 г. 44%. Продолжилось снижение занятости молодежи в материальном производстве и в относительно благополучный предкризисный период. Так в 2002 г. в данной сфере работали 41,4% молодежи, а в 2007 г. – 39,8%. Хотя темпы оттока молодежи из сферы материального

производства, по сравнению с началом 90-х гг. замедлились, тем не менее, сохраняющуюся тенденцию нельзя признать удовлетворительной.

Кардинальные изменения произошли в постсоветский период в ориентациях молодежи на занятость в различных секторах экономики (см. табл. 5).

Таблица 5

Изменение ориентаций на различные формы занятости

РФ, молодежь, % от числа опрошенных

Предпочли бы работать при наличии выбора	Распределение ответов			
	1990	1997	1999	2002
На государственном предприятии	51,5	24,4	26,3	25,3
Заниматься индивидуальной трудовой деятельностью	14,3	8,4	12,3	16,7
Работать в кооперативе (колхозе)	32,1	2,8	2,1	1,5
Работать в частной отечественной фирме	-	18,6	13,8	11,4
Работать в совместном предприятии	-	18,9	16,7	14,6
Работать в иностранной фирме	-	28,3	24,8	25,0
Завербоваться на работу в труднодоступные районы	8,3	1,2	0,8	1,3
Завербоваться на работу за границу	-	12,6	13,7	13,7
Организовать собственное дело, свой бизнес	-	31,8	38,0	57,8
Работать на семейном подряде	7,7	1,8	3,5	6,4

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Во-первых, произошло существенное расширение после 1990 г. форм занятости. Появились новые формы занятости, что расширило возможности для молодежи выбора места работы. Во-вторых, последовательное снижение интереса к предприятиям государственного сектора. В-третьих, растущее стремление к индивидуальной трудовой деятельности, к семейному подряду и к организации собственного бизнеса. В-четвертых, предпочтение работы на иностранных фирмах по сравнению с отечественными. Причем, доверие отечественным частным фирмам и совместным предприятиям заметно снизилось после 1997 г., что связано с последствиями дефолта.

Такие ориентации молодежи проявились в перераспределении ее занятости из государственного сектора материального производства в негосударственный. В 1994 г. занятость молодежи в госсекторе экономики по сравнению с 1990 г. сократилась в 1,5 раза и составила 63,9%. И в дальнейшем данная тенденция продолжилась, хотя и замедленными темпами. В 1997 г. ее занятость в госсекторе равнялась 58% от общей численности работающей молодежи. За период с 2002 г. по 2007 г. она сократилась с 41% до 17,5%, т.е. более чем в два раза. В предкризисный (2008) год 76,9% молодежи, занятой в материальном производстве, работали в акционерных и частных предприятиях. Это положительно отразилось на их материальном положении, поскольку оплата труда в негосударственном секторе выше, чем в государственном. Однако ослабление воспроизводственного потенциала госсектора, в котором сосредоточена значительная часть промышленности и других стратегически важных отраслей производства, весьма негативно сказывается на развитии экономики страны.

Отток молодежи из материального производства сопровождается не только снижением количественных показателей социального развития молодежи в данной сфере, но и качественных. В начале 90-х гг. подавляющее большинство (более 80%) достигало профессиональной зрелости и экономической самостоятельности лишь к 30 годам, т.е. за пределами молодежного возраста. Высокий уровень профессионального статуса в

материальном производстве по таким показателям как квалификация, заработная плата, удовлетворенность работой отмечался в 1994 г. лишь у десятой части молодых людей. Прослеживается снижение уровня образования молодежи, занятой в материальном производстве с 2002 г. по 2007 г., в том числе имеющих среднее образование с 26,2% до 20,3%, среднее специальное – с 46,1% до 45,1%, незаконченное высшее и высшее – с 19,8% до 16,3%. И хотя отмечается рост квалификации занятых в данной сфере молодых людей (в самооценках по семибалльной шкале с 4,67 до 4,92 пунктов), снижение уровня образования негативно отражается на профессиональном статусе этой части молодежи.

На причину подобных негативных тенденций указывает анализ возможностей самореализации молодежи в материальном производстве (см. табл. 6).

Таблица 6

**Оценка возможностей самореализации молодежи
в материальном производстве**

РФ, молодежь

Возможности	Распределение оценок (К)			
	1990	1997	2002	2007
Повысить свою квалификацию	4,46	4,01	4,58	4,52
Повысить свою заработную плату	3,29	3,15	3,86	3,83
Сделать свой бизнес	-	2,55	2,76	2,70

К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Во-первых, налицо противоречие между относительно высокими значениями возможностей повышения квалификации и низкими оценками возможностей повышения заработной платы. В 1990 г. в разной степени имели возможность повысить квалификацию 37,8% респондентов, а заработную плату – 28,1%. В 2007 г. возможности самореализации значительно возросли, но соотношение осталось прежним: 53,9% респондентов имели возможность повысить квалификацию и 36,1% – заработную плату. Иначе говоря, возможности качественного роста рабочей силы не обеспечиваются соответствующим уровнем заработной платы. Во-вторых, крайне низкие оценки возможности сделать свой бизнес, т.е. предпринимательской деятельности молодежи в этой сфере производства. Отсюда и отмеченное выше снижение качественных показателей профессионального статуса молодежи в материальном производстве. В-третьих, прослеживается связь возможностей самореализации и уровнем социальной неопределенности. Отмечается заметное снижение значений оценок возможностей самореализации молодежи в 1997 г. и 2007 г., т.е. годы, предшествующие дефолту и финансовому кризису.

Одним из главных факторов, препятствующих интеграции молодежи в материальное производство, является молодежная безработица. По данным Департамента занятости Минтруда, в 1992 г. она составляла 38,1%; в 1995 г. – 35,8%; в 1996 г. – 34,5; в 1997 г. – 31,8%; в 1998 г. – 32%; в 1999 г. – 34,5%, в 2002 г. – 32%. Как видно, несмотря на тенденцию снижения, молодежь устойчиво составляет третью часть от общей численности безработных. В кризисном, 2008 г. Правительству удалось удержать безработицу среди молодежи на уровне 32%, путем снижения оплаты труда и перевода на неполную рабочую неделю. Однако она остается очень высокой и превышает средний уровень молодежной безработицы в странах Евросоюза, составляющий 20,6%. Особенно тревожным выглядит тот факт, что безработица увеличивается за счет выпускников ПТУ, техникумов и вузов. По

данным Минобразования в 2009 г. около 100 тыс. выпускников учебных заведений не могли трудоустроиться.

В целом следует признать, что по большинству показателей положение молодежи в сфере материального производства за период постсоветских реформ стало хуже, а ее развитие замедлилось. Последствия этих тенденций уже отозвались в воспроизводстве промышленного потенциала страны. В 2010 г. начали предприниматься меры по укреплению ряда ведущих предприятий машиностроения и оборонного комплекса. Но для восполнения дефицита квалифицированной рабочей силы, образовавшегося в прошлые годы, в связи с оттоком молодежи из материального производства, потребуются годы.

Положение в сфере распределения и обмена является показателем развития молодежи, занятой банковской, посреднической деятельностью, оказанием услуг (включая охрану), торговлей, общественным питанием, материально-техническим снабжением и сбытом. В начале 90-х гг. отмечалось значительное увеличение доли молодежи в данной сфере, что связано с перераспределением ее занятости из сферы материального производства. Если в 1990 г. занятость молодежи в сфере распределения и обмена составляла около 9% от общей численности работающей молодежи, то в 1999 г. она выросла до 17,2%, т.е. в 2 раза. Затем темпы роста ее занятости в этой сфере снизились, но положительная тенденция сохраняется. В 2002 г. она составила 20,6%, а в 2007 г. – в данной сфере было занято 22,7% молодежи. Около 80% молодежи, занятой в сфере распределения и обмена, работают в негосударственном секторе. Поэтому для социального развития молодежи рост занятости в сфере распределения и обмена имеет положительное значение, учитывая более широкие возможности повышения материального положения, по сравнению с материальным производством и дальнейшие перспективы развития данной сферы в России.

Причем, за период после 2002 г. процесс перераспределения ее в негосударственный сектор заметно активизировался. В 2002 г. работали в государственном секторе 17,5% и в негосударственном 75% молодежи, занятой в этой сфере, а в 2007 г., соответственно, 7,9% и 82,5%. Это отражает общую тенденцию снижения доли государства в данной сфере.

Отмечен рост качественных показателей занятости молодежи в сфере распределения и обмена. Повысился уровень среднего общего образования с 17,2% в 2002 г. до 24,3% в 2007 г. и среднего специального образования – соответственно с 43,3% до 45,7%. А также уровень квалификации (средневзвешенное значение по семибальной шкале) с 4,77 до 4,99. По всем другим показателям также можно констатировать положительную тенденцию изменения, что свидетельствует о позитивном влиянии инновационного потенциала молодежи в данной сфере.

Положение в сфере социального обслуживания характеризует развитие молодежи, трудовая деятельность которой связана со здравоохранением, физической культурой, экологией, нотариатом, юриспруденцией, правоохранительной деятельностью, жилищно-коммунальным и бытовым обслуживанием, социальным обеспечением и страхованием. В 1990 г. в сфере социального обслуживания было занято около 11% от общей численности работающей молодежи. А уже в 1999 г. – 22,7%. В 2002 г. ее доля в этой сфере составила 23,5% работающей молодежи. Однако в 2007 г. отмечено снижение ее занятости до 17,8%. Снижение произошло преимущественно за счет сокращения государственного сектора в сфере обслуживания. Занятость молодежи в государственном секторе сократилась в этот период с 65,3% до 55,5%.

За прошедший период несколько улучшился качественный состав занятости молодежи в сфере социального обслуживания. Увеличилась доля молодежи с

незаконченным высшим и высшим образованием с 18% в 2002г. до 21,8% в 2007 г., повысился уровень квалификации (с 4,68 до 4,73 по семибалльной шкале). Все это свидетельствует о позитивной тенденции развития молодежи в анализируемый период и ее положительного влияния на качественное обновление и расширенное воспроизводство сферы социального обслуживания.

Материальное положение и потребление. В период с 1990 г. по 1994 г. уровень жизни молодежи оставался крайне низким. Каждый третий (32,1%) молодой человек постоянно испытывал нужду и едва сводил концы с концами. Причем среди нуждающихся оказались представители всех слоев молодежи. Предпринятые меры по повышению уровня доходов населения в период с 2002 г. по 2007 г. позитивно отразились на материальном положении молодежи. Ее доходы выросли по сравнению с 2002 г. в три раза. Несмотря на то, что возросшие денежные доходы в значительной мере поглощаются ростом инфляции и розничных цен, нельзя не отметить заметное повышение качества жизни молодежи. Это подтверждается и субъективными оценками молодых людей (см. табл.7).

Доля молодежи, оценивающей собственный уровень жизни как низкий («Я едва свожу концы с концами», «моих денег хватает только на питание и недорогую одежду»), начиная с 1994 г. постоянно снижалась с 37,3% в 1994 г. до 20,6% в 2007 г. Одновременно выросла доля молодежи со средним, по российским меркам, уровнем жизни («Моих доходов хватает на то, чтобы прилично питаться и одеваться», «Мне хватает денег и на хорошую одежду, и на некоторые вещи длительного пользования», «я могу себе позволить некоторые достаточно дорогие предметы домашнего обихода, однако покупку автомобиля мне не осилить») с 57,6% в 1994 г. до 71,2% в 2007 г. Хотя доля молодежи с высоким уровнем жизни не велика («Я могу позволить себе скромный отдых за рубежом и недорогой автомобиль», «я могу позволить себе все, что пожелаю»), она имеет тенденцию роста – с 2,7% в 1994 г. до 8,3% в 2007 г.

Сократилось и число нуждающейся молодежи. Молодые люди стали реже испытывать материальные затруднения. Так, доля молодежи постоянно или часто испытывающая материальные затруднения сократилась в 2,5 раза – с 48,6% в 1994 г. до 19,6% в 2007 г.

Однако анализ указывает на негативные тенденции снижения уровня жизни, связанные с состоянием социальной неопределенности в период дефолта. С 1997 г. по 1999 г. отмечается рост доли остро нуждающейся молодежи и снижение средне и высоко обеспеченных ее слоев.

Таблица 7

Изменение оценок молодежью собственного уровня жизни

РФ, молодежь, % от числа опрошенных

Оценки уровня жизни	Распределение ответов				
	1994	1997	1999	2002	2007
Я едва свожу концы с концами. Заработанных денег мне с трудом хватает на питание	11,2	13,8	10,6	8,6	3,8
Мне хватает денег только на питание и недорогую одежду	26,1	29,4	34,9	31,0	16,8
Моих доходов хватает только на то, чтобы прилично питаться и одеваться. Дорогие вещи мне не по карману	29,0	24,3	28,4	31,1	28,0

Мне хватает денег и на хорошую одежду, и на некоторые вещи длительного пользования. Однако дорогие вещи мне не по карману	20,0	13,0	15,4	15,8	21,3
Я могу позволить себе достаточно дорогие вещи. Однако покупку автомобиля или отдых за рубежом мне не осилить	8,6	13,1	8,5	11,0	21,9
Я могу позволить себе скромный отдых за рубежом и недорогой автомобиль, но покупка собственной квартиры для меня проблема	2,2	3,9	1,9	2,1	6,7
У меня нет никаких материальных проблем. Я могу позволить себе практически все, что пожелаю, включая дорогую импортную машину, квартиру и многое другое	0,5	0,6	0,2	0,3	1,6

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Выявленные позитивные изменения материального положения молодежи отразились на изменении *потребительских ориентаций* молодежи. Это проявилось в растущем стремлении молодых людей к самостоятельной жизни, к отделению от родителей и обретению собственного жилья. Однако данная проблема решается крайне медленно. В период с 1994 г. по 2002 г. доля молодежи, проживающей вместе с родителями, возросла с 57,4% до 69%. И лишь к 2007 г. незначительно снизилась до 66,7%. Несмотря на реализацию приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье», доля молодежи проживающей отдельно от родителей в собственной квартире, доме снизилась с 20,6% в 2002 г. до 15,5% в 2007 г. Зато возросло количество молодежи, проживающей в общежитиях или у родственников (с 3,7% в 2002 г. до 4,9% в 2007 г.), а также, снимающих комнату или угол (соответственно, с 5% до 9,1%). То есть приобретение собственного жилья было и остается практически недоступным для молодежи, что не может не отражаться на ее социальном развитии.

Несмотря на низкий уровень жизни молодежи, по ряду показателей выявляются положительные тенденции изменения ее материального положения. Особенно заметны изменения в предкризисный период, отмеченный ростом социальной определенности. Улучшение материального положения является значимым фактором социального развития молодежи, что найдет отражение в расширенном воспроизводстве не только условий жизни, но и духовной сферы.

Развитие молодежи как субъекта духовного производства и духовной жизни. Интегральными показателями развития молодежи как субъекта духовного производства являются: положение в сфере духовного производства, образовательный статус, изменения в духовной сфере сознания и в политическом сознании.

Положение в сфере духовного производства характеризует развитие молодежи, основная деятельность которой связана с учебой, либо с трудом в области культуры, искусства, науки, образования, литературы, информации, включая СМИ. В период с 1990 г. по 1999 г. численность молодежи, занятой в данной сфере оставалась неизменной и составляла 49,4%, в том числе 35,8 учащихся и 13,6% работающих. К 2002 г. она возросла до 53% (41% учащихся и 12% работающих). В 2007 г. в данной сфере было занято 56,4% молодежи, в том числе доля учащихся составила 41,4%, а доля работающих – 15%. В составе работающих 7,3% совмещали работу с учебой, а среди учащихся 4,3% совмещали учебу с работой. Иначе говоря, каждый десятый молодой человек работал и учился. За период с 1997 г. по 2007 г. показатели социального развития молодежи в сфере духовного производства претерпели заметные изменения (см. табл. 8).

Положительная динамика выявлена в анализе состава учащихся по формам оплаты обучения. Доля учащихся в государственных учебных учреждениях, обучающихся на бесплатной основе, повысилась, а с частичной и полной оплатой снизилась с 29,1% в 2002 г. до 25,8% в 2007 г. Это расширяет доступность образования для молодежи, особенно неимущей ее части, и способствует ее социальному развитию. Доля молодежи, признавшей платное образование недоступным для себя, снизилась с 47,8% в 1997 г. до 32,6% в 2007 г., хотя остается высокой. Продолжился рост числа учащихся и студентов в негосударственных и частных учебных заведениях, что способствует расширению элитарного образования.

Таблица 8

**Изменение показателей социального развития
в сфере духовного производства**

РФ, учащаяся молодежь, % от числа опрошенных

Показатели	Индикаторы	1997	1999	2002	2007
Обучение по формам оплаты	Государственное бесплатное	87,9	73,7	66,2	67,9
	Государственное с частичной или полной оплатой	10,0	22,6	29,1	25,8
	Негосударственное, частное	2,1	3,7	4,8	6,3
Доступность платного образования	Практически не доступно	47,8	51,0	44,8	32,6

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Произошли изменения и в составе молодежи, занятой работой в сфере духовного производства (см. табл. 9).

Таблица 9

**Изменение показателей социального развития
в сфере духовного производства**

РФ, работающая молодежь, % от числа опрошенных

Показатели	Индикаторы	1999	2002	2007
Занятость работой в сфере духовного производства	Доля работающих в сфере духовного производства	13,6	11,9	15,0
	Доля работающих в госсекторе сферы духовного производства	68,4	71,9	36,6
	Доля работающих в негосударственном секторе духовного производства	31,6	29,0	63,4
Уровень квалификации	Самооценка уровня квалификации (К)	4,89	4,7	4,97

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

В итоге занятость молодежи в негосударственном секторе духовного производства выросла в 2 раза (с 31,6% в 1999 г. до 63,4% в 2007 г.). Это свидетельствует, что государство все более отстраняется от участия в развитии культуры и духовной жизни общества.

Вместе с тем в расширении негосударственного сектора духовного производства нельзя не видеть и положительные моменты. Они связаны с привлечением дополнительных средств в развитие культуры и с расширением форм духовной жизни общества. Значительно повысился уровень квалификации молодежи, занятой в духовной сфере. Самооценка уровня квалификации по семибалльной шкале составила в 1999 г. 4,89, а в 2007 г. – 4,97 пунктов. То есть по всем показателям, кроме занятости в госсекторе, отмечается положительная тенденция развития молодежи и рост ее воспроизводственного

потенциала в духовном производстве, хотя прослеживаются колебания их значений в 2002 г., что связано, по всей видимости, с последствиями дефолта.

Однако о положении молодежи в духовном производстве недостаточно судить, лишь на основе показателей ее занятости в данной сфере. Эти показатели характеризуют положение только тех молодых людей, которые учатся или тех, которые работают в отраслях духовного производства. По существу же духовное развитие молодежи в целом определяется ее включенностью в духовную жизнь общества. Поэтому в качестве показателей социального развития молодежи в духовном производстве и в духовной жизни выступают также образовательный статус, духовные ценности, политическое сознание.

Образовательный статус является одной из важнейших характеристик становления социальной субъектности молодежи. Он определяется как объективными показателями уровня образования, так и субъективными, отражающими состояние мотивационной структуры сознания в данной сфере.

Разрушительные тенденции во всех сферах жизни общества, характерные для начала 90-х гг., негативно отразились на образовательном статусе молодежи. Пик девальвации когнитивных ценностей пришелся на 1994 г. (см. табл. 10).

Таблица 10

Изменение ценности знаний

РФ, молодежь, % от числа опрошенных

Суждения	1990	1994	1997	1999	2002
Знания – это главное достояние человека	33,9	32,9	40,7	42,0	41,1
Знания важны лишь в определенных ситуациях	15,8	22,1	19,0	22,8	22,2
Знания – не самоцель, а средство достижения других целей	38,9	44,1	40,3	35,2	36,8

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Из табл. 10 следует, что число сторонников суждения – «Знания – это главное достояние человека» соответствующее терминальной ценности знаний заметно снизилось (32,9%) и одновременно повысилась доля сторонников суждения – «Знания – не самоцель, а средство достижения других целей», характеризующего инструментальную ценность знаний (44,1%). Начиная с 1997 г. наметился некоторый рост терминальной и снижения инструментальной ценности знания. Вместе с тем, учитывая долю молодежи, разделяющей суждение – «Знания важны лишь в определенных ситуациях», также имеющего инструментальный оттенок, можно говорить о доминировании прагматичного отношения молодежи к знаниям.

Аналогичные тенденции прослеживаются и в изменении ценности образования (см. табл. 11).

Таблица 11

Изменение ценности образования

РФ, молодежь, % от числа опрошенных

Представления о смысле образования	1990	1994	1997	2002	2007
Раскрытие способностей	19,4	20,7	21,0	21,0	15,0
Средство	20,1	22,5	23,3	20,3	13,4
Потребность	16,5	13,9	14,9	16,6	12,5
Познание	29,4	23,0	23,8	21,0	29,2

«Обязаловка»	3,8	3,5	3,6	3,9	9,3
Диплом	11,2	10,0	12,7	17,2	21,5
Итого: терминальные ценности	65,3	57,6	59,7	58,6	56,7
Итого: инструментальные ценности	34,7	42,4	40,3	41,4	43,3

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

Терминальная ценность образования определялась набором следующих смысловых значений: раскрытие способностей, потребность, познание. К инструментальной ценности относились смысловые значения – средство реализации других целей, «обязаловка», получение диплома. Из анализа таблицы следует, что терминальная ценность образования доминирует в сознании молодежи. Наилучшее соотношение терминальной и инструментальной ценностей отмечено в 1990 г. Здесь, видимо проявилось влияние советской модели отношения к образованию. Однако уже в 1994 г. и в последующие годы доля терминальной ценности образования в структуре сознания с незначительными колебаниями снижается, а инструментальной возрастает. Во многом это связано с неэффективным реформированием образования. Наивысшего значения процесс инструментализации отношения к образованию молодежи достиг в 2007 г.

Уменьшилось значение показателя потребности в образовании, измеряемого по семибалльной шкале с 4,65 в 2002 г. до 4,52 в 2007 г. Излишне говорить, что отсутствие потребности в образовании или ее недостаток становится препятствием в социальном продвижении и духовном развитии этой части молодежи. Формирование инструментального отношения к образованию прослеживается на протяжении всего периода его реформирования. Особенно заметно это стало проявляться в последние годы. Обсуждение проекта стандарта образования в старших классах сделало очевидным, как в некритичном заимствовании западных моделей образования кроется разрушение его традиционных основ.

Об эффективности проводимых реформ в сфере образования косвенно можно судить по тому, как используются подготовленные специалисты в производстве (см. табл. 12).

Таблица 12

Соответствие полученной специальности выполняемой работе

РФ, молодёжь, % от числа опрошенных

Степень соответствия	1990	1994	1997	2002
Полное соответствие	43,7	34,1	36,1	34,7
Работа по близкой, схожей специальности	18,0	17,4	17,3	14,1
Работа совершенно по другой специальности	26,3	27,2	27,6	33,1
Специальности не имею	7,6	9,4	14,0	16,3

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

В 1990 г. две трети (61,7%) молодых людей работали в соответствии с полученной, или близкой, специальностью. Снижение этой доли (до 51,5%) отмечается в 1994 г., в котором состояние неопределенности во всех сферах производства и общественной жизни достигает кульминации. Однако наибольший процент работающих не в соответствии с приобретенной в различных формах профессионального образования специальностью (33,1%) отмечается в 2002 г. Здесь, наверное, проявились последствия дефолта. Не случаен в этой связи и рост доли работающей молодежи, не имеющей специальности.

Конечно, может быть много объективных и субъективных причин, по которым молодой человек выбирает другую специальность. Но если каждый третий работает не по специальности, а каждый шестой вообще ее не имеет, следует задуматься над системными причинами. Они коренятся в развале системы среднего специального образования в 90-е гг. и в непродуманном реформировании высшей школы.

Это подтверждается и в анализе реализации национального проекта «Образование», провозглашенного в числе других приоритетных проектов в 2006 г. Анализ реализации данного проекта, проведенный в 2008 г., показал, что знакомы подробно с ним лишь 22,1% молодежи, соответственно столько же связывали с ним свои ожидания. Ощутили на себе его влияние 16,2% и выразили удовлетворенность от его реализации 7,1% молодежи. Уже по этим данным можно судить о недостаточной эффективности данного проекта.

По большинству показателей образовательного статуса отмечаются негативные тенденции развития молодежи. Это во многом явилось следствием непродуманных реформ. Молодежь не понимает их смысла, не видит реальных преимуществ от их проведения и оказывается неготовой к постоянной смене правил в системе образования. Последствия деформации образовательного статуса молодежи проявляются сегодня в снижении уровня воспроизводства квалифицированных кадров по рабочим и инженерным специальностям во всех отраслях экономики.

Изменения в духовной сфере сознания. Духовность обычно обозначает ориентацию на высшие ценности и проявляется в тех или иных элементах духовной жизни – нравственных чувствах, в убеждениях, верованиях. Поэтому состояние духовной сферы сознания характеризуется как направленностью ее основных структурных составляющих – потребностей, интересов, ценностей, так и различных элементов духовной связи взаимодействующих групп молодежи.

На эмпирическом уровне показатель духовных потребностей конкретизируется на основе оценок степени нуждаемости молодых людей в таких формах духовной связи и духовных проявлений как семья, любовь, общение с друзьями, признание окружающих, приобщение к прекрасному (см. табл. 13).

Характер распределения духовных потребностей практически не изменился за прошедшие годы. Ведущие позиции стабильно занимают потребность в любви и в общении с друзьями. Вместе с тем, по сравнению с 1990 г. заметно снизились абсолютные значения оценок по всем показателям потребностей, что указывает на негативную динамику их изменений, хотя порядок ранговых распределений почти не изменился. Высокую степень духовной потребности (5,6 или 7 позиции по семибалльной шкале) проявили в общении с друзьями в 1990 г. 84,3% респондентов, а в 2007 г. – 45,4%; соответственно в семье – 62,3% и 38,3%; в приобщении к прекрасному – 62,9% и 34,8%; в признании окружающих – 59,1% и 31,4%. В этой тенденции проявился иной уровень духовности советской молодежи, постепенно утрачиваемый в последующие периоды.

Таблица 13

Изменение духовных потребностей
РФ, молодежь

Потребности	Распределение оценок (К)									
	1990		1994		1997		2002		2007	
	К	Р	К	Р	К	Р	К	Р	К	Р
В семье, в домашнем очаге	5,00	2	3,31	4	3,12	4	2,89	5	3,60	5
В общении с друзьями	5,99	1	3,92	2	3,74	2	3,44	2	4,00	2

В признании окружающих, в славе	4,75	4	2,96	5	2,86	5	2,98	4	3,63	4
В приобщении к прекрасному, красоте, искусству	4,95	3	3,72	3	3,57	3	3,28	3	3,80	3
В любви	-	-	4,09	1	4,06	1	3,98	1	4,64	1

К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале. Р – ранг.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

О тенденциях развития молодежи свидетельствует также изменение структуры и направленности ее интересов. Духовные интересы в наиболее выраженной форме проявляются в общении молодых людей со сверстниками, потребность, в которой занимает лидирующую позицию в духовной жизни молодежи (см. табл. 14).

Таблица 14

Изменение интересов общения со сверстниками

РФ, молодежь

Интересы	Распределение оценок (К-1; К-2)									
	1990		1994		1999		2002		2007	
	К-1	Р	К-1	Р	К-2	Р	К-2	Р	К-2	Р
Взаимные увлечения	1,13	8	1,11	8	5,57	3	5,63	2	5,49	1
Взаимопомощь	1,34	4	1,16	6	5,85	1	5,73	1	5,34	2
Желание поделиться, посоветоваться	1,14	7	1,14	7	5,68	2	5,59	3	5,28	3
Совместное времяпрепровождение, тусовка	1,33	5	1,24	5	5,36	4	5,43	4	5,18	4
Защита друг друга и своих прав	1,67	2	1,55	4	4,78	5	4,93	5	5,02	5
Единство политических взглядов	1,28	6	1,76	1	2,21	8	2,60	8	4,67	6
Сексуальные отношения	1,78	1	1,66	2	3,47	6	3,72	6	4,07	7
Деловые отношения, бизнес	1,46	3	1,59	3	3,15	7	3,51	7	3,72	8

К-1- средневзвешенный коэффициент по двухбалльной шкале. Р – ранг.

К-2 – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Четко просматриваются два типа духовных интересов молодежи, доминирующих до середины 90-х гг. и после. В первой половине 90-х гг. преобладают духовные интересы, основанные на единстве политических взглядов, сексуальных отношениях, бизнесе, защите своих прав. Здесь прослеживается влияние, характерной для этого периода социальной неопределенности, вызванной и обострением политической борьбы, и девальвацией нравственных ценностей, и неоднозначным опытом приобщения к бизнесу, и ощущением собственной незащищенности. После 1999 г. направленность духовных интересов молодежи заметно меняется. Политизация и экстремальность отодвигаются на второстепенные позиции, а доминируют отношения, связанные с взаимной помощью, с взаимными увлечениями, с желанием поделиться наболевшим, посоветоваться друг с другом и просто с совместным времяпрепровождением (тусовкой). Эти интересы прочно удерживают первые четыре позиции в мотивационной структуре, практически неизменные на протяжении всего периода с 1999 г. по 2007 г. Реализуя соответствующие потребности, они объединяют молодых людей, ориентированных на смысл общения. То есть в социальном развитии молодежи в этот период доминирующее влияние оказывали духовные интересы, связанные с терминальными ценностями общения.

Все другие интересы в большей мере характеризуют различные способы общения, тем самым придавая духовному развитию этой части молодежи инструментальный характер. Оно определяется духовными интересами, имеющими правовую направленность (общение как способ защиты собственных прав), или политическую (общение как способ реализации общих политических убеждений), или экономическую (общение как способ коммерческих, деловых отношений), или гедонистическую (когда удовольствия, развлечения, сексуальные отношения становятся способами общения).

Одним из факторов духовного развития молодежи является религиозность. Влияние этого фактора, оцениваемого по степени включенности молодых людей в религиозные отношения, стало возрастать после 2002 г. В этот период отмечена положительная тенденция изменения доли верующих среди молодежи с 34,5% в 2002 г. до 37,9% в 2007 г. При этом, несмотря на некоторое сокращение (с 32,4% в 2002 г. до 29,4% в 2007 г.), остается достаточно высокой доля колеблющихся (скорее верю, чем не верю), представляющих потенциал роста религиозности молодежи. О повышении неформальной включенности в религиозные отношения свидетельствует и возрастание доли молодых людей, для которых молитва, обращение к Богу является источником радости и наслаждения, т.е. высшей духовной ценностью. В 2002 г. такую оценку дали, выбрав 5,6 или 7 позиции по семибальной шкале, 23,9%, а в 2007 г. 26,3% молодежи.

Политическое сознание проявляется в политических ориентациях и взглядах молодых людей, в их отношении к действующим структурам и институтам власти, к политическим партиям и общественным движениям. На эмпирическом уровне оценки этих проявлений политического сознания характеризуют отношение к политике и к структурам власти.

Отношение молодежи к политике, проводимой государством, отражает преимущественно эмоциональный аспект ее политического сознания. Приобретая форму политических настроений, эмоциональные проявления становятся значимой силой, способной захватить и объединить молодых людей в политическое движение. О состоянии настроений молодежи можно судить на основе согласия с утверждениями, отражающими взгляды, наиболее распространенные в молодежной среде. Изменение политических настроений является значимым показателем социального развития молодежи (см. табл. 15).

Таблица 15

Изменение политических настроений

РФ, молодежь, % от числа опрошенных

Утверждения (настроения)	Выразили согласие			
	1994	1997	2002	2007
Власти нет дела до нужд молодежи, ее используют только как инструмент в избирательных кампаниях	80,4	87,0	79,1	69,9
У таких людей, как я, нет никаких возможностей повлиять на действия власти	78,2	86,9	85,1	77,3

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

В перечисленных утверждениях, в эмоциональной форме содержится: во-первых, признание равнодушия со стороны власти к нуждам молодежи; во-вторых, отсутствие надежды на возможность политического влияния на происходящие процессы. Согласие с ними свидетельствует о нигилизме молодежи в отношении к современной политике государства. В 2007 г. заметно уменьшилась доля молодежи, согласной с перечисленными утверждениями, что свидетельствует о понижении градуса нигилизма в политических

настроениях и о положительных тенденциях ее развития по этому показателю. Вместе с тем, доля политического нигилизма еще достаточно высока, чтобы признать удовлетворительным состояние политического сознания как показателя социального развития молодежи.

Бифуркационный характер развития политического сознания молодежи прослеживается в анализе уровня ее доверия политическим и общественным институтам. В период с 1997 г. до 1999 г. происходит рост отрицательных значений оценок доверия ко всем институтам, кроме Церкви и армии с -31% до -37,3%. В 2002 г. тенденция снижения уровня доверия молодежи социальным институтам меняет свою направленность. Судя по резкому росту уровня доверия Президенту РФ (с отрицательного значения -78,1% в 1999 г. до положительного 37,1% в 2002 г.) перелом связан, прежде всего, с политическим курсом Президента страны В.В. Путина.

В период с 2002 г. по 2006 г. отмечается рост доверия молодежи ко всем без исключения государственным и общественным институтам (средние значения с -18,8% до -7,1%). Это свидетельствует, что процесс приобретает динамичный режим, направленный на стабилизацию отношений в обществе. Однако нельзя не видеть, что кроме Президента РФ и Церкви оценки доверия ко всем другим институтам сохраняют отрицательные значения. Это говорит о том, что состояние неопределенности в стране до конца не преодолено.

Анализ политических ориентаций молодежи позволяет судить о направленности ее политического сознания. На основании доминирующих ориентаций – государственных, традиционно-демократических, либерально-демократических, радикально-демократических, национально-патриотических, националистических, парламентаристских с известной долей условности можно выделить соответствующие типы политического сознания молодежи (см. табл. 16).

Таблица 16

Изменение политических ориентаций
РФ, молодёжь

Ориентации	1994		1997		1999		2002		2008	
	К	Р	К	Р	К	Р	К	Р	К	Р
Государственнические	5,53	3	5,78	2	6,1	1/2	6,2	1	6,1	1
Традиционно-демократические	5,92	1	5,97	1	6,1	1/2	6,0	2	6,0	2
Либерально-демократические	5,70	2	5,35	3	5,6	3	5,57	3	5,4	4/5
Коммунистические	4,61	5	4,98	4	5,3	4	5,38	4	5,7	3
Национально-патриотические	4,84	4	4,89	5	5,2	5	4,94	6	5,4	4/5
Националистические	-	-	4,55	6	4,6	6	5,12	5	5,0	6
Радикально-демократические	4,07	6	4,06	7	4,2	7	4,37	7	4,5	7

К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале. Р – ранг.
Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

В политическом сознании молодежи определенно прослеживается доминанта, государственных, традиционно-демократических и либерально-демократических ориентаций. После 1999 г. лидирующие позиции заняли государственнические ориентации, оттеснившие на второе место традиционно-демократические и на третье место либерально-демократические ориентации. Государственнические ориентации остались на первом месте, традиционно-демократические в силу незначительного

снижения удельного веса, отодвинулись на второе. Прочно удерживают свои позиции на третьем месте либерально-демократические и на четвертом – коммунистические идеи. При этом перемещение в 2008 г. коммунистических ориентаций на третью позицию связано, скорее всего, не со стремлением молодежи к возврату в советское прошлое, а к справедливости и порядку, подорванными в ее представлении либеральными демократами. В основном сохраняя свое прежнее ранговое значение национально-патриотические, националистические и радикально-демократические ориентации, начиная с 1994 г., последовательно увеличивали удельный вес. Так, значения национально-патриотических идей возросли с 4,84 в 1994 г. до 5,4 в 2008 г. а радикально-демократические – соответственно с 4,07 до 4,5 пунктов.

Важным показателем развития политического сознания молодежи выступает ее гражданская позиция, которая анализировалась на основе идентификации молодежи со следующими представлениями о гражданственности: с принадлежностью к государству, с национальным достоинством, с долгом, с обязанностью, с патриотизмом, конституционными правами, чувством безопасности и защищенности (см. табл.17).

Таблица 17

Изменение идентификационных оснований гражданской позиции

РФ, молодежь

Гражданство идентифицируется с:	1999		2002		2007	
	К	Р	К	Р	К	Р
Принадлежностью к государству	5,09	1	5,19	1	5,31	1
Национальным достоинством	4,84	3	4,76	3	4,82	2/3
Конституционными правами	4,69	4	4,52	4	4,82	2/3
Долгом, с обязанностью	4,87	2	4,78	2	4,79	4
Патриотизмом	4,37	6	4,37	5	4,58	5
Безопасностью, с чувством защищенности	4,52	5	4,25	6	4,41	6

К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале. Р – ранг.

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Свою гражданскую позицию российская молодежь в первую очередь устойчиво связывает с принадлежностью к государству. То есть представление о гражданственности, как духовной ценности, подменяется в сознании молодых людей ощущением формальной связи с государством. Данная тенденция является следствием рационализации, инструментализации гражданских отношений в российском обществе, характерным для постсоветского периода. Она подтверждается и невысоким, пятым, местом, которое занимает в гражданской самоидентификации патриотизм. Вместе с тем в 2007 г. наметилась позитивная связь гражданских идентичностей молодежи с национальным достоинством, укрепляется их правовая основа. Хотя снижается значение долга и обязанности перед государством.

Проведенный анализ политического сознания молодежи наглядно продемонстрировал не раскол, и тем более не поляризацию политических установок молодежи, а сложный и противоречивый процесс кристаллизации нового типа ее сознания. Происходит не простое замещение одних ориентаций другими, а их рекомпоновка, перераспределение в новые «гибридные» формы, в которых сосуществуют традиционные и современные политические ценности. Одновременно формируются существенно различающиеся, модели гражданской позиции – с характерными признаками социоцентризма и антропоцентризма. В первой,

унаследованной от советского прошлого модели гражданства, с доминантой чувственной, духовной направленности, гражданственность связывается, прежде всего, с патриотизмом, чувством долга и обязательствами перед государством. Этой модели больше соответствует социоцентристская формула «человек для государства». Во второй, условно современной модели гражданства, основанной на примате прав личности, гражданственность ассоциируется с принадлежностью к государству, с ожиданием гарантий конституционных прав и защиты с его стороны. Для этой модели характерна антропоцентристская формула «государство для человека».

По сравнению с 2002 г. отмечено опережающее развитие современной антропоцентристской модели. Среднее значение коэффициентов гражданских идентификаций, антропоцентристской модели возросло с 4,65 в 2002 г. до 4,84 в 2007 г., социоцентристских идентификаций с 4,63 до 4,73 пунктов. В результате в политическом сознании значительной части российской молодежи удивительным образом сочетаются, с одной стороны, низкий уровень доверия государственным органам и одновременное ожидание помощи от государства, а с другой, ориентация на современные западные модели, в которых выживание является уделом каждого. Это указывает на наличие глубинного противоречия в формировании политического сознания молодежи между традиционным и современным, усиливая его экстремальность. Данное противоречие не может не отражаться, на тенденциях ее социального развития, придавая особый характер воспроизводству политической жизни общества.

Изменение роли молодежи в общественном воспроизводстве. Анализ позволяет выявить несколько фундаментальных противоречий, отражающих изменение роли молодежи в воспроизводстве общества за прошедший, постсоветский, период.

1. Противоречие между воспроизводством материального и духовного в социальном развитии молодежи. Уровень развития ее как субъекта материального производства по совокупности показателей существенно превосходит уровень развития ее субъектности в духовном производстве. На это указывает сравнение значений индексов, выражающих оценку уровня (темпов) развития молодежи⁴¹. Отставание уровня духовного развития молодежи свидетельствует о нарушении единства диалектически противоположных сторон в механизме общественного воспроизводства.

2. Противоречие, связанное с перераспределением занятости молодежи между сферами производства (из материального производства, в сферу распределения, из госсектора экономики в негосударственный сектор), что приводит не к модернизации, а к демодернизации воспроизводственного процесса в целом. Источник этого противоречия коренится в оттоке молодежи из сферы материального производства, повлекший ее перераспределение в другие сферы, а также отрицательная тенденция изменения качественных показателей образовательного статуса. Снижение воспроизводственного потенциала молодежи в материальном производстве и в образовании привело к деградации этих сфер общественного производства.

3. Противоречие между преемственностью и новаторством молодого поколения, между традиционными моделями воспроизводства молодежью исторического опыта и

---

⁴¹ Индексы развития (Ир) рассчитывались на основании методики количественного измерения социального развития, разработанной Ю.А. Зубок, по формуле: $I_r = \sum_{i=1}^n ((A_i(t)/A_i(t-1)) - 1)^n$, где $A_i(t)$ обозначает абсолютные значения показателя развития в данный момент времени, а $A_i(t-1)$ – базовые (неизменные) значения, принимаемые за единицу. В период 1997–1999 гг. по совокупности показателей Ир в материальном производстве равнялся значению +0,03, а в духовном производстве значению +0,006. Подробно расчет индексов. См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Певцова Е.А. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. – М., 2009. – С.44-90.

современными, отвечающими целям модернизации. Это проявилось в инструментализации мотивов труда и в тенденции снижения уровня духовных потребностей. Нарушение связи между традиционным и современным ведет к разрушению межпоколенных отношений и угрожает целостности общества.

4. Противоречие между стихийным и управляемым в реализации воспроизводственной функции молодежи. Оно усиливается в отсутствии четко обозначенных целей и критериев общественного воспроизводства в условиях модернизации. Поэтому ограничивается влияние институциональной регуляции, но активизируется саморегуляция и самоорганизация в молодежной среде.

---

7. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Факторы совершенствования подготовки профессиональных кадров в высшей школе и эффективность их использования // Россия: модернизация системы управления обществом. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2011 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2012. – С. 187-209.

ФАКТОРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Подготовка высококвалифицированных кадров непосредственно связана с повышением качественных характеристик образования молодежи. В этой связи проблема состоит во все более обостряющемся противоречии между общественной потребностью в подготовке профессиональных кадров, отвечающих современным требованиям, и сформировавшимся в последние десятилетия отношением молодежи к образованию. Возможность преодоления этого противоречия в целях совершенствования системы подготовки кадров в стране рассматривается через изменение отношения молодежи к образованию под влиянием социальных факторов.

В теоретическом плане образование концептуализируется в парадигме феноменологической социологии знания и исследуется как объект социальной реальности, отношение к которому (значение, смысл) для молодого человека определяет его поведение в этой сфере, т.е. его становление как специалиста. Для определения влияния различных факторов на становление профессиональных качеств специалистов изучается социокультурный механизм формирования отношения к образованию. Составляющими этого механизма являются базовые и социально-ситуационные аспекты отношения к образованию; исторические архетипы, габитусы как устойчивые предрасположенности (диспозиции) в отношении к образованию; отражение образования в стереотипном сознании и в ментальных структурах.

Эффективность использования кадров, подготовленных в высшей школе, оценивается на эмпирическом уровне посредством показателей соответствия приобретенной специальности фактически выполняемой работе, ценности знаний и ценности труда, гармонизации этих ценностей в профессиональной деятельности.

Базовые характеристики отношения молодежи к образованию. В базовых характеристиках отражается осознание молодыми людьми

сущности и социальных функций образования в конкретных условиях развития общества, а также изменений в системе образования. Отношение к нему выражается в ценностных ориентациях молодых людей и в направленности их социального поведения, что объективируется в достигнутом уровне образования. Поэтому социальными показателями базовых характеристик отношения к образованию являются: уровень образования и его динамика, изменение ценностей образования (когнитивных и ценностей самого образования).

Уровень образования молодежи (законченное образование на момент исследования) изменялся в 2002–2011 гг. следующим образом (табл. 1)⁴².

Таблица 1

Изменение уровня образования молодёжи
2002-2011 гг., в %

Уровень образования	2002		2006		2011	
	18–24 года	25–29 лет	18–24 года	25–29 лет	18–24 года	25–29 лет
Неполное среднее образование (до 9 кл.)	8,6	5,6	8,8	8,5	4,4	0,7
Полное среднее образование	41,1	19,7	37,3	15,5	34,4	13,6
Среднее специальное образование	32,1	46,1	35,6	39,8	36,1	48,6
Высшее и незаконченное высшее образование	18,2	28,3	18,3	35,6	24,6	36,4
Другие виды образования	0	0,3	0	0,6	0,5	0,7

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

В 2011 г., по сравнению с 2002 г., существенно снизилась доля молодежи, имеющей незаконченное среднее образование. Одновременно возросла численность молодых людей, получивших среднее специальное, незаконченное высшее и высшее образование. Особенно следует отметить позитивный рост среднего специального образования среди молодежи, учитывая его резкое снижение в 90-е гг. (в 1997 г. доля молодежи со средним специальным образованием составляла 29%). Тем самым обеспечивается и качественный рост контингента абитуриентов в высшие учебные заведения. Заметна тенденция «омолаживания» уровня высшего образования. В два раза чаще стали приобретать высшее образование молодые люди в возрасте до 24 лет. Это, видимо, связано с мерами по отсрочке студентов от службы в армии, и имеет большое значение в становлении профессиональных качеств молодых специалистов. Причем от этого выиграла и армия, получив возможность расширить в своих рядах контингент молодых людей с высшим образованием.

Позитивная направленность выявленной тенденции особенно заметна на фоне образовательной структуры в других возрастных группах (табл. 2).

⁴² Здесь и далее используются результаты исследования, проведенного отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г. на основе половозрастных квот, репрезентирующих российское население с учетом региональных особенностей в 66 населенных пунктах в 13 субъектах Российской Федерации, N=1301. Опрос проводился методом личного интервью. Для сравнительного анализа использовались данные исследований, проведенных по репрезентативной для молодежи, в возрасте 15-29 лет выборке в 12 регионах РФ в 1997 г. N=2500; в 2002 г. N=2012.; в 2006 г. N=2500; в 2008 г. N=30. Руководители исследований - проф. В.И. Чупров и проф. Ю.А. Зубок.

Уровень образования по возрастным группам

2011 г.

Возраст	Уровень образования, %				
	Неполное среднее	Полное среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее	Ученая степень
18–24 года	4,4	34,4	36,1	24,6	
25–29 лет	0,7	13,6	48,6	36,4	0,7
30–39 лет	3,4	14,0	47,9	33,9	0,8
40–49 лет	3,0	12,3	53,0	31,0	0,8
50–59 лет	5,6	19,7	53,6	20,2	0,9
60 лет и старше	23,1	18,7	44,3	13,6	0,4

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Уровень образования, достигнутый нынешним молодым поколением к 29 годам, позволяет рассматривать его, как значительный потенциал роста квалифицированных кадров в стране. По удельному весу высшего образования нынешнее поколение молодежи выгодно отличается от предыдущих. При этом каждый четвертый молодой человек в возрасте 25–29 лет (23,5%) продолжает учебу в среднеспециальных учебных заведениях, а 58,8% – в вузах.

Доля студенческой молодежи среди жителей областных центров заметно снизилась, но при этом она возросла в 4 раза среди молодежи, проживающей в малых городах и в сельской местности. В этой тенденции, во-первых, проявилась устойчивая установка этой части молодежи на высшее образование как способ преодоления рутины сельской жизни; во-вторых, влияние внедрения ЕГЭ, существенно расширившее возможности поступления в вузы молодых людей из, так называемой, глубинки.

Однако уровень образования лишь косвенно свидетельствует о его качестве. Поэтому многое в процессе подготовки высококвалифицированных кадров зависит от ценностной составляющей базовых характеристик отношения молодых людей к образованию. Качество образования в значительной мере определяется мотивами его приобретения, тем, какое место в них занимают ценности образования и приобретаемого знания (табл. 3).

Таблица 3

Ценностные представления молодежи об образовании

Возраст	Развитие способностей	Диплом	Потребность в познании	Престиж	Карьера	Общая культура
18–24 года	22,4	14,8	13,1	4,4	39,9	5,5
25–29 лет	20,0	20,2	12,1	7,9	35,0	4,3

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Распределение ответов позволяет сделать вывод о соотношении терминальных и инструментальных ценностей образования. Образование как ценность (терминальная) определялось набором смысловых значений: развитие способностей, потребность в познании, общая культура. В 2011 г. в возрастной группе 18–24-летних молодых людей терминальная ценность образования составила 41%, а в группе 25–29-летних – 36%. Для сравнения, в 2002 г. среди 25–29-летних ее значение было выше – 59%. То есть отмечается тенденция существенного снижения доли терминальных ценностей в

отношении к образованию. Инструментальные ценности, характеризующие отношение к образованию как к средству достижения других целей, составили в 2011 г. в группе 18–24 г. – 59%, а в группе 25–29-летних – 64%. Отсюда следует, во-первых, то, что с возрастом заметно повышается уровень инструментальных ценностей образования, а, во-вторых, на фоне постоянной инструментализации образования, отмечаемой в постсоветский период⁴³, в 2011 г. произошел резкий скачок данной тенденции. Подобный «всплеск» доли инструментальных ценностей образования свидетельствует о наличии весьма влиятельного негативного фактора, связанного, по всей видимости, с очередным этапом модернизации системы образования.

Обращает на себя внимание весьма низкий процент связывающих смысл образования с познанием. В этой связи рассмотрим, в какой степени знание является ценностью для молодых людей, т.е. когнитивной ценностью, также относящейся к базовым характеристикам отношения к образованию.

Вопрос, направленный на исследование ценности знания, состоял из нескольких суждений (табл. 4).

Таблица 4

Ценностное отношение молодёжи к знаниям

2011 г.

Возраст	Знание – это главное достояние человека	В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни	Знания – не самоцель, а средство решения поставленных задач
18–24 года	58,5	51,4	56,3	43,7
25–29 лет	41,5	48,6	52,1	47,9

Источник: Отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН.

Процесс инструментализации распространился и на когнитивные ценности, хотя и не в столь контрастной форме. Каждый второй в старшей возрастной группе (48%) считает, что знания – лишь средство решения поставленных задач, а 49% молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания. Причем в 2002 г. инструментальную ценность знания разделяли 45% респондентов в данной возрастной группе. Примечательно, что снижение доли терминальной ценности знания и рост ее инструментального значения отмечается в старшей возрастной группе, в которой значительный удельный вес составляют студенты и молодые специалисты. Тот факт, что терминальную ценность знания разделяют чуть больше половины молодых людей, становящихся профессионалами, свидетельствует о невостребованности знаний в современном российском обществе.

Несмотря на рост образовательного уровня молодежи, невысокие значения терминальных ценностей образования и знания в ее мотивационной структуре не позволяют сделать вывод об удовлетворительном состоянии базовых характеристик отношения молодежи к образованию. Это сказывается на качестве подготовки высококвалифицированных специалистов. Поэтому потенциал, заложенный в сравнительно высоком уровне образования молодежи, может быть реализован при условии формирования мотивации, адекватной современным вызовам.

⁴³ См. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Образование молодежи: реформы и конфликты // Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1996 г. – М., 1997. – С.120-125.

Социально-ситуационные факторы трансформации базовых характеристик отношения к образованию. В различных социальных и социально-экономических условиях жизнедеятельности молодежи возникают ситуации, в которых ее отношение к образованию претерпевает существенные изменения. Это происходит под влиянием многих факторов, среди которых выделяются: принадлежность молодых людей к различным социальным группам, материальное положение молодежи, а также изменения в системе образования, связанные с ее модернизацией. В совокупности они определяют социально-ситуационный аспект отношения молодежи к образованию.

Одним из таких факторов является образование родителей. Действительно, в семьях более или менее образованных родителей складываются разные жизненные ситуации, влияющие на получение образования детьми. Возникает вопрос, является ли данная тенденция результатом формирования соответствующих ориентаций на высшее образование среди молодежи? Сравним ценности образования и знаний молодежи в зависимости от уровня образования родителей в 2002 и 2011 гг. (табл. 5).

Если в 2002 г. влияние уровня образования родителей на изменение ценности образования и ценности знания в сознании молодых людей заметно, то в 2011 г. влияние этого фактора не прослеживается. Терминальная ценность образования в 2002 г. составляла 52,5% среди молодых людей, отец которых имел неполное среднее образование и 63,4% – среди молодых людей, чьи отцы имели высшее образование. Терминальная ценность знания изменялась соответственно с 31,5% до 40,6%. В 2011 г. в семьях с низким и высоким образовательным уровнем родителей значения терминальных и инструментальных ценностей практически не различаются. Скорее всего, это явилось следствием новых повседневных реалий, связанных с введением ЕГЭ, принципиально изменивших отношение к образованию и знаниям не только среди молодых людей, но и со стороны их родителей. В этой ситуации и молодые люди, и их родители вынуждены приспособливаться к новым правилам, в которых основной упор делается не на овладении комплексом знаний, всесторонне развивающих учащихся, а на узкой предметной специализации, направленной на поступление в вуз.

---

8. *Зубок Ю.А.* Социальные и социально-экономические факторы совершенствования подготовки квалифицированных кадров через систему высшего образования. Эффективность их использования. Качество подготовки соответствию специальности. Второй этап // Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г. – Том 1. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2014. – С. 163-174.

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Эффективность их использования. Качество подготовки
соответствию специальности. Второй этап**

Признанным критерием эффективности подготовки высококвалифицированных кадров является соответствие фактически выполняемой работы приобретенной специальности в вузе. Его обоснование, эмпирическая верификация и содержательная интерпретация явились результатом первого этапа исследования, итоги которого опубликованы в годовом сборнике института⁴⁴. Было показано, что молодые специалисты, работа которых полностью соответствует полученной специальности, отличаются более высоким уровнем профессиональной подготовки по сравнению с работающими по другой специальности. На это указывает более высокий уровень связи терминальной ценности образования, знаний, отношения к труду с работой по специальности.

Вместе с тем в результате анализа было выявлено, что за последнее десятилетие доля выпускников вузов, работающих по специальности, уменьшилась. Одновременно значительно выросла доля работающих по близкой, схожей специальности. А каждый третий работает по совершенно другой специальности. В этих тенденциях отразились как невысокая эффективность подготовки кадров в высшей школе, так и влияние конъюнктуры рынка труда. Причем следует учитывать, что влияние рынка на молодых специалистов и на тех, кто уже приобрел достаточно высокий профессиональный статус, принципиально различается. Для молодого специалиста работа по специальности является необходимым условием завершения, начатой в вузе профессиональной социализации. В противном случае он утрачивает знания и навыки, полученные в процессе обучения. Лишь, приобретя необходимый опыт и устойчивый профессиональный статус, он может чувствовать себя достаточно уверенно для более выгодного предложения своей рабочей силы на рынке труда. Поэтому изменение профессии и места работы как формы социального продвижения в условиях рынка, получившей распространение во всем мире и в современной России, предполагает наличие высокой квалификации и опыта, и никак не относится к молодым специалистам, вынужденным работать по совершенно другой специальности.

Продолжая анализ⁴⁵, рассмотрим, в какой степени влияют на работу молодых специалистов различные факторы, связанные как системой подготовки кадров, так и с коллизиями, происходящими на рынке труда. Выделим три группы респондентов: первая группа – работа, которых в полной мере соответствует полученной специальности; вторая группа – работающих по близкой, схожей специальности; третья группа – работающих по совершенно другой специальности. Проанализируем, как оценивают представители этих групп возможности самореализации в сфере труда – в поиске работы, в повышении квалификации и заработной платы, в продвижении по службе (в карьере), в защите своих прав, в предпринимательской деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Связь соответствия работы полученной специальности с возможностями самореализации в сфере труда

Соответствие работы полученной специальности	Оценка возможностей, К					
	В поиске работы	В повышении квалификации	В повышении зарплаты	В служебном продвижении	В правовой защите	В бизнесе

⁴⁴ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Факторы совершенствования подготовки профессиональных кадров в высшей школе и эффективности их использования // Россия: модернизация системы управления обществом. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2011 г. – М., 2012. – С.187-209.

⁴⁵ Анализ проводится на основе результатов исследования «Отношение к социальной реальности», проведенного в 2011 г. в 13 регионах РФ, в 67 населенных пунктах среди населения в возрасте старше 18 лет, N = 1301 человек (рук. – д.социол.н., проф. В.И. Чупров и д.социол.н., проф. Ю.А. Зубок). Опрос проводился методом личного интервью «ИОМ» «Квалитас».

Работа в полном соответствии с полученной специальностью	4,87	5,01	4,33	4,54	4,83	2,95
Работа по близкой, схожей специальности	4,30	4,80	4,07	4,22	4,57	2,89
Работа по совершенно другой специальности	4,08	4,64	4,17	4,32	4,58	3,63

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале оценок.

Анализ табл. 1 указывает на невысокие значения оценок респондентами своих возможностей в сфере труда. Во всех группах они не превышают 5 баллов по 7-балльной шкале. Это свидетельствует о неудовлетворенности значительной части молодых специалистов условиями, предоставляемыми современным рынком труда, что негативно отражается на их профессиональном становлении. Наименьшие возможности молодые специалисты видят в служебном продвижении (в карьере), в перспективе повышения заработной платы, в занятиях бизнесом. Вместе с тем четко прослеживается прямая зависимость оценок всех возможностей от работы по специальности. Так, оценка возможности найти работу находится в 1-й группе на 2-м месте (К = 4,87), перемещаясь во второй и третьей группах на 3-ю и 5-ю позиции (К = соответственно, 4,30 и 4,08). В процентном выражении высоко оценивают (5-я, 6-я и 7-я позиции) возможности в поиске работы, соответственно, 60,3%, 45,6% и 45,3% молодых специалистов в этих группах. По другим показателям (повышение квалификации, заработной платы, служебного продвижения, правовой защищенности) оценки возможностей в группе молодых специалистов, работающих в полном соответствии с полученной специальностью заметно выше, по сравнению с оценками работающих по близкой и другой специальности. Исключение составляет лишь более высокая оценка возможности в бизнесе среди молодых специалистов, работающих по совершенно другой специальности. Видимо, не найдя работу по специальности, они занялись предпринимательской деятельностью. Тем самым подтверждается сделанный ранее вывод, что *работа по специальности зависит не только от конъюнктуры рынка труда, но и от профессиональных качеств молодого специалиста, приобретенных в вузе.*

Рассмотрим, насколько влияют на работу по специальности различные характеристики самого труда, его разделения по характеру трудовой деятельности и по формам собственности предприятий (табл. 2).

Таблица 2

Связь соответствия работы полученной специальности с характером труда и формами собственности, %

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи с характером труда и формами собственности			
	Характер труда		Формы собственности	
	Умственный	Физический	Государственная	Негосударственная
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	63,5	36,5	40,3	43,5
Работа по близкой, схожей специальности	67,4	32,6	40,0	51,1
Работа по совершенно другой специальности	40,7	59,3	21,8	70,9

Данные табл. 2 подтверждают наличие такой связи. Работа молодых специалистов, занятых преимущественно умственным трудом, а также на предприятиях в сфере государственной собственности, значительно чаще соответствует специальности,

приобретенной в вузах. Две трети (63,5%) из них заняты умственным трудом, хотя многие вынуждены осваивать профессии, относящиеся к физическому труду (36,5%). Нередко это связано с более высокой оплатой. В условиях ограниченных возможностей трудоустройства по специальности, а также в поисках более высоких заработков, большинство выпускников вузов (70,9%) обращаются в негосударственный сектор, довольствуясь при этом любой работой, в том числе и физической (59,3%). Совершенно очевидно, что, работая не по специальности, выпускник утрачивает многие из приобретенных знаний, вынужден зачастую переучиваться, что может надолго задержать его становление как профессионала. Учитывая масштаб, который приобрела подобная ситуация, *необходимо принять неотложные меры по приведению в соответствие направленности профессиональной подготовки в системе высшего образования структуре и реальным потребностям рынка труда.*

Еще более конкретизируются условия, влияющие на работу по специальности в отраслевом разрезе (табл. 3).

Таблица 3

Соответствие работы, полученной специальности в различных сферах (отраслях) производства, %

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи со сферами (отраслями) производства				
	Материальное производство	Духовное Производство	Социальное обслуживание	Распределение и обмен	Управление
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	36,5	20,6	23,8	11,1	8,0
Работа по близкой, схожей специальности	37,0	19,6	19,6	21,7	2,1
Работа по совершенно другой специальности	50,8	1,7	15,3	28,8	3,4

Из анализа табл. 3 следует, что среди работающих в полном соответствии со специальностью наибольшая доля (36,5%) приходится на материальное производство (промышленность, сельское и лесное хозяйство, строительство, транспорт, включая ремонт и обслуживание). Каждый 4-й (23,8%) занят в сфере обслуживания (здравоохранение, физическая культура, экология, нотариат, юриспруденция, правоохранительная деятельность, ЖКХ, соцобеспечение, страхование). Каждый 5-й – в духовном производстве (культура, искусство, наука, образование, литература, связь, информация, включая СМИ). Каждый 10-й (11,1%) – в сфере распределения и обмена (финансово-банковская, посредническая деятельность, оказание услуг, торговля, материально-техническое снабжение). Наименьшая доля (8%) отмечается в сфере управления (госаппарат, хозяйственное управление, аппарат политических и общественных организаций). Аналогично распределяются по сферам производства выпускники, работающие по близкой специальности, за исключением сферы распределения и обмена. Но картина заметно меняется в группе работающих по другой, смежной специальности. Здесь занятость концентрируется в основном в материальном производстве (50,8%) и в сфере распределения (28,8%).

Видимо, *нужна координация усилий для регулирования этих процессов на межотраслевом уровне, для чего необходимо предусмотреть поправки в действующее законодательство, а также систему мер по стимулированию использования молодых специалистов.*

В условиях неодинаковой оплаты труда в государственном и негосударственном секторах экономики, а также в различных сферах (отраслях) производства, значимым фактором выбора работы становится материальное положение. Рассмотрим, в какой степени оно влияет на предпочтение молодыми специалистами работы по специальности. Материальное положение оценивалось по ответам на вопрос: «К какой из групп по уровню жизни Вы себя относите?», исходя из следующих альтернатив.

1. «Я едва свожу концы с концами. Заработанных денег мне с трудом хватает на питание», «Мне хватает денег на питание и недорогую одежду. Покупка всех остальных вещей за пределами моих возможностей» – малообеспеченные.

2. «Моих доходов хватает только на то, чтобы прилично одеваться. Дорогие вещи мне не по карману» – обеспеченные ниже среднего уровня.

3. «Мне хватает денег и на хорошую одежду, и на некоторые недорогие вещи длительного пользования» – среднеобеспеченные.

4. «Я могу себе позволить некоторые достаточно дорогие вещи для обустройства быта. Однако покупку автомобиля или отдых за рубежом мне не осилить» – обеспеченные выше среднего уровня.

5. «Я могу позволить себе скромный отдых за рубежом и недорогой автомобиль, но покупка собственной квартиры для меня проблема», «У меня нет никаких материальных проблем. «Я могу позволить себе практически все, включая покупку квартиры, дорогой машины и многое другое» – высокообеспеченные.

Проанализируем связь работы по специальности с материальным положением (табл. 4). Анализ табл. 4 отражает в целом невысокий уровень материального положения молодых специалистов даже по российским стандартам. Каждый 2-й молодой специалист, работа которого полностью соответствует полученной в вузе специальности, относится к категории малообеспеченных (20,5%), либо обеспеченных ниже среднего уровня (30,2%).

Таблица 4

Связь соответствия работы полученной специальности с уровнем материального положения, %

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи с материальным положением				
	Малообеспеченные	Обеспеченные ниже среднего уровня	Среднеобеспеченные	Обеспеченные выше среднего уровня	Высокообеспеченные
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	20,5	30,2	27,0	17,5	4,8
Работа по близкой, схожей специальности	26,0	37,0	17,4	17,5	2,1
Работа по совершенно другой специальности	30,5	37,3	23,7	5,1	3,4

Учитывая, что, по данным «РОМИР», доля желающих эмигрировать среди молодежи в возрасте 18–24 лет достигла 48%, *не трудно прогнозировать дальнейший рост «утечки мозгов».*

Низким уровнем материального положения во многом объясняется и выбор (чаще всего вынужденный) молодыми специалистами работы по близкой, либо совершенно по другой специальности. Доля остро нуждающихся среди них заметно повышается, достигая 67,8% среди работающих по другой специальности. Это подтверждается и ответами на вопрос: «Насколько Вас удовлетворяет нынешнее материальное положение?». Степень удовлетворенности, оцениваемая по 7-балльной шкале, среди работающих по совершенно другой специальности значительно ниже (средневзвешенный коэффициент равен 3,36), чем среди работающих по полученной в вузе специальности (K = 3,81). Нельзя также не учитывать, что в этот период перед молодым человеком, как правило, остро встают другие проблемы, связанные с созданием собственной семьи. В такой ситуации молодой специалист часто бывает вынужден жертвовать профессиональным ростом, отдавая

предпочтение более высокой зарплате. В конечном итоге он пробьет себе дорогу в жизни, но возникающие при этом *моральные и профессиональные издержки, не сопоставимы с «копеечной» экономией на молодых специалистах.*

Рассмотрим, как влияет на выбор молодого специалиста родительская семья (табл. 5).

В табл. 5 прослеживается связь работы по специальности с уровнем образования родителей. Большинство молодых специалистов – выходцы из семей, где родители имеют среднее специальное и высшее образование. При этом среди выпускников вузов, работающих по приобретенной специальности, их доля значительно больше, чем в группе, работающих по другой специальности.

Таблица 5

Связь соответствия работы полученной специальности с образованием родителей, %

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи с уровнем образования родителей					
	Отца			Матери		
	Общее среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее	Общее среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	19,0	50,8	30,2	20,7	39,7	39,6
Работа по близкой, схожей специальности	32,6	52,2	15,2	21,8	56,5	21,7
Работа по совершенно другой специальности	39,7	41,4	19,0	43,1	37,9	19,0

Так, в 1-й группе имели отца со среднеспециальным и высшим образованием 81% респондентов, а мать – 79,3%, в то время, как в третьей группе это соотношение составило, соответственно, 60,4% и 56,9%. То есть влияние отца несколько выше, чем матери. Но это, скорее, не прямое влияние. Просто в семьях высокообразованных родителей складывается атмосфера, способствующая формированию у детей соответствующих личностных качеств. Поэтому, *поддерживая молодых специалистов сегодня, государство обеспечивает расширенное воспроизводство профессионально-квалификационного потенциала завтра.*

Таблица 6

Связь соответствия работы полученной специальности с личностными качествами молодых специалистов

Соответствие работы полученной специальности	Оценки связи с личностными качествами, %										
	Нравственная		Коммуникативная			Эмоционально-чувственная					
	Совестливость	Искренность, доверчивость	Чувство братства	Дорожить мнением окружающих	Быть как все	Чувствительность, душевность	Страстность	Максимум	Импulsивность, противоречивость	Консерватизм	«Русский авось»
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	55,6	47,6	44,4	44,3	20,9	49,2	23,8	25,4	28,6	12,7	4,8
Работа по близкой, схожей специальности	47,8	56,5	43,5	34,8	13,0	39,1	17,4	13,0	30,4	6,5	10,9
Работа по совершенно другой специальности	45,8	42,4	45,8	32,2	28,8	37,3	11,9	15,3	16,9	8,5	5,1

Рассмотрим влияние личностных качеств на работу молодых специалистов по приобретенной специальности. Используем для этого ответы на вопрос: «Какие из нижеперечисленных качеств в той или иной степени присущи лично Вам?», сгруппировав их по трем группам: нравственные, коммуникативные, эмоционально-чувственные качества. Как следует из анализа табл. 6, молодые специалисты достаточно критично оценивают свои личностные качества. Нравственные качества, занимающие 1-ю позицию в самооценках, отмечаются лишь каждым 2-м из них. При этом самооценки молодыми специалистами, работающими в полном соответствии с полученной специальностью, таких качеств, как совестливость (55,6%) и искренность, доверчивость (47,6%), заметно превышают самооценки этих качеств среди работающих по другой специальности (соответственно, 45,8% и 42,4%). То есть *формирование нравственных качеств является не только необходимым условием подготовки профессиональных кадров, но и значимым фактором адаптации к труду молодых специалистов в современных условиях.*

Несколько ниже по своим значениям самооценки коммуникативных качеств. Здесь среди работающих по специальности выделяются чувство братства (гостеприимство, взаимопомощь, щедрость) – 44,4% респондентов и стремление дорожить мнением окружающих («Что скажут люди?») – 44,3%. Причем чувство братства в одинаковой мере присуще всем молодым специалистам, а самооценка стремления дорожить мнением окружающих заметно выше среди работающих по специальности. Это входит в противоречие с невысокой самооценкой качества – «Быть как все» (20,9%), которое можно объяснить различной направленностью самоидентификации молодых специалистов, работающих и неработающих по специальности. Уважая мнение окружающих (что скажут люди?), работающие по специальности не стремятся быть как все, тем самым демонстрируя свою идентификацию с меньшинством. Наоборот, работающие по совершенно другой специальности меньше ориентированы на мнение окружающих, находя самооправдание в самоидентификации с большинством – работаю как все. Тем самым молодые специалисты выразили свое понимание, что *работа по специальности в современном российском обществе является, скорее, отклонением, чем нормой.*

Общественная опасность подобного самоощущения состоит в том, что в сознании молодых специалистов возникает неадекватное представление об общественной ценности труда по специальности. Нормой, как бы становится работа не по специальности, поскольку ей занята большая часть выпускников вузов. Возникающее противоречие нарушает связь между общественными и индивидуальными ценностями, что приводит к деформации саморегуляционных процессов, происходящих в среде молодых специалистов.

Среди работающих по приобретенной и совершенно другой специальности, значительно различаются и самооценки эмоционально-чувственных качеств. Чувственности, душевности (49,2% против 37,3%); страстности (23,8% против 11,9%); максимализма (25,4% против 15,3%); импульсивности, противоречивости (28,6% против 16,9%); консерватизма (12,7% против 8,5%). Исключение составляет лишь такое качество, как «русский авось», в несколько большей степени присущий молодым специалистам, работающим по близкой, либо по совершенно другой специальности. Очевидно, расчет на авось становится для них способом рационализации социальной реальности в условиях неопределенности.

Доминанта эмоционально-чувственных качеств среди работающих по приобретенной специальности свидетельствует о влиянии на формирование отношения к профессиональному труду традиционных черт, присущих российской ментальности. Данный вывод подтверждается и оценкой молодыми специалистами типичных черт, присущих их поколению (табл. 7).

Оценка молодыми специалистами типичных черт своего поколения, %

Соответствие работы полученной специальности	Черты, присущие в полной мере своему поколению		
	Широта души	Вольность (независимость, свободолюбие)	Духовная свобода
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	27,0	47,6	39,7
Работа по близкой, схожей специальности	10,9	37,0	23,9
Работа по совершенно другой специальности	22,0	28,8	22,0

Идентифицируя себя с поколением, респонденты оценивают, насколько им самим присущи эти черты. Из табл. 7 следует, что они больше присущи работающим в полном соответствии с полученной специальностью. В этой группе считают, что в полной мере присущи их сверстникам такие черты национального характера, как широта души – 27%, вольность (независимость, свободолюбие) – 47,6%, духовная свобода – 39,7%. Как видно, эти значения превышают соответствующие оценки работающих по близкой и совершенно другой специальности. На контрольный вопрос: «Какая свобода более значима для Вас лично – внешняя (например, демократические свободы) или внутренняя (духовная свобода)?» ответы распределились следующим образом. Среди работающих по полученной специальности внутреннюю свободу предпочли 65,1% респондентов, а внешнюю – 12,7%, в то время, как в группе работающих по совершенно другой специальности – соответственно, 47,5% и 22%. Отсюда следует, что *черты национального характера, отраженные в коллективном бессознательном россиян, присущи значительной части молодого поколения и оказывают влияние на процесс профессионального становления молодых специалистов.*

Однако молодые специалисты, работа которых в полной мере соответствует полученной специальности, в большей степени обладают не только качествами, традиционными для российской ментальности, но и присущими современной этике труда. Это проявилось в том, какие качества они ценят в других людях, вступая в отношения с ними (табл. 8).

Известно, что предъявляя требования к другим, люди руководствуются собственными личностными качествами. Как следует из табл. 8, молодые специалисты ценят в других, прежде всего, моральные качества, представляющие традиционную ценность. Но на отношения с другими, влияют также их деловые, профессиональные, лидерские качества, успешность, т.е. качества личности, присущие современным обществам. Как видно они разделяются каждым вторым молодым специалистом.

Оценки качеств других людей, вызывающие позитивное отношение к ним

Соответствие работы полученной специальности	Оценки качеств, %			
	Моральных	Деловых, профессиональных	Лидерских	Успешности
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	85,7	52,4	49,2	47,6
Работа по близкой, схожей специальности	82,6	56,5	52,2	43,5
Работа по совершенно другой специальности	79,7	50,8	42,4	45,8

При этом работающие в полном соответствии с полученной специальностью более высоко оценивают как моральные, так и современные качества, чем работающие по совершенно

другой специальности. Моральные качества, соответственно, 85,7% против 79,7%; деловые, профессиональные качества – 52,4% против 50,8%; лидерские качества – 49,2% против 42,4%; успешности – 47,6% против 45,8%. Следовательно, *современные характеристики трудовых отношений отражаются на жизненной позиции молодых специалистов, усиливая их мотивацию выбора работы по специальности.*

В пользу этого вывода свидетельствуют и оценки жизненной позиции молодых специалистов, полученные на основе 7-балльной шкалы (между активной позицией, оцениваемой в 7 баллов, и пассивной – 1 балл). Степень активности жизненной позиции молодых специалистов, работающих в полном соответствии с полученной специальностью (средневзвешенный коэффициент = 5,95), значительно выше по сравнению с работающими по совершенно другой специальности (К = 5,49). Это означает, что работа по специальности не гарантируется выпускнику вуза, как это было в советское время. В условиях рынка ее поиск требует от него соответствующей мотивации и проявления активности. То есть *работающие по приобретенной в вузе специальности более мотивированы, чем те, кто выбрал по разным причинам другую специальность. Поэтому формирование профессиональной мотивации является важнейшей задачей вузов.*

Насколько отвечает этой задаче проводимая в стране реформа образования, можно судить по отношению к ней молодых специалистов. Среди работающих по полученной специальности удовлетворены в разной степени модернизацией образования 33,3% респондентов и не удовлетворены – 66,7%, а среди работающих по другой специальности, соответственно, – 35,6% и 64,4%. Ощутили на себе в разной степени результаты приоритетного национального проекта «Образование» 17,5% работающих по полученной специальности и не ощутили – 63,5%, а также 20,4% и 57,6%, соответственно, среди работающих по другой специальности. Положительно оценивают внедрение единого государственного экзамена (ЕГЭ) 25,4% и 33,9% респондентов, а отрицательно – 52,4% и 42,4%, соответственно, среди работающих и не работающих по полученной в вузе специальности. Эти данные свидетельствуют *о низкой эффективности реформирования образования в стране, направленность которого противоречит традиции российского просвещения и не отвечает современным вызовам.*

Жизненные ситуации, возникающие в среде молодых специалистов, не могут не отражаться на их настроении, которое проявляется в различных формах эмоционально-чувственных переживаний: от надежды и уверенности, до безразличия, тревоги, страха, возмущения. Проанализируем на основе 7-балльной шкалы оценки различных проявлений социальных настроений молодых специалистов (табл. 9).

Таблица 9

Изменение социальных настроений молодых специалистов, 2002-2011 гг.

Соответствие работы полученной специальности	Оценки различных проявлений социальных настроений, К											
	Надежда		Уверенность		Безразличие		Тревога		Страх		Возмущение	
	2002	2011	2002	2011	2002	2011	2002	2011	2002	2011	2002	2011
Работа в полном соответствии с полученной специальностью	5,10	5,24	4,21	4,81	2,37	2,84	3,05	3,41	2,38	2,52	2,66	3,05
Работа по близкой, схожей специальности	4,87	4,89	3,96	4,52	2,56	2,67	3,24	3,54	2,29	2,87	2,61	3,76
Работа по совершенно другой специальности	5,12	5,05	4,13	4,37	2,59	3,10	3,06	3,88	2,34	2,56	2,66	3,63

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале оценок.

Из анализа табл. 9 следует, что молодые специалисты в 2011 г., как и 9 лет назад, преимущественно с надеждой и уверенностью относились к реализации своих ожиданий в профессиональном самоопределении, о чем свидетельствуют оценки, заметно превышающие значения оценок безразличия, тревоги, страха, возмущения. Причем чувство уверенности больше присуще молодым специалистам, работа которых полностью соответствует приобретенной в вузе специальности (К = 4,81 против 4,37 в группе работающих по другой специальности). Аналогичная тенденция отмечалась и в 2002 г. Следовательно, *работа по специальности повышает самооценку уверенности среди молодых специалистов, которое позитивно отражается на всем процессе их профессионального становления.*

Однако за прошедший период становятся заметными существенные изменения в их настроениях. Работающие по полученной специальности стали с большей надеждой (К = 5,24 против 5,1 в 2002 г.) и уверенностью (К = 4,81 против 4,21) смотреть на перспективы изменения своего положения в сфере труда. А работающие по совершенно другой специальности, наоборот, стали утрачивать надежду (К = 5,05 против 5,12 в 2002 г.). Во всех группах повысились значения негативных оценок эмоционального состояния (безразличия, тревоги, страха, возмущения).

В 2011 г. отмечалась высокая степень (5-я, 6-я и 7-я позиции по 7-балльной шкале) безразличия среди 18% молодых специалистов, тревоги – среди 34,1%, страха, отчаяния – среди 20,4%, возмущения, гнева – среди 34,4%. В этой тенденции хотя и отразился рост социальной напряженности в стране, но проявилась и нарастающая неудовлетворенность молодых специалистов своим социальным положением. На что указывает последовательное возрастание средних суммарных значений всех негативных проявлений от 2,95 среди работающих по полученной специальности, 3,13 среди работающих по близкой специальности до 3,29 среди работающих по совершенно другой специальности. Так, например, чувство возмущения, гнева выразили 39% молодых специалистов, работающих по совершенно другой специальности. То есть *вопреки сложившемуся стереотипу, что молодым специалистам все равно, где работать – был бы высокий заработок, анализ выявил другую тенденцию. Большинство из них изначально ориентированы на работу по специальности, а изменение специальности рассматривается ими как вынужденная мера, что болезненно отражается на их социальном самочувствии.*

Основные выводы и предложения

1. Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии связи между подготовкой кадров в системе высшего образования и рынком труда. Вузы не проявляют заинтересованности в работе их выпускников по специальности, не имея информации о реальных потребностях рынка труда и необходимых рычагов для контроля. Предприятиям не выгодно доучивать молодых специалистов. Куда проще заполнять ими рабочие места с непривлекательными видами труда. В итоге молодой специалист оказывается один на один со стихией рыночных отношений. Необходимы законодательные и организационные меры, направленные на минимизацию образовавшегося разрыва. Среди них – проведение постоянного мониторинга, проводимого независимыми социологическими службами, как услуг, предоставляемых вузами в подготовке специалистов, так и потребностей в их использовании; разработка мер, стимулирующих заинтересованность вузов в повышении качества профессиональной подготовки студентов, в соответствии с результатами мониторинга; выделение квот государственным предприятиям для молодых специалистов; законодательное определение статуса молодого специалиста с предусмотренными

формами защиты его прав на предприятиях со всеми формами собственности; расширение практики заключения двусторонних договоров между вузами и предприятиями по подготовке и трудоустройству кадров при обращении первоочередного внимания на отрасли материального производства, которые являются основными потребителями кадров, подготовленных в высшей школе.

2. Подавляющее большинство молодых специалистов, работа которых не соответствует приобретенной в вузе специальности, заняты в негосударственном секторе экономики. Поэтому необходимо разработать специальные меры законодательного и организационного характера, направленные на стимулирование предприятий с негосударственной формой собственности в использовании молодых специалистов в строгом соответствии с их специальностью.

3. Низкий уровень материального положения является наиболее значимым фактором поиска молодыми специалистами работы, не соответствующей специальности, приобретенной в вузе. Возможно, следует рассмотреть вопрос о кредитации молодых специалистов в первые три года их работы по специальности с последующим погашением кредита по мере повышения их заработной платы. Это будет способствовать профессиональному росту молодых специалистов и повысит заинтересованность предприятий в их продвижении.

4. Несмотря на рационализацию отношений в современном российском обществе, нравственные качества молодых специалистов оказывают заметное влияние на выбор ими работы по приобретенной в вузе специальности, а также на адаптацию к условиям труда. Поэтому необходимо возродить воспитательную работу в учебных учреждениях, разработав новые ее формы, применительно к современной реальности. При этом основной упор должен быть сделан на формирование профессиональных и деловых качеств личности, базирующихся на национальной ментальности и отвечающих современным вызовам.

5. Необходимым условием работы по специальности является соответствующая мотивация труда. Целенаправленное формирование профессиональной мотивации должно найти отражение в учебных программах, став неотъемлемой частью всего учебного процесса. Для этого следует более широко использовать современные технологии по формированию достигнеческой мотивации, профессиональной этики, организационной культуры и др.

6. Важная роль в формировании отношения к труду, обеспечивающего в том числе и решение задачи повышения его производительности, принадлежит средствам массовой информации. Формируя позитивный образ специалиста, уважение к профессиональному труду, выявляя возникающие проблемы и обобщая опыт их решения, СМИ могут оказать большое влияние на самоидентификацию и социальное самочувствие молодых специалистов. Это поможет преодолению выявленного в проведенном анализе самоощущения девиантности среди работающих в полном соответствии с приобретенной в вузе специальностью. А также снижению градуса напряженности среди тех, кто столкнулся с трудностями в поиске такой работы. Тем самым СМИ будут способствовать превращению мечты в надежду, без чего она не может стать реальностью.

7. Для совершенствования модернизационного процесса в сфере образования в направлении повышения качества профессиональной подготовки студентов, необходимы следующие первоочередные меры. Во-первых, скорректировать существующие стандарты в высшей школе в направлении расширения форм профессиональной социализации студентов; во-вторых, перепрофилировать подготовку специалистов, в

направлении расширения общепрофессиональных знаний в бакалавриате (специалисты широкого профиля) и профессиональной специализации в магистратуре (специалисты узкого профиля), что позволит выпускникам быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям на рынке труда; в-третьих, предусмотреть возможность целевой подготовки специалистов через магистратуру для нужд конкретных предприятий на основе кредитования ими профессиональной специализации магистрантов; в-четвертых, разработать систему показателей, определяющих рейтинг вузов на рынке труда, уровень которого мог бы учитываться при их лицензировании. Реализация предлагаемых мер может явиться первым шагом в создании единой системы подготовки кадров и их использования в стране.

---

9. **Зубок Ю.А.** О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки // Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г. – Том II. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2014. – С. 124-129.

О МЕРАХ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Подготовка высококвалифицированных кадров непосредственно связана с повышением качественных характеристик образования молодежи. В этой связи проблема состоит во все более обостряющемся противоречии между общественной потребностью в подготовке профессиональных кадров, отвечающих современным требованиям, и сформировавшимся в последние десятилетия отношением молодежи к образованию.

Возможность преодоления этого противоречия в целях совершенствования системы подготовки кадров в стране непосредственно связана с изменением ценностного отношения молодежи к образованию.

Позитивные изменения в отношении к образованию способны стать *мощнейшим ресурсом* повышения качества подготовки кадров для экономики, общества и государства.

Решающую роль в формировании ценностного отношения к образованию играют социокультурные механизмы – исторические архетипы, габитусы как устойчивые предрасположенности в отношении к образованию, стереотипы, запечатленные в менталитете. Под их влиянием отношение к образованию может меняться, его значимость может усиливаться или ослабевать. Через изменение отношения к образованию общество влияет на формирование профессиональных качеств молодых людей.

Исследования показывают, что российский *менталитет позитивно влияет на отношение молодежи к образованию и к знаниям.*

Исторически сложилось так, что знания всегда высоко ценились, а образованные знающие люди пользовались особым уважением соплеменников. Однако *реформа образования не только не учитывает менталитет россиян, но и противоречит ему.*

Прежде всего, это касается принципа *доступности* образования. Так, в п. 1 ст. 2 настоящего Проекта Закона об образовании образование определяется как *«общественно значимое благо»*, реализуемое «в интересах человека, семьи, общества, государства». И

далее вновь подчеркивается, что это «совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций... в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого и физического *развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов*». Однако многолетние исследования, проводимые Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН, показывают, четкую *зависимость образования молодежи от материальных условий жизни*. Высшее образование становится доступным преимущественно материально обеспеченным молодым людям. Это в полной мере распространяется и на элитарное образование, которое по определению предназначено для формирования профессиональной элиты. Особую социальную опасность такое положение приобретает в условиях постоянного роста платных услуг в образовании. Для подавляющего большинства низкообеспеченных слоев молодежи (72,2%) платное образование практически не доступно. Эти молодые люди подвергаются социальной *дискриминации и отторгаются от социально значимого блага*, которым образование провозглашено в самом Законе. Данное обстоятельство не только *противоречит принципам демократии и провозглашенному курсу на инновационное развитие экономики*, но также является источником *социальных конфликтов между молодежью и государством и провоцирует протестные настроения*.

Поэтому не удивительно, что процесс расширения платных услуг не получает поддержки со стороны молодых людей и их родителей. Больше половины респондентов (63,2%) придерживается мнения, что образование, как в высшей, так и в средней школе должно быть бесплатным. Эта позиция весьма устойчива и сохраняется на протяжении всего периода реформирования.

Отторжение вызывает и тот факт, что вопреки самой идее образования как «единого целенаправленного процесса воспитания и обучения», закрепленной в той же статье Закона об образовании, происходит элементарная *подмена функции обучения и воспитания оказанием платных образовательных услуг*.

Многолетние сравнительные исследования показывают, что модернизация стала фактором, не ослабляющим, а наоборот, *усиливающим социальное расслоение в обществе*. Об этом можно судить, в частности по такому важнейшему показателю как удовлетворенность проводимыми модернизационными мероприятиями. Наиболее позитивно они отразились в жизненных ситуациях молодых людей с неполным средним и среднеспециальным образованием. При этом первые – учащиеся старших классов средней школы – довольны тем, что расширились возможности поступления в вуз. А вторые – (выпускники средних специальных учебных заведений) – видят позитивные результаты модернизации в возможности продолжить учебу и избежать призыва в армию. Но в целом прослеживается крайне низкая степень удовлетворенности молодежи результатами модернизации образования в стране. Полностью удовлетворены лишь 2,7% респондентов, и 13,7% – скорее удовлетворены, чем не удовлетворены ее проведением. Солидарны в оценках модернизации и их родители. *Подобная неудовлетворенность усиливает инструментальное отношение к образованию, что противоречит потребностям экономики, общества, государства*.

Таким образом, в ходе подготовки Закона об образовании представляется необходимым не только расширить систему льгот для выходцев из социально незащищенных слоев и предусмотреть усиление государственного и общественного контроля за ее реализацией.

Большинство молодежи и их родители не согласны с концепцией проекта Федерального образовательного стандарта для старших классов общеобразовательной

школы, где основной упор делается на профильном образовании по выбору учащихся. Сама идея профильного образования, как оказалось, противоречит пониманию общего среднего образования большинством россиян, в том числе молодых. Больше половины респондентов целью общего среднего образования считают подготовку молодого человека к жизни, для чего необходимо овладение им широким набором знаний и общей культуры. Идеи, реализуемые на данном витке модернизации в аспекте профильного образования, такой возможности не предоставляют.

Таким образом, требуется пересмотр данного стандарта с учетом критики, которая была высказана при его обсуждении.

Неоднозначно влияние ЕГЭ на процесс образования молодежи. По данным исследования, отношение половины молодых людей и их родителей к единому государственному экзамену остается негативным. С одной стороны, ЕГЭ расширил возможности поступления в вузы, с другой стороны, в единый кубок сплетаются различные причины недовольства. В том числе:

– нацеленность на ЕГЭ не стимулирует мышление, особенно в части гуманитарных дисциплин;

– не решена проблема злоупотреблений при оценке знаний выпускников, а мздоимство переместилось из вузов в школы. Учитывать при поступлении средний балл аттестата, а ЕГЭ сделать добровольным, приравняв его к результатам участия в олимпиадах.

Вследствие сохраняющихся противоречий, социологические исследования выявляют *нарастающую тенденцию девальвации ценности образования среди молодежи*. По сравнению с 2002 г. доля терминальных ценностей, характеризующих самооценное отношение к образованию, сократилась в 1,6 раза.

Процесс инструментализации распространился и на ценность знания. Каждый второй молодой человек считает, что знания – лишь средство решения поставленных задач, а 48,6% молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания. Все это существенно подрывает ресурсы повышения качества подготовки кадров в самом базовом аспекте – мотивации. В результате условия подготовки специалистов становятся неопределенными. В них нарушается баланс между готовностью самих молодых людей, деятельностью образовательных структур по подготовке кадров и потребностями государства.

Из этого следует, что в процессе разработки норм и стандартов, регулирующих отношения в сфере образования необходимо учитывать воспроизводство исторически обусловленных базовых оснований отношения к нему. Это позволит избежать роста социальной напряженности и предотвратить неэффективность предпринимаемой модернизации по причине ее отторжения массовым сознанием.

Преодоление многих противоречий связано с гуманитаризацией образования. Она должна обеспечить связь модернизационных стратегий в этой сфере с *традиционным менталитетом россиян, с духовными традициями российского просвещения*.

Глобализация и стремительное развитие информационно-коммуникационных систем изменяют повседневный мир молодежи. Динамично нарастает виртуализация образа жизни, повышается доступность любой информации, деформируется языковая молодежная культура, новыми смыслами наполняются межличностные взаимодействия.

Таким образом, необходимо расширение преподавания русского языка и литературы, истории, культуры, других гуманитарных наук для всех учащихся средней школы, а не только для выбравших их в качестве профильного обучения. При

этом нуждаются в пересмотре программы этих дисциплин с учетом современных реалий.

В этой связи еще острее стоит вопрос эффективности системы образования в целом, и отдельных образовательных учреждений. Выработка соответствующих критериев зависит от наличия на уровне общества в целом определенности в отношении глобальных целей его развития. Из этих общих целей будут вытекать более конкретные задачи, которые общество и государство ставит перед институтом образования. Исходя из социальных функций образования как института социализации, который не только обслуживает потребности экономики в квалифицированных кадрах, но и интегрирует молодое поколение в систему общих ценностей и норм выстраиваются и **критерии оценки его деятельности.**

Во-первых, соответствие системы подготовки кадров потребностям экономики. Сегодня наблюдается негативная тенденция в подготовке специалистов, причина которой коренится в *несоответствии проводимой реформы образования и существующего рынка труда.* Об этом говорит тот факт, что приобретенная специальность редко соответствует фактически выполняемой выпускником работе. В 2011 г. каждый третий молодой специалист работал не по специальности, полученной в вузе. Для сравнения в 2002 г. в полном соответствии с полученной специальностью работали 50,1% молодых специалистов, а по близкой специальности – 25,2%.

Следовательно, процесс подготовки квалифицированных кадров будет эффективнее в случае, если он будет опираться на научно обоснованное прогнозирование изменения экономических трендов. Такая связь образования и потребностей экономики не только не ограничит личные интересы молодежи, но, напротив, снизит неопределенность и риск вследствие спонтанного выбора профессии.

Во-вторых, в Проекте Закона об образовании сказано, что под образованием «понимается единый целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, семьи, общества, государства...». Однако на практике целенаправленно разрушенная в начале реформ связь образования и воспитания так и не была восстановлена и не обрела статус неукоснительно исполняемой нормы.

Вместе с тем необходим тщательный анализ транслируемых системой образования *смыслоразнозначных ценностей и форм, в которых такая трансляция осуществляется.* Современное молодое поколение формируется в условиях открытости и возрастающей ценности свободы выбора, поэтому прямые воздействия на молодежь сегодня уступают место иным, более вариативным и мягким формам. Молодежь усваивает не только напрямую формулируемые смысловые ориентиры, но и не выраженные. Последние, как правило, содержатся в образцах социальных взаимодействий, которые, вольно, или невольно демонстрирует им система образования, вступая во взаимодействие с ними. Примеры несправедливости, меркантилизма, утилитаризма, прагматизма, беспринципности, с которыми сталкивается учащаяся молодежь, быстрее любых назиданий сформируют и отношение к самой системе образования, и отношение к жизни, и к обществу в целом.

Таким образом, необходимо сформулировать адекватные современным условиям открытости и вариативности индивидуального развития, формы реализации такого важнейшего положения Закона как связь образования и воспитания.

В современных условиях чрезвычайно актуальным представляется критерий, связанный с тем, насколько способствует система образования и воспитания социальной интеграции общества, сохранению его социально-исторической целостности.

Результаты многих исследований, проводимых на протяжении всего постсоветского периода Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН, указывают на постоянно снижающийся тренд идентификации молодежи с большими сообществами, в частности, с обществом и государством.

Негативные тенденции проявляются в изменении структуры духовных ценностей молодежи, особенно в аспекте патриотизма, в нарушении духовных связей с родительским поколением, в девальвации нравственных устоев в отношении со сверстниками, что несет в себе потенциал социальной дезинтеграции. Отказ от абсолютных ценностей и переход к договорным отношениям конструирует множество систем ценностей, удобных для комфортного существования отдельных людей или групп.

Таким образом, в целях приостановления дальнейшей нравственной деградации и дезинтеграции российского общества, необходим комплекс мер, направленных на формирование в сознании молодежи установок на социальную интеграцию, сплоченность, кооперацию. Целесообразным представляется упор на соответствующие учебные курсы и дисциплины.

В этой связи особого внимания требуют недавно введенные в образовательный стандарт религиозные компоненты. Так, ст. 90 проекта Закона об образовании оговариваются «особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации». Далеко неоднозначное отношение к этому нововведению связано, во-первых, с недопустимостью регресса в сторону десекуляризации образования; во-вторых, с опасностью появления дополнительного фактора дезинтеграции в ситуации острых межнациональных и религиозных противоречий.

В этой связи необходимо, во-первых, предусмотреть общественную экспертизу и контроль за содержанием образовательных стандартов и программ на предмет сохранения светского характера образования и недопущения усиления потенциала социальной дезинтеграции; во-вторых, осуществить мониторинг влияния, оказываемого на сознание учащихся вводимыми курсами.

В процессе оценки деятельности образовательных учреждений наблюдается перекоп в сторону количественных показателей. Между тем, качественные показатели, характеризующие развитие личности будущего профессионала, в большей мере характеризуют его как становящегося специалиста. Так, например, исследования выявляют устойчивую зависимость между отношением к учебе и к приобретаемой профессии с одной стороны и выбором будущей работы, с другой. Высокие показатели отношения детерминируют выбор в пользу работы, соответствующей полученной специальности.

Таким образом, необходим поиск форм постоянно действующих, в том числе и во время учебы, программ профориентации, где одним из ключевых пунктов будет укрепление ценностного отношения к знаниям и будущей профессии.

Итак, проводимая без учета традиционной российской ментальности, модернизация образования входит в противоречие с исторически сложившимися базовыми характеристиками отношения к нему, встречая непонимание и неприятие со стороны большинства молодых людей и их родителей.

В целях анализа эффективности деятельности всей системы образования, целесообразным представляется введение в широкую практику проведение социологического мониторинга влияния системы образования на социальное развитие

молодежи. Такой взгляд позволит преодолеть отраслевую узость и выйти на фундаментальный уровень исследования глубинных механизмов взаимодействия молодежи с системой образования, противоречий, возникающих в процессе такого взаимодействия и выработать меры по оптимизации социорегуляционных механизмов.

---

10. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Молодёжь в изменяющейся социальной реальности: изменение отношения к семье, образованию, труду, власти // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 г. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2014. – С. 75-99.

МОЛОДЁЖЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К СЕМЬЕ, ОБРАЗОВАНИЮ, ТРУДУ, ВЛАСТИ

В развернувшемся общественном дискурсе о новой социальной реальности высказываются различные точки зрения о влиянии ее изменения на процессы, происходящие в российском обществе. В этой связи выделяются противоречия, лежащие в основе проблем, возникающих в молодежной среде. Изменяющаяся социальная реальность отражается во всех сферах жизнедеятельности молодежи, проявляется в ее отношении к семье, образованию, труду, власти.

В теоретическом плане данный процесс исследуется в парадигме феноменологической социологии знания. С позиций феноменологического подхода под термином «социальная реальность» понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций»⁴⁶. То есть социальная реальность рассматривается не как объективные условия бытия, а как знания людей об этих условиях, приобретенных в процессе «интерсубъективных взаимодействий» (термин Э. Гуссерля). При этом делается упор на обыденное, повседневное знание, как результат жизненного опыта. Знание о конкретных объектах социальной реальности редуцируется в систему значений, смыслов, на основе которых формируется отношение к этим объектам.

На эмпирическом уровне исследование отношения молодежи к семье, образованию, труду, власти как к феноменам социальной реальности осуществляется в образной форме. Исследуется не столько отношение к собственной семье, к своему образованию, к условиям и содержанию труда, к конкретной власти, сколько образ этих объектов реальности, сложившийся в представлении молодых людей. Образное познание реальности предполагает особую форму отношения к ее объектам. «Образ – это рациональное и эмоциональное впечатление о предметах, персонажах, событиях и явлениях материального и духовного мира на основе обозначаемого устойчивого смысла (идеи). Образ вне смысла

---

⁴⁶ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С.485.

рассыпается»⁴⁷. Наполняя образы новыми смыслами в изменяющейся реальности, молодые люди конструируют свое отношение к ее объектам. С позиций символического интеракционизма, они действуют на основе значений (смыслов), которые придают этим объектам (Дж. Мид).

С социологической точки зрения, под отношением будем понимать «систему сложившихся индивидуальных, групповых представлений, понятий, суждений о социальном объекте, явлении, возникающих вследствие эмоционально-чувственного отражения в индивидуальном или групповом сознании социальной реальности в форме интериоризированного опыта взаимодействий с другими людьми, познания ее природы и сущности, выраженных в социальной позиции индивида, группы»⁴⁸. Социальная позиция молодого человека определяется, прежде всего, по его отношению к базовым характеристикам объектов. Оно вытекает из понимания сущности объектов реальности, их социальных функций, совокупности внутренних и внешних связей, которые результируются в ценностной форме (базовый аспект отношения). Тенденции изменения базовых характеристик наиболее наглядно проявляются в межпоколенческом анализе – в сравнении их оценок в молодом (18–29 лет), родительском (40–59 лет) и дедовском (старше 60 лет) поколениях. Влияние этих тенденций проявляется в деятельностной форме и отражается в семейном положении молодежи, в направленности мотивации ее труда, в работе молодых специалистов по приобретенной специальности, в политических ориентациях молодых людей.

Опираясь на результаты социологического исследования⁴⁹, проанализируем отношение молодежи к семье, образованию, труду, власти как к феноменам социальной реальности.

Базовые характеристики образа семьи складываются из понимания смысла семьи, а также на основе оценки этических характеристик семейных отношений. Рассмотрим, прежде всего, является ли семья ценностью. Для этого проанализируем распределение ответов на вопрос: «В чем для Вас смысл семьи?» (табл. 1).

Распределение ответов, представленных в табл. 1, позволяет сделать вывод о соотношении терминальных и инструментальных ценностей семьи в зависимости от возрастных и гендерных различий. Семья как терминальная ценность определялась набором смысловых значений: потребность («Не могу представить свою жизнь без семьи»); цель (т.е. «Просто должна быть»); любовь. Такое отношение к семье присуще подавляющему большинству россиян (83,6%). В наибольшей степени терминальную ценность семьи разделяют молодые люди. В возрастной группе 25–29 лет ее значение составляет 87,9%. Молодежь значительно больше, чем представители других возрастных групп, видит смысл семьи в любви (45,9% в группе 18–24 года). Значение любви в ценностной структуре с возрастом снижается, но возрастает потребность в семье.

Различается, хотя и незначительно, ценностное отношение к семье мужчин и женщин. Женщины больше ориентированы на семью как терминальную ценность (86,2%).

---

⁴⁷ Аверинцев С. Собр. соч. Словарь. – М., 2006. – С.386-387.

⁴⁸ Чупров В.И., Zubok Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. – М., 2014. – С.67.

⁴⁹ Исследование проведено Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г. Выборка рассчитывалась на основе половозрастных квот, репрезентирующих российское население с учетом региональных особенностей в 66 населенных пунктах в 13 субъектах Российской Федерации. N = 1301 человек. Доля молодежи в возрасте 18–24 года составила 14%; 25–29 лет – 11%. Руководители исследования – проф. Ю.А. Zubok и проф. В.И. Чупров.

Таким образом, несмотря на некоторые возрастные и гендерные различия, семья для большинства россиян традиционно является значимой терминальной ценностью. Причем терминальное отношение к семье воспроизводится в молодом поколении.

Таблица 1

Ценностное отношение к семье в зависимости от возрастных и гендерных различий, % к ответившим

Демографические характеристики		Ценностное отношение к семье							
		Потребность	Необходимость	Средство	Цель	Любовь	Обуза	Терминальная ценность	Инструментальная ценность
Общее распределение		36,7	13,6	2,0	16,8	30,1	0,7	83,6	16,4
Пол	Мужчины	35,5	15,7	2,5	16,7	28,8	1,0	81,0	19,0
	Женщины	37,9	11,8	1,6	17,0	31,3	0,4	86,2	13,8
Возраст	18–24	27,9	10,4	2,2	13,1	45,9	0,5	86,9	13,1
	25–29	35,7	9,3	2,9	14,3	37,9	0,1	87,9	12,1
	30–39	29,7	11,0	3,8	16,9	38,1	0,4	84,7	15,3
	40–49	36,9	15,3	0,8	20,8	25,0	1,3	82,7	17,3
	50–59	45,5	12,2	2,1	17,2	23,6	0,4	86,3	13,7
	60 лет и старше	41,8	20,9	0,7	16,8	18,7	1,1	77,3	22,7

Этические ориентации россиян в сфере семейных отношений оценивались на основе представлений об укладе семьи: о распределении ролей в семье, о желаемом количестве детей, об отношении к детям, о характере и содержании семейных связей. Исторически семья на Руси была патриархальной. Главой семьи являлся муж. Семья была многодетной. Воспитание детей носило преимущественно авторитарный характер. Семейные связи строились на многопоколенной основе с общим ведением домашнего хозяйства. Межнациональные браки не поощрялись⁵⁰. Представления об укладе семьи содержались в ответах на вопрос, заданный в проективной форме: «Создавая семью, какие из перечисленных ее характеристик, Вы считали бы приемлемыми для себя?» (табл. 2).

Общее распределение ответов на поставленный вопрос позволяет дополнить образ семьи россиян. Придерживаясь традиционного взгляда на семью, как на терминальную ценность, большинство россиян отдают предпочтение ее современному укладу. Они предпочитают однопоколенную семью (раздельное проживание от родителей) (68,9%), отношения в которой должны строиться на основе равноправного распределения ролей (60,8%), с общим, совместным ведением хозяйства (72,7%), ориентированы на двух детей

⁵⁰ См. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М., 1953; Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М., 1974.

(58,4%), воспитание которых должно строиться на демократичной основе, в сочетании строгости и самостоятельности (78,2%).

Таблица 2

Этические ориентации в сфере семейных отношений в зависимости от возрастных и гендерных различий, % к ответившим

Основания ориентаций	Характеристики ориентаций в сфере семейных отношений	Распределение ответов								
		В целом	Возраст (лет)						Пол	
			18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	Муж.	Жен.
По распределению ролей в семье	Муж – глава семьи	33,1	36,4	44,3	33,5	33,1	28,8	28,6	41,7	25,4
	Жена – глава семьи	6,1	3,8	4,3	5,5	3,8	8,6	9,2	4,6	7,5
	Равноправие	60,8	60,1	51,4	61,0	63,1	62,7	62,3	53,8	67,1
По желаемому количеству детей в семье	Однодетная	17,1	17,5	23,6	18,6	18,6	15,9	11,7	16,7	17,4
	Двухдетная	58,4	56,3	57,9	60,2	60,6	57,9	57,1	57,0	59,7
	Трехдетная и более	21,3	19,1	12,9	17,4	18,2	24,9	30,0	21,7	20,9
	Бездетная	3,2	7,1	5,7	3,8	2,5	1,3	1,1	4,6	2,0
По характеру отношения к детям	Авторитарный	11,4	10,9	12,9	9,7	10,6	9,0	15,0	12,3	10,6
	Либеральный	10,5	9,3	10,7	10,6	11,0	9,9	11,0	12,9	8,3
	Демократичный	78,2	79,8	76,4	79,7	78,4	81,1	74,0	74,8	81,1
По характеру семейных связей	Многопоколенная	31,1	25,1	30,7	27,1	29,7	32,6	38,5	29,4	32,5
	Однопоколенная	68,9	74,9	69,3	72,9	70,3	67,4	61,5	70,6	67,5
По содержанию семейных связей	Независимость каждого члена семьи	27,3	23,0	27,9	28,0	27,1	27,5	29,3	29,7	25,1
	Общее ведение хозяйства	72,7	77,0	72,1	72,0	72,9	72,5	70,7	70,3	74,9
По отношению к межнациональным бракам	Нейтрально	46,3	46,4	49,3	45,8	49,2	48,5	41,0	46,6	46,2
	Одобряю	26,5	29,0	24,3	36,4	22,0	24,5	23,1	27,9	25,3
	Не одобряю	17,4	19,7	12,9	7,6	19,1	17,2	25,6	15,7	19,0

При этом почти половина россиян (46,3%) нейтрально относятся к межнациональным бракам. То есть в образе семьи большинства россиян традиционные ориентации вытесняются современными, что не может не отражаться на отношении к семье молодежи.

Молодежь по сравнению с родительским и дедовским поколениями в большей степени ориентирована на современную однопоколенную семью (74,9% – в группе 18–24 года; 69,3% – 25–29 лет). Больше прослеживается в ее среде и ориентация на однодетную и бездетную семью. Даже среди 25–29-летних молодых людей заметно выше доля ориентированных на однодетную семью (23,6%). А 5,7% вообще не стремятся иметь детей. Более одобрительно молодежь относится к межнациональным бракам (29%). В то же время среди молодых выше доля тех, кто придерживается традиционного взгляда на доминирующую роль мужчины в семье (36,4%). Причем в возрастной группе 25–29 лет

почти каждый второй (44,3%) считает, что муж должен быть главой семьи. Заметно выше среди молодых и ориентация на совместное ведение домашнего хозяйства (77%). По характеру отношения к детям между молодым и родительским поколениями существенной разницы не отмечено. Лишь среди представителей дедовского поколения заметно выше, чем в общем распределении (11,4%), доля сторонников авторитарных методов воспитания –15%. То есть молодежь, воспроизводя традиционное самоценное отношение к семье, больше ориентирована на конструирование современного семейного уклада.

Различается образ семьи у мужчин и женщин, в том числе и в молодом поколении. Мужчины более, чем женщины ориентированы на однопоколенную семью (соответственно, 70,6% и 67,5%); они менее демократичны в отношении к детям (74,8% и 81,1%), но более либеральны (12,9% и 8,3%); чаще придерживаются взгляда, что должна быть независимость, автономность каждого совершеннолетнего члена семьи (29,7% и 25,1%). То есть в большей степени придерживаются современных взглядов на семью. Но при этом они стремятся сохранить традиционное лидирующее положение в семье. Среди них значительно больше процент признающих главенство мужа в семье (41,7% и 25,4%). Подобная ориентация зачастую входит в противоречие с неспособностью современных мужчин материально обеспечивать семью, что приводит к конфликтам. Впрочем, эта неспособность не всегда зависит от самих молодых мужчин, а имеет более глубинные корни, связанные с неравенством социального положения молодежи в стране. В ориентациях на бездетную, однодетную и многодетную семью существенных различий среди мужчин и женщин не отмечается. Это свидетельствует, что желание иметь или не иметь детей в современных условиях определяется не социокультурными, а социальными факторами.

Образ семьи отражается в социальных практиках в сфере семейных отношений, что проявляется в семейном положении и в наличие детей (табл. 3).

Данные, представленные в табл. 3, показывают, что в зарегистрированном браке состоят 54% российских граждан старше 18 лет, в незарегистрированном (в том числе в так называемом гражданском) – 7,6%, каждый десятый разведен (10,4%) или овдовел (10,8%), 17,2% – никогда не состояли в браке. Влияние возраста прослеживается в изменении всех показателей базовых характеристик семейного положения. Обращает на себя внимание высокий процент респондентов, никогда не состоявших в браке. Среди молодежи в возрасте 18–24 года таких большинство – 69,4%, и в группе 25–29-летних молодых людей доля холостяков составляет 24,3%. Тенденция поздних браков обозначилась в начале 1990-х гг. и продолжается до сего времени. Убеденные холостяки составляют в группе 30–39-летних 15,7%, и даже после 40 лет их доля весьма высока. Отмечается рост, вплоть до 60 лет, доли респондентов, состоящих в незарегистрированном браке. Наиболее высокий процент незарегистрированных браков отмечается в группе 18–29-летних (11,4%). Выявленные различия семейного положения отражают противоречия в соотношении традиционных и современных характеристик образа семьи в изменяющейся социальной реальности в различных возрастных группах.

Таблица 3

Семейное положение и наличие детей в зависимости от возраста, % к ответившим

	Показатели базовых характеристик	
	Семейное положение (% к ответившим)	Наличие детей (% к состоящим в браке)

Возраст (лет)	Никогда не состояли в браке	В зарегистрированном браке	В незарегистрированном браке	Разведены	Овдовели	Ни одного	Один	Два	Больше двух
Общее распределение	17,2	54,0	7,6	10,4	10,8	9,9	33,7	46,9	9,5
18–24	69,4	19,1	8,7	2,2	0,5	37,3	42,2	19,6	0,9
25–29	24,3	54,3	11,4	6,4	3,6	28,9	54,3	21,7	0,1
30–39	15,7	63,1	8,5	10,6	2,1	8,3	44,4	42,6	4,7
40–49	5,5	69,1	8,1	14,0	3,4	4,4	34,1	50,0	11,5
50–59	2,1	59,2	9,0	17,2	12,4	3,8	25,8	53,5	17,0
60 и старше	2,9	51,6	2,6	8,8	34,1	6,8	14,9	66,9	11,5

Среди респондентов от 18 до 60 лет, состоящих в браке, каждый десятый (9,9%) не имеет детей и каждый третий (33,7%) имеет одного ребенка. Половина респондентов (46,9%) имеют двух детей, и лишь 9,5% – трех и более детей. Однако в разных возрастных группах значения этого показателя существенно различаются. Среди молодежи до 29 лет включительно, состоящей в браке, 28,9% не имеют детей и 54,3% имеют одного ребенка. Начиная с 30-летнего возраста процент респондентов, имеющих двух детей, последовательно возрастает, достигая максимума в группе респондентов 60 лет и старше (66,9%). Его значение, по сравнению с группой молодежи 25–29 лет, в три раза выше. В разы выше и доля респондентов старше 50 лет, имеющих трех и более детей. То есть отношение к семье по данному показателю среди молодежи, по сравнению со старшим поколением, заметно рационализировалось. Молодые не спешат создавать полноценную семью и обзаводиться детьми.

Итак, анализ базовых характеристик отношения молодежи к семье выявляет следующие тенденции. Во-первых, семья традиционно остается в сознании молодежи значимой ценностью, хотя и отмечается тенденция инструментального отношения к ней. Во-вторых, изменяющаяся социальная реальность проявляется в весьма противоречивом характере образа семьи молодежи. Воспроизводя традиционную ценность семьи, он заметно дополняется современными представлениями о семейном укладе, причем в разных возрастных, гендерных группах их соотношение существенно различается. В-третьих, противоречия в сложившемся образе семьи негативно отражаются на реальном поведении молодежи в данной сфере (рост доли незарегистрированных браков, количества разводов, доли однодетных семей).

Базовые характеристики отношения к образованию отражают ценностную составляющую его образа в представлении молодежи. Эмпирически они определяются тем, в какой степени образование и приобретаемые знания являются ценностью. На вопрос: «В чем для Вас смысл образования?» ответы распределились следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Ценности образования в зависимости от возрастных и гендерных различий, % к ответившим

Возраст	Варианты ответов
---------	------------------

Возраст / пол	Развитие способностей	Диплом	Потребность в познании	Престиж	Карьера	Общая культура
В целом	26,1	14,5	16,1	4,6	31,1	7,5
Мужской	29,2	17,0	17,2	3,4	28,3	4,9
Женский	23,4	12,2	15,2	5,7	33,7	9,9
18–29 лет	20,9	18,3	12,6	6,5	36,9	4,8
Мужской	22,1	19,0	12,6	6,5	35,5	4,3
Женский	19,8	17,7	12,5	6,5	38,4	5,2

Распределение ответов позволяет сделать вывод о соотношении терминальных и инструментальных ценностей образования в зависимости от возрастных и гендерных различий. Образование как ценность (терминальная) определялась набором смысловых значений: развитие способностей, потребность в познании, общая культура. В целом, по совокупности значений терминальная ценность образования составила 49,7%, в том числе среди мужчин – 51,3%, а среди женщин – 48,5%. Среди молодежи в возрасте 18–29 лет отношение к образованию как к терминальной ценности существенно ниже (38,3%), хотя сохраняется тенденция гендерных различий (39% среди мужчин и 37,5% среди женщин). Две трети молодежи (61,7%) придерживаются инструментального отношения к образованию как к средству достижения других целей (диплома, престижа, карьеры). При этом женщины, в том числе и молодые, в большей степени, чем мужчины, связывают смысл образования с карьерой. Образование они чаще рассматривают для себя как «социальный лифт» и как способ преодоления существующего неравенства с мужчинами.

Таким образом, в российском обществе сохраняется некий паритет самоценного, т.е. традиционного отношения к образованию (49,7%) и инструментального, отражающего современные ценности (50,3%). Однако в молодежной среде этот паритет нарушен в пользу инструментальных ценностей образования (38,3% против 61,7%). Для сравнения в 2002 г. это соотношение составляло 58,6% против 41,4%. То есть отмечается тенденция существенного снижения доли терминальной ценности в отношении к образованию молодежи и рост инструментальной ценности. Подобный «всплеск» инструментальной ценности образования свидетельствует о наличии весьма влиятельного негативного фактора, связанного, по всей видимости, с очередным этапом модернизации системы образования.

Обращает на себя внимание весьма низкий процент связывающих смысл образования с познанием. В этой связи рассмотрим, в какой степени знание является ценностью в обществе и для молодых людей, т.е. когнитивной ценностью, также относящейся к базовым характеристикам отношения к образованию.

Вопрос, направленный на исследование ценности знания, состоял из нескольких альтернативных суждений, выбор которых предполагал соответствующую оценку. Альтернатива: «Знание – это главное достояние человека» / «В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги» – предполагает оценку понимания респондентом роли знания в жизнедеятельности современного молодого человека (соответственно, терминальную или инструментальную ценность знания). Следующая альтернатива: «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни» / «Знания – не самоцель, а средство решения поставленных задач» – уточняет предыдущую оценку на выявление терминального и инструментального аспекта когнитивной ценности. Результаты ответов на поставленный вопрос содержатся в табл. 5.

**Ценностное отношение к знанию в зависимости от возрастных и гендерных различий,
% от числа опрошенных**

Возраст/пол	Распределение ответов			
	Знание – это главное достояние человека	В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни	Знания – не самоцель, а средство решения поставленных задач
В целом	61,8	38,2	59,4	40,6
Мужской	59,8	40,2	56,7	43,3
Женский	63,6	36,4	61,8	38,2
18–29 лет	54,2	45,8	53,7	46,2
Мужской	54,1	45,9	51,5	48,5
Женский	54,3	45,7	56,0	44,0

Анализ табл. 5 показывает, что в целом значения терминальной ценности знания в обеих альтернативах превосходят значения инструментальной ценности. Причем, среди молодежи также отмечается положительное сальдо в соотношении значений терминального (54,2% и 53,7%) и инструментального (45,8% и 46,2%) отношения к знаниям, хотя в абсолютном выражении значения терминальной ценности знания заметно ниже, чем в общем распределении (61,8% и 59,4%).

Среди женщин значения терминальной ценности знания существенно выше, чем среди мужчин. Это проявилось в оценках суждений: «Знание – это главное достояние человека» (63,6% – среди женщин и 59,8% – среди мужчин) и «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни» (соответственно, 61,8% и 56,7%). Видимо, женщины, связывая в большей степени смысл образования с карьерой, лучше понимают, что социальное продвижение в современном обществе зависит от знаний. А поэтому выше, чем мужчины, оценивают их терминальное значение. Хотя в молодежной среде гендерные различия заметно нивелируются.

Вместе с тем, нельзя не отметить изменение смысла в когнитивной мотивации молодых людей. Почти каждый второй (46,2%) считает, что знания – лишь средство решения поставленных задач, а 45,8% молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания. Для сравнения, в 2002 г. инструментальную ценность знания разделяли 36,8% молодежи в возрасте от 15 до 29 лет. Снижение доли терминальной ценности знания и рост ее инструментального значения во многом связан с единым государственным экзаменом (ЕГЭ), введение которого имело разрушительное влияние на отношение к знаниям молодежи.

Отношение к образованию, как к феномену социальной реальности, нашло отражение в уровне образования молодежи (законченное образование на момент исследования). За последнее десятилетие он изменился следующим образом (табл. 6).

Изменение уровня образования молодежи, % к ответившим, 2002–2011 гг.

Уровень образования	2002		2006		2011	
	18–24 года	25–29 лет	18–24 года	25–29 лет	18–24 года	25–29 лет

Неполное среднее образование (до 9 классов)	8,6	5,6	8,8	8,5	4,4	0,7
Полное среднее образование	41,1	19,7	37,3	15,5	34,4	13,6
Среднее специальное образование	32,1	46,1	35,6	39,8	36,1	48,6
Высшее и незаконченное высшее образование	18,2	28,3	18,3	35,6	24,6	36,4
Другие виды образования	0	0,3	0	0,6	0,5	0,7

Уровень образования является комплексным показателем, так как в значительной мере отражает ориентации молодежи на различные виды образования, практические возможности его приобретения и реальные действия, направленные на достижение поставленных целей. Как видно из таб. 6, отмечаются позитивные тенденции роста уровня образования молодежи. В 2011 г., по сравнению с 2002 г., существенно снизилась доля молодежи, имеющей незаконченное среднее образование. Одновременно возросла численность молодых людей, получивших среднее специальное, незаконченное высшее и высшее образование. Особенно следует отметить позитивный рост среднего специального образования среди молодежи, учитывая его резкое снижение в 90-е гг. Если в 1997 г. доля молодежи в возрасте 18–29 лет со средним специальным образованием составляла 35,6%, то в 2011 г. – 42,3%. Тем самым обеспечивается и качественный рост контингента абитуриентов в высшие учебные заведения. Заметна тенденция «омолаживания» уровня высшего образования. В два раза чаще стали приобретать высшее образование молодые люди в возрасте до 24 лет. Это, видимо, связано с мерами по отсрочке студентов от службы в армии, и имеет большое значение в становлении профессиональных качеств молодых специалистов. Причем, от этого выиграла и армия, получив возможность расширить в своих рядах контингент молодых людей с высшим образованием.

Позитивная направленность выявленной тенденции особенно заметна на фоне образовательной структуры в других возрастных группах (табл. 7).

Таблица 7

Уровень образования по возрастным группам, % к ответившим

Возраст (лет)	Уровень образования				
	Неполное среднее	Полное среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее	Ученая степень
18–24	4,4	34,4	36,1	24,6	0,5
25–29	0,7	13,6	48,6	36,4	0,7
30–39	3,4	14,0	47,9	33,9	0,8
40–49	3,0	12,3	53,0	31,0	0,8
50–59	5,6	19,7	53,6	20,2	0,9
60 и старше	23,1	18,7	44,3	13,6	0,4

Как следует из анализа табл. 7, по удельному весу высшего образования нынешнее поколение молодежи выгодно отличается от предыдущих. При этом каждый четвертый молодой человек в возрасте 25–29 лет (23,5%) продолжает учебу в среднеспециальных учебных заведениях, а 58,8% – в вузах.

Существенно изменяется структура образования в зависимости от гендерных различий (табл. 8).

Таблица 8

**Уровень образования в зависимости от возрастных и гендерных различий,
% к ответившим, 2011 г.**

Возраст/ пол	Уровень образования			
	Неполное среднее	Полное Среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее
В целом	7,8	18,5	47,5	25,7
Мужской	6,7	20,9	48,0	24,3
Женский	8,7	16,4	47,0	27,0
18–29 лет	3,1	25,1	41,4	30,1
Мужской	2,4	31,4	43,8	22,5
Женский	3,9	18,8	39,0	37,7

Как видно из анализа общего распределения, среди мужчин выше доля респондентов, имеющих полное среднее образование (20,9%), чем среди женщин (16,4%). Но ниже доля с высшим и незаконченным высшим образованием (соответственно, 24,3% и 27%). Особенно заметны гендерные различия в уровне образования среди молодежи в возрасте 18–29 лет. Мужчины в этой возрастной группе опережают женщин по уровню полного среднего образования (31,4% и 18,8%) и среднеспециального образования (43,8% и 39,0%), и заметно отстают от них по наличию высшего и незаконченного высшего образования (22,5% и 37,7%). То есть женщины в России имеют более высокий уровень образования, чем мужчины, и эта тенденция воспроизводится молодежью.

Таким образом, отмечены следующие тенденции в отношении молодежи к образованию в изменяющейся социальной реальности. Во-первых, на фоне паритета в соотношении традиционных и современных ценностей образования в российском обществе, среди молодежи за последнее десятилетие произошло резкое снижение доли терминальных ценностей и рост инструментальных ценностей образования. Это указывает на наличие системной причины, связанной с реформированием образования. Во-вторых, выявлено противоречие между тенденцией инструментализации отношения к образованию и сохраняющимся пока терминальным отношением к знанию, несмотря на резкое снижение его значений. В-третьих, данное противоречие позитивно отразилось на повышении уровня образования молодежи, по сравнению с родительским поколением, но снижением качества знаний.

Базовые характеристики образа труда отражают понимание сущности (смысла) труда, а также этические представления в сфере трудовых отношений.

Понимание сущности труда анализировалось на основе ответов на вопрос: «В чем для Вас смысл труда?» (табл. 9).

Таблица 9

Понимание молодежью смысла труда, %

Варианты ответов	Распределение ответов по возрасту	
	18–24 года	25–29 лет
Ощущение своей полезности	14,2	12,1
Возможность заработать	59,6	65,0
Внутренняя потребность	7,1	5,0
Вынужденная необходимость	12,6	12,1
Творчество	4,9	4,3

Общение	1,6	1,4
Терминальная ценность труда	26,2	21,4
Инструментальная ценность труда	73,8	78,6

Как видно из табл. 9, большинство молодежи связывает труд с заработком. Так понимают смысл труда 59,6% молодых людей в возрасте 18–24 года и 65% – в возрасте 25–29 лет. Если учесть, что почти каждый десятый (12,6% и 12,1%, соответственно) относится к труду как к вынужденной необходимости, а около полутора процентов (1,6% и 1,4%, соответственно) как к возможности общения, то становится очевидным вывод, что три четверти молодежи труд рассматривают как средство решения актуальных жизненных проблем. Ощущение полезности своего труда, т.е. его общественной значимости, присуще соответственно 14,2% и 12,1% молодых людей. Еще меньше (7,1% и 5%) смысл труда связывает с внутренней потребностью трудиться, а также с возможностью реализации своего творческого потенциала (4,9% и 4,3%). Это означает, что терминальная ценность в образе труда присуща лишь четвертой части молодежи (соответственно, 26,2% и 21,4%). В отношении к труду большинства российской молодежи доминируют инструментальные ценности.

Сравнительный межпоколенческий анализ показывает, что данная тенденция унаследована молодежью от родительского поколения, трудовая социализация которого пришлось на период горбачевской перестройки и развала Союза.

Проанализируем, как изменяется образ труда в различных и возрастных и гендерных группах россиян (табл. 10).

Таблица 10

Изменение отношения к труду в зависимости от демографических характеристик

Демографические и религиозные характеристики		Показатели отношения к труду								
		Ценности (% к ответившим)		Интересы (% к опрошенным)						
		Терминальная ценность труда	Инструментальная ценность труда	Самореализация в профессии	Интересная, творческая работа	Возможность для предпринимательства	Самоутверждение в коллективе	Достойный заработок	Ощущение полезности	Обеспечение элементарных средств существования
Общее распределение		27,7	72,3	31,2	32,2	7,4	14,2	73,3	31,7	21,9
Пол	Мужской	25,9	74,1	32,5	29,4	8,2	14,2	76,5	26,8	21,4
	Женский	29,3	70,7	30,0	34,8	6,7	14,2	70,5	36,1	22,4
Возраст (лет)	18–24	26,2	73,8	38,3	41,5	8,2	21,9	76,5	23,5	15,3
	25–29	21,4	78,6	36,4	34,3	12,1	15,0	78,6	26,4	15,7
	30–39	21,2	78,8	33,1	33,5	7,6	12,7	76,7	23,7	25,4
	40–49	22,4	77,6	30,1	31,8	9,3	13,1	75,4	29,7	26,3
	50–59	25,3	74,7	27,5	29,2	6,0	12,9	68,2	33,5	24,5
	60 лет и старше	44,0	56,0	26,4	27,1	3,7	12,1	68,1	47,3	20,5

Как видно из табл. 10 терминальная ценность труда в большей мере присуща молодежи от 18 до 24 лет (26,2%), т.е. на этапе трудового старта. А затем с повышением возраста, вплоть до предпенсионного (50–59 лет), наблюдается рост инструментальных ценностей в отношении к труду. Очевидно, что прагматизация современной реальности с возрастом усиливается. Лишь в дедовском поколении (старше 60 лет) отношение к труду как к терминальной ценности резко возрастает (44% против 27,7% в общем распределении). Здесь, видимо, проявляются последствия социализации в сфере труда в советский период людей старшего поколения. Последовательно возрастает от 23,5% в группе 18–24-летних до 47,3% среди тех, кому 60 лет и старше понимание общественной значимости труда. Как видно, общественный смысл труда, сформированный в историческом сознании россиян, сохраняет свое значение и в современной реальности.

Заметно изменяется образ труда в зависимости от гендерных различий. Для женщин более характерна терминальная ценность труда, чем для мужчин (соответственно, 29,3% и 25,9%). Рассматривая нередко свою работу как подспорье в семье, они чаще, чем мужчины видят в ней доказательство собственной полезности (соответственно, 36,1% и 26,8%), меньше проявляют заинтересованность в достойном заработке (70,5% и 76,5%) и больше в интересной и творческой работе (34,8% и 29,4%). То есть женщины рассматривают труд преимущественно как способ эмансипации и самореализации.

Важная роль в образе труда принадлежит интересам. Они входят в его структуру в качестве способов реализации потребностей, определяя характер отношения к труду. Интерес к тем или иным аспектам труда проявляется в форме ожиданий (экспектаций). Мы ожидаем получить в результате трудовой деятельности то, в чем заинтересованы. Поэтому об интересах в мотивационной структуре, можно судить, проанализировав, что ожидает молодежь от труда. Интересы самореализации посредством труда также как терминальное отношение к нему в наибольшей степени выражены среди молодежи 18–24 лет. В этой возрастной группе превышают общие распределения значения интересов в профессиональной самореализации (38,3% против 31,2%), в интересной, творческой работе (41,5% против 32,2%), в самоутверждении в коллективе (21,9% против 14,2%), в достойном заработке (76,5% против 73,3%). То есть в конструируемом молодежью образе труда сочетаются традиционные ценности и интересы с современными. Это свидетельствует, что вступает в жизнь достаточно амбициозное поколение.

Однако с повышением возраста значения этих интересов в образе труда молодежи постепенно снижаются, что связано с накапливающимся субъективным опытом и нереализованными ожиданиями. Сталкиваясь с объективной действительностью, молодые люди пересматривают свое отношение к труду, корректируя характеристики, сформировавшиеся в его образе. В старшей возрастной группе (25–29 лет) лишь каждый третий связывает с трудом ожидание интересной работы (34,3%), ощущения собственной полезности (26,4%), развития профессиональных качеств (36,4%). Знаковым для нынешнего состояния общества является весьма низкая заинтересованность молодых людей в самоутверждении в трудовом коллективе (15%). Очевидно, они не ожидают от солидарности в нем возможности решения своих актуальных проблем. Не видит подавляющее большинство молодежи возможности удовлетворения посредством труда своего интереса к предпринимательской деятельности (12,1%), что лишний раз свидетельствует о несовершенстве рыночных отношений в России. Как следует из анализа, большинство молодежи, особенно в старшей возрастной группе, не ожидает от труда реализации своих насущных интересов.

Интересы обеспечивают деятельностную направленность образа труда, если возможности осуществления ожиданий становятся реальными. Проанализируем, как

изменились оценки молодыми людьми своих возможностей в сфере труда за последние годы. Для этого сравним, какова доля молодежи, оценившей свои возможности выше среднего балла (4 по семибалльной шкале) в 2002 г. и 2011 г. (табл. 11).

Таблица 11

Оценка возможностей реализации интересов в сфере труда, %, 2002-2011 гг.

Интересы	Оценка возможностей выше среднего	
	2002	2011
Найти (сменить) работу	47,5	48,4
Повысить квалификацию	58,1	58,6
Повысить заработную плату	38,5	43,0
Продвинуться по службе	35,2	47,0
Защитить свои права	35,3	53,2
Создать (расширить) свой бизнес	19,2	26,1

Сравнительный анализ данных, содержащихся в табл. 11, свидетельствует о значительном расширении возможностей молодежи в сфере труда по сравнению с 2002 г. Однако, несмотря на положительную тенденцию, лишь каждый второй респондент оценивает возможности реализации своих интересов в сфере труда выше среднего балла. А возможность создания (расширения) собственного бизнеса – еще меньше (26,1%). Это означает, что для половины молодежи возможности не стали реальностью. Существовая в декларативной форме, они не активизируют интересы, что и отражается в низком уровне ожиданий их реализации посредством труда.

Такое несоответствие особенно заметно в оценках интереса к повышению заработка и возможностей его реализации. Как отмечалось выше, заинтересованность в получении достойного заработка проявили 77,5% молодежи в возрасте 18–29 лет, а возможность его повышения оценили для себя лишь 43%. Очевидно, что подобное несоответствие негативно отражается на отношении к труду. Об этом свидетельствует и характер связи между оценкой возможности реализации интересов и ценности труда. В группе респондентов, не имеющих возможность повысить свою заработную плату (1-я и 2-я позиции на семибалльной шкале), труд как терминальную ценность отмечают 16,1%, в то время как в группе с высокой степенью возможности (6-я и 7-я позиции) – 26,7%. Противоречие между интересами и возможностями их реализации возникло не сегодня. Но ныне оно осмысливается не столько в связи с конкретными условиями трудовой деятельности, сколько с изменением функций труда в новой социальной реальности, связанным с его рационализацией.

Рационализация труда, отразившаяся в инструментализации отношения к нему, проявляется не в том, что люди стремятся получать достойную заработную плату. В условиях рынка – это естественное стремление, являющееся условием повышения эффективности труда, постольку, поскольку оно связано с его результатами. Проблема видится в отсутствии возможности для значительной части молодежи обеспечить посредством труда благополучную жизнь, что отразилось в доминанте интереса к достойному заработку. Неудовлетворенное стремление к справедливой зарплате снижает актуальность других интересов, ограничивая возможности труда в их реализации. В результате утрачивается одна из его важнейших функций – производство духовных сил человека. Сегодня добросовестный труд не только перестал быть фактором вертикальной мобильности, но и все меньше обеспечивает элементарные материальные и духовные потребности молодых людей. А без этого труд не может быть эффективным. Таким образом,

изменившиеся функции труда в новой социальной реальности становятся препятствием на пути повышения его производительности.

Рассмотрим, как изменяются в разных гендерных и возрастных группах этические характеристики образа труда (табл. 12).

Таблица 12

Изменение этических характеристик образа труда в зависимости от демографических характеристик, %

Демографические характеристики		Этические характеристики, присущие в полной мере				
		Трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду	Ответственность	Бережливость	Самоотдача в труде	Индивидуализм, принцип каждый за себя
Общее распределение		62,0	62,6	51,3	53,3	22,1
Пол	Мужской	58,7	58,8	46,6	50,2	23,2
	Женский	65,0	65,9	55,6	56,0	21,2
Возраст (лет)	18–24	36,1	45,4	33,9	36,6	36,1
	25–29	39,3	41,4	23,6	33,6	37,9
	30–39	45,3	44,1	40,3	35,2	28,0
	40–49	63,6	63,6	51,7	48,3	18,6
	50–59	78,5	76,8	61,8	68,2	13,3
	60 лет и старше	90,1	87,9	77,7	81,7	10,3

Анализ табл. 12 показывает, что трудолюбие и ответственность являются доминирующими характеристиками отношения к труду большинства (62%) россиян. Причем каждый второй отмечает, что ему в полной мере присущи бережливость и самоотдача в труде. По всем характеристикам, этические ориентации женщин в сфере труда выгодно отличается от трудовой этики мужчин. Значения оценок этих качеств, присущих женщинам, выше, чем среди мужчин. Трудолюбия (65% против 58,7% среди мужчин), ответственности (65,9% против 58,8%), бережливости (55,6% против 46,6%), самоотдачи (56% против 50,2%). Лишь индивидуализм в его крайних проявлениях – каждый за себя, присущ женщинам в меньшей степени (21,2% против 23,2%), что также можно считать положительной тенденцией. Это означает, что такие качества, как трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду, ответственность, бережливость, самоотдача определяют образ труда большинства россиян. Тем самым развеивается миф о так называемой «совковости», неполноценности трудовых качеств российских граждан.

Однако нынешнее поколение молодежи значительно ниже оценивает наличие у себя перечисленных характеристик этики труда. Они присущи лишь каждому третьему молодому человеку, причем в старшей возрастной группе (25–29 лет) значения их оценок ниже, чем в младшей (18–24 года). Отсюда следует вывод, что в результате осуществляемой модернизации мы не столько формируем новую современную модель трудовых отношений, сколько утрачиваем традиционную.

Отношение к труду формируется еще на учебной скамье. Первые трудовые навыки проявляются в отношении к учебе, к приобретаемым знаниям. А затем многое зависит от того, насколько выпускник ПТУ, техникума или вуза имеет возможность применить полученные знания на практике. Поэтому важным фактором, влияющим на отношение к труду, является работа по приобретенной специальности. В 2011 г. работали в полном соответствии с полученной специальностью – 36,3%; по близкой, схожей специальности – 27,4%; по совершенно другой специальности – 29,7%; затруднились с ответом 6,6%. То есть каждый третий молодой специалист работал не по специальности, полученной в учебном учреждении. Для сравнения в 2002 г. в полном соответствии с полученной специальностью работали 50,1% молодых специалистов, а по другой специальности – 25,2%.

Проследим, насколько работа по специальности связана с отношением молодого специалиста к знаниям и к труду (табл. 13).

Таблица 13

Связь работы по специальности с отношением молодого специалиста к знаниям и к труду, %

Соответствие работы полученной специальности	Отношение к знаниям				Отношение к труду	
	Знание – это главное достоинство человека	В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	Знания никогда не бывают лишними	Знания нужны лишь в определенных ситуациях	Терминальная ценность труда	Инструментальная ценность труда
Работа в соответствии с полученной специальностью	58,3	41,7	55,6	44,4	27,8	72,2
Работа по другой специальности	36,4	63,6	48,4	51,5	9,1	90,9

Анализ данных, содержащихся в табл. 13, подтверждает наличие связи отношения к труду с ценностью знания, приобретаемого в вузе. Отношение к знаниям как главному достоянию человека, а также убежденность, что знания никогда не бывают лишними, свидетельствуют о терминальной ценности знания молодого специалиста. Их разделяют 58,3% и 55,6% специалистов, работающих в соответствии с полученной специальностью. Как видно из табл. 13, значения терминальных ценностей знания среди работающих по другой специальности существенно ниже (соответственно, 36,4% и 48,4%). Обратная картина прослеживается в анализе значений альтернативных суждений, рассматриваемых как инструментальные ценности знаний. Это – суждение, что без знаний в наше время можно обойтись, были бы деньги. Его отметили 41,7% респондентов, относящихся к группе работающих по полученной специальности и 63,6%, работающих по совершенно другой специальности. А также мнение, что знания важны лишь в определенных ситуациях (соответственно, 44,4% и 51,5%). Отсюда следует, что приобретение первой работы по специальности зависит не только от конъюнктуры рынка труда, но и в значительной степени определяется отношением к профессиональным знаниям, приобретаемым в процессе учебы.

В табл. 13 также прослеживается связь работы по специальности с ценностью труда. Терминальная ценность труда значительно выше в группе молодых специалистов,

работающих по полученной специальности (27,8%), чем среди работающих по другой специальности (9,1%). То есть работа по приобретенной специальности является значимым фактором формирования профессиональных качеств молодого специалиста и его отношения к труду. Результаты анализа указывают также на корреляцию между отношением к профессиональным знаниям и отношением к труду.

Итак, можно сделать следующие выводы.

В образе труда молодежи отражаются противоречивые тенденции сохранения традиционных характеристик трудовой этики и нарастающих тенденций инструментального отношения к труду. Доминирующая роль материальных интересов и ценностей в мотивационной структуре молодежи, входит в противоречие с низким уровнем возможности их реализации посредством труда. В изменяющейся социальной реальности утрачивает свое влияние на молодежь духовно-нравственная функция труда, без которой не мыслимы современные преобразования в стране.

Рационализация труда в условиях утраты духовно-нравственных регуляторов приобретает извращенные формы, проявляясь в «рваческом», «шабашническом» отношении к работе и бизнесу, в подмене результатов труда симулякрами, в имитационных моделях трудовой деятельности, в мошенничестве и коррупции.

Базовые характеристики образа власти. Они вытекают из понимания сущности власти и её социальных функций, т.е. характеризуют такое отношение, которое не зависит от конкретных действий конкретной власти. Учитывая различие традиционной и современной политических культур, показателями базовых характеристик отношения к власти будут являться следующие противоположности: единовластие–разделение властей, персонификация–деперсонификация, иерархичность–нивелирование иерархии, централизация–децентрализация. Для анализа использовались ответы на вопрос: «Как Вы считаете, что для России лучше подходит, учитывая ее исторические особенности (выбрав одно из двух утверждений по каждой строке)?». Ответы распределились следующим образом (табл. 14).

Таблица 14

Традиционная и современная модели образа власти, % к ответившим по строке

Распределение ответов по возрасту							
Традиционная модель				Современная модель			
	18-24 года	25-29 лет	Общее распределение		18-24 года	25-29 лет	Общее распределение
Сильный лидер, умеющий сосредоточить в своих руках всю полноту власти	65,0	72,9	72,6	Сильные политические партии	24,0	17,1	17,5
Монолитное государство с управлением из единого центра	43,2	53,9	52,4	Самостоятельность регионов	47,5	39,3	38,5
Умный, мудрый и честный руководитель	73,8	70,0	70,8	Не важно, кто управляет страной, важно чтобы он соблюдал закон	20,8	23,6	24,4
В стране должен быть хозяин – нашему народу нужна «сильная рука»	59,6	61,4	65,5	Нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека	30,1	26,4	24,7

Парламент должен быть ответственен перед Президентом	53,0	47,9	49,3	Парламент должен быть независим от Президента	31,1	32,9	34,8
Суд должен быть ответственен перед Президентом	38,3	29,3	34,5	Суд должен быть независим от Президента	48,6	51,4	52,9
Губернатор должен отвечать перед Президентом	47,5	42,9	46,3	Губернатор должен отвечать только перед народом	42,1	40,0	40,7
Мэр должен отвечать перед губернатором	41,5	36,4	38,5	Мэр должен отвечать только перед народом	47,0	44,3	47,3
Областная Дума должна отвечать перед губернатором	48,6	39,3	42,8	Областная Дума должна быть независима от губернатора	31,7	37,9	37,8
Городская Дума должна отвечать перед мэром	49,2	37,9	42,7	Городская Дума должна быть независима от мэра	31,7	40,0	37,7

В дихотомии базовых характеристик образа власти, представленных в табл. 14, единовластие, персонификация, иерархичность, централизация, соответствуют традиционному обществу, а разделение властей, деперсонификация, нивелирование иерархии, децентрализация – современному. Большинство россиян (72,6%) считают, что в стране должен быть «сильный лидер, умеющий сосредоточить в своих руках всю полноту власти», тогда как за существование сильных политических партий «проголосовало» лишь 17,5% респондентов.

Это говорит о преобладании идеи единовластия в представлениях россиян. Сторонников единовластия больше среди мужчин (75,3%), а также среди наиболее экономически активной части населения (30–39 лет – 75,4%). Самая большая доля сторонников единовластия в старшем поколении (60 лет и более – 79,1%), сильнее других унаследовавшем традиционную политическую культуру. Среди молодежи в возрасте 18–24 года меньше сторонников единовластия (65%) и больше приверженцев сильных политических партий (24%), т.е. разделения властей. Но в старшей возрастной группе молодежи (25–29 лет) значения оценок приближаются к общему распределению.

Доминирующая ориентация на данную базовую характеристику образа власти проявилась и в суждении – «в стране должен быть хозяин – нашему народу нужна «сильная рука» (65,5%). Только четверть российских граждан (24,7%) возражает против единовластия – «нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека. Большинство молодежи также разделяет идею «сильной руки», хотя и в меньшей степени, по сравнению с родительским и дедовским поколениями (59,6% – среди 18–24-летних и 61,4% – среди 25–29-летних молодых людей). Несмотря на принятую два десятка лет назад демократическую конституцию, демократическое сознание в народе не возобладало, иначе бы противников единовластия было большинство, потому что нет ничего более крамольного для демократии, чем идея передачи всей власти в руки одного человека. Но российский народ «не чуток» к демократическим «табу», в нем преобладают традиционные воззрения на власть, которые воспроизводятся молодым поколением.

«Монолитное государство с управлением из единого центра» превалирует с существенным перевесом (52,4%) над идеей «самостоятельности регионов» (38,5%), что свидетельствует о доминировании базовой характеристики – централизация власти. Здесь также выделяются мужчины (53,4%) и лица старше 60 лет (57,9%). Централизация в меньшей степени характерна для образа власти молодежи в младшей возрастной группе (18–24 года). Доля сторонников децентрализации–самостоятельности регионов в этой группе (47,5%) превышает долю сторонников централизации власти (43,2%). Хотя в старшей возрастной группе молодежи (25–29 лет) различия в оценках нивелируются, приближаясь к общему распределению.

Доминирование установки на персонификацию власти над деперсонификацией отражено в предпочтении суждения: «Умный, мудрый и честный руководитель» (70,8%) над альтернативой: «Не важно, кто управляет страной, важно, чтобы он соблюдал закон» (24,%). Связывают власть с личностью руководителя в большей мере женщины (72,4%), молодежь младших возрастных групп (18–24 года – 73,8%) и представители старшего поколения (60 лет и более – 74,7%).

Проявилась традиционная ориентация и в отношении к вертикали власти. Почти половина россиян, включая молодежь, считает, что законодательная власть должна подчиняться исполнительной власти: Парламент – Президенту (49,3% – в общем распределении, 53% – в группе 18–24 года, 47,9% – в группе 25–29 лет), Областная Дума – губернатору (соответственно, 42,8%, 48,6%, 38,3%), городская Дума – мэру (соответственно, 42,7%, 49,2%, 37,9%). Характерно, что число сторонников вертикали власти больше среди женщин и заметно повышается с возрастом, за исключением лиц старше 60 лет. Противоположные суждения о независимости законодательной власти от исполнительной собрали меньше голосов. В независимости Парламента от Президента (соответственно, 34,8%, 31,1%, 32,9%); Областной Думы от губернатора (соответственно, 37,8%, 31,7%, 37,9%); Городской Думы от мэра (соответственно, 37,7%, 31,7%, 40%). И дело даже не в том, что большая часть не только молодежи, но и их родителей не знает закона, а в том, что в их образе власти (какой власть должна быть) закрепились четкая иерархия между исполнительными и законодательными структурами. Иерархичность – базовая характеристика власти традиционного общества, и в данном случае она доминирует в общественном сознании, игнорируя узаконенную независимость двух ветвей власти.

Демократическая идея «разделения властей» нивелирует не только соподчиненность законодательной и исполнительной власти, но и иерархичность власти вообще, включая соподчиненность между исполнительными структурами власти. Если Президент и губернатор занимают свою должность в результате всенародных выборов, то между ними нет иерархии, они отличаются друг от друга только географией компетенции. Мэр вообще не вписывается во «властную вертикаль», поскольку муниципалитет является органом самоуправления. Это все формализовано в законе, т.е. на бумаге, но никак не проявляется в общественном сознании. В политическом сознании россиян, напротив, существует четкая иерархическая соподчиненность между всеми властными структурами. Губернатор должен отвечать перед Президентом (46,3% – в общем распределении, 47,5% – в группе 18–24 года, 42,9% – в группе 25–29 лет). А мэр отвечает перед губернатором (соответственно, 38,5%, 41,5%, 36,4%).

Даже «святая святых» современного демократического общества – норма независимости суда, хотя и разделяется половиной россиян (52,9% – в общем распределении, 48,6% – в группе 18–24 года, 51,4% – в группе 25–29 лет), но каждый третий (соответственно, 34,5%, 38,3%, 29,3%) считает, что суд должен быть ответственен перед Президентом. Как видно, нормы современного и традиционного общества сталкиваются на невидимых фронтах политического сознания.

Проблема состоит в том, что характеристики власти современного общества не выросли естественным путем на российской почве, а были позаимствованы извне. Когда властные отношения органично развиваются в соответствии с доминирующей политической культурой того или иного общества, формируется базовый образ власти, способствующий воспроизводству ее реальной структуры. Но если волевым решением принимается новая форма или структура власти (базовые аспекты которой образованы в лоне другой политической культуры), то включается социокультурный механизм, «ломающий» и перестраивающий навязываемую структуру в соответствии с мировоззренческими установками

политической культуры данного общества. То есть социокультурный механизм является для общества своеобразной «иммунной системой», поддерживающей это общество в состоянии равновесия и стабильности.

Рассмотрим влияние сложившегося образа власти на политические ориентации различных поколений россиян. Респондентам было предложено оценить по семибалльной шкале справедливость различных суждений, которые выражают их политические ориентации (табл. 15).

Оценки всех суждений, представленных в табл. 15, распределяются в диапазоне от 4 до 7 баллов на основе семибалльной шкалы. Напомним, что если границы исследуемого диапазона сужаются, то увеличивается значимость даже небольших различий в оценках (в десятых и сотых балла). Наивысшие значения принадлежат суждениям: «В нашей стране, нашему народу нужно сильное государство с сильной армией и службой безопасности» – К = 6,45 баллов; «В нашей стране тяжелая промышленность и машиностроение должны быть в собственности государства» – К = 6,14 баллов; «Иностранный капитал не должен иметь возможность покупать в России землю и заводы» – К = 5,78 баллов. Все три суждения отражают государственническую ориентацию.

Таблица 15

Политические ориентации в зависимости от пола и возраста

Суждения	Распределение ответов (К)								
	В целом	Пол		Возраст (лет)					
		Мужской	Женский	18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и более
В нашей стране, нашему народу нужно сильное государство с сильной армией и службой безопасности	6,45	6,43	6,47	6,19	6,20	6,46	6,56	6,48	6,64
В нашей стране тяжелая промышленность и машиностроение должны быть в собственности государства	6,14	6,18	6,10	5,60	5,76	6,14	6,31	6,27	6,42
Иностранный капитал не должен иметь возможность покупать в России землю и заводы	5,78	5,73	5,80	5,46	5,32	5,81	5,87	5,80	6,05
Не только Президент, но и губернаторы должны избираться прямым голосованием всего народа	5,77	5,83	5,74	5,93	5,71	5,72	5,76	5,72	5,85
В жизни каждый человек должен полагаться только на себя	5,28	5,33	5,23	5,31	5,24	5,21	5,32	5,29	5,29
Каждый человек должен самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а не ждать помощи от государства	5,15	5,30	5,08	5,30	5,32	4,94	5,19	5,26	5,16
Россия должна восстановить свои границы, вернуть себе Крым и другие территории, утраченные после распада СССР	5,27	5,22	5,31	4,96	5,01	5,32	5,36	5,37	5,46
В России власть Президента должна быть ограничена парламентом, следящим за правильностью его решений	5,10	5,15	5,05	4,99	5,08	5,10	5,07	5,07	5,22
Россия – это государство, прежде всего, русских	4,35	4,33	4,37	4,54	4,40	4,55	4,32	4,32	4,14
Победа на выборах демократических лидеров поможет России выйти из кризиса	4,21	4,20	4,22	4,18	4,19	4,36	4,17	4,17	4,18

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале оценок.

Стремление к сильному независимому государству традиционно присуще национальному характеру россиян. Эта традиция была унаследована в коммунистической идеологии, которая определяла направленность советской государственной политики на протяжении XX в. Не случайно в большей степени она сохраняется в образе власти в средних и старших возрастных группах, а также среди женщин, более ориентированных на стабильность, которую они связывают с сильным государством ($K = 6,67$), не зависимым от иностранного капитала ($K = 5,80$). Разделяет приоритет государственнической позиции и большинство молодежи, хотя в абсолютном выражении значения их оценок (коэффициентов) ниже общего распределения. Ориентация на сильное государство с сильной армией и службой безопасности занимает первое место среди других политических ориентаций молодежи ($K = 6,20$).

Вместе с тем четко прослеживается влияние на образ власти демократических ориентаций. Респонденты высоко оценили суждение: «Не только Президент, но и губернаторы должны избираться прямым голосованием всего народа» ($K = 5,77$), отражающее традиционно-демократическую ориентацию. После государственнической она занимает вторую позицию. Среди ее сторонников выделяются мужчины ($K = 5,83$), молодежь младших возрастных групп (18–24 года – $K = 5,93$) и лица старше 60 лет ($K = 5,85$). Это свидетельствует, что демократизм власти становится значимой характеристикой отношения к ней не только среди молодежи, но и в старшем поколении.

Однако, разделяя демократические ориентации, россияне в целом и молодежь далеки от стремления их радикализировать. На это указывают наиболее низкие значения суждений: «В России власть Президента должна быть ограничена парламентом, следящим за правильностью его решений» ($K = 5,1$ – в общем распределении; $K = 4,99$ – в группе 18–24 года; $K = 5,08$ – в группе 25–29 лет) и «Победа на выборах демократических лидеров поможет России выйти из кризиса» ($K = 4,21$ – в общем распределении; $K = 4,19$ – среди молодежи), отражающим радикально-демократические ориентации. Причем радикально-демократические взгляды занимают последнее место в структуре политических ориентаций молодежи. Среди радикально настроенной части населения выделяется поколение 30–39-летних граждан ($K = 4,36$), самый активный период политической социализации которых пришелся на начало 90-х гг. Оценки в остальных возрастных группах незначительно отличаются от общего распределения. Очевидно, не высокую популярность радикально-демократических взглядов среди большинства российских граждан следует учитывать несистемной оппозиции, если она хочет добиться успеха.

Снижают свои позиции в образе власти россиян и либерально-демократические ценности, отразившиеся в суждениях: «В жизни каждый человек должен полагаться только на себя» ($K = 5,28$) и «Каждый человек должен самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а не ждать помощи от государства» ($K = 5,15$). Хотя данные суждения в большей степени разделяют мужчины ($K =$ соответственно, 5,33 и 5,30), а также молодежь старших возрастных групп (25–29 лет – $K = 5,32$) и представители среднего поколения (40–59 лет – $K =$ соответственно, 5,32 и 5,26), т.е. наиболее экономически активная и квалифицированная часть населения, нельзя не признать, что либерально-демократические ориентации в образе власти заметно уступают государственническим и традиционно-демократическим. С этим, видимо, связано отсутствие необходимой поддержки со стороны большинства населения либерально-демократических реформ, осуществляемых в постсоветский период.

Еще ниже оценили респонденты суждение – «Россия должна восстановить свои границы, вернуть себе Крым и другие территории, утраченные после распада СССР» ($K = 5,27$ – в общем распределении; $K = 4,96$ – в группе 18–24 года; $K = 5,01$ – 25–29 лет), отражающее крайнюю форму проявления национально-патриотических настроений. Не

удивительно, что в большей степени это суждение разделяют представители среднего и старшего поколений (среди 40–49-летних – $K = 5,36$; среди 49–59-летних – $K = 5,37$; среди тех, кому 60 и более лет, – $K = 5,46$). Вместе с тем оценки, превышающие 5 баллов, свидетельствуют, что в образе власти россиян национально-патриотические ориентации занимают значимые позиции. При этом крайняя форма их выражения придает образу эмоционально-чувственный характер, что активизирует деятельностные аспекты отношения к власти. Особенно это проявляется в отношении к власти в средних и старших возрастных группах, т.е. в родительском и дедовском поколениях, оказывающих влияние на молодежь.

И все же, эмоционально выражая национально-патриотические взгляды, большинство россиян не одобряет национализм. Суждение: «Россия – это государство прежде всего русских», свидетельствующее о националистических ориентациях его сторонников, респонденты оценили лишь в 4,35 балла. Здесь выделяется молодежь в возрасте 18–24 года ($K = 4,54$) и среднее поколение (30–39 лет – $K = 4,55$). Однако даже среди молодежи это самые низкие значения оценок рассмотренных суждений. Ниже – только радикально-демократические ($K = 4,21$ – в общем распределении и 4,19 – среди молодежи). Выходит, что даже ксенофобия, которая ныне преследуется государством по закону, все же более предпочтительна в глазах россиян и молодежи, чем победа на выборах кандидата от радикальных демократов.

Итак, россияне, включая молодежь, – преимущественно государственники. Они ориентированы на власть, способную обеспечить сильное, независимое, демократическое государство. При этом государство мыслится как надежда и опора, а вовсе не противник, с которым призвано бороться гражданское общество, в соответствии с либерально-демократической концепцией.

Сильное государство, по мнению россиян, предполагает централизацию власти. Каждый второй (48,3%) считает, что «Россия будет сильной, когда Президент сосредоточит в своих руках всю полноту власти». И 50% – выразили твердую уверенность, что «На сегодняшний день в России надо продолжать укреплять вертикаль власти». Лишь 15,6% респондентов не согласны с таким мнением, остальные затруднились с ответом. Очевидное противоречие между государственническими и традиционно-демократическими ориентациями в образе власти россиян свидетельствует о существующем противоборстве традиционной и современной моделей в его формировании.

Подводя итог проделанному анализу, и выявив особенности сложившегося образа семьи, труда, образования и власти, попытаемся определить то общее, что характеризует отношение молодежи и россиян в целом к социальной реальности. Исторически сложившееся сосуществование в России двух типов социальной организации, базирующихся на традиционной и современной культурах, предопределили и соответствующие модели отношения к социальной реальности. Причем современная социальная организация приобрела в постсоветской истории институциональный характер, получив правовое закрепление в Конституции и ряде законов. Если в традиционной модели отношения к реальности отражается объективный процесс воспроизводства базовых характеристик объектов, то в современной – их обновление и развитие, которое во многом институционально регулируется.

Прделанный анализ позволил выявить следующие тенденции, характерные для отношения молодежи и россиян в целом ко всем изучаемым объектам социальной реальности.

1. Доминанта традиционных базовых характеристик образа объектов социальной реальности в массовом сознании россиян.

2. Нарастающая тенденция рационализации базовых характеристик под влиянием глобализационных процессов.

Рассмотрим подробнее.

Доминанта традиционных базовых характеристик образа объектов социальной реальности. Традиционное отношение к социальной реальности моделирует повторение прошлых образцов, исторически сложившихся в разных сферах общественной жизни. Причем, зародившись в православной культуре, религиозные основания образов различных объектов социальной реальности постепенно трансформировались в социокультурные. Поэтому выявленные традиционные основания в базовых характеристиках отношения к объектам социальной реальности свидетельствуют о сохранении в российском обществе «ценностно-нормативного ядра» (Ф. Хайек), обеспечивающего ему непрерывность, преемственность и стабильность развития.

Инерционная сила традиций проявляется даже тогда, когда изменилась направленность институционального регулирования социальных отношений. Это свидетельствует об устойчивости сложившейся традиционной модели отношения к объектам социальной реальности в массовом сознании россиян. Несмотря на выявленную тенденцию в молодом поколении проявления современных ориентаций в образе семьи, образования, труда, власти, общая их равнодействующая направлена на воспроизводство традиционной модели социальной реальности. Поэтому недооценка традиций, попытка не считаться с ними в процессе принятия управленческих решений, как правило, приводит к снижению их эффективности. Так произошло с рыночными реформами, с модернизацией образования, с демократизацией политической системы.

Рационализация базовых характеристик. Развитие немислимо без инноваций. Если традиция обеспечивает функционирование и простое воспроизводство социума, то инновация – его расширенное воспроизводство. В выявленных тенденциях изменения отношения к объектам социальной реальности она проявилась в форме рационализации базовых характеристик их образа. Рационализация, предполагающая наличие осознанной цели, наполняет образ различных объектов новыми смыслами, представлениями о новых возможностях. Под влиянием глобализационных процессов они приобретают современное содержание, изменяя характер отношения к окружающей реальности.

Как следует из анализа, выделяются следующие способы рационализации отношения к различным объектам реальности. Во-первых, *путем изменения содержания смысловых значений в традиционно существующих формах.* В привычных понятиях, как например, патриотизм, долг, свобода, постепенно изменяются, а нередко подменяются смыслы, изменяющие, по существу, их содержание. Скажем, в патриотизме любовь к отечеству замещается жизненным комфортом (где хорошо, там и Родина); в понимании чувства долга возвышенное внутреннее побуждение заменяется рациональным обязательством (например, долг перед семьей заменяется брачным контрактом); внутренняя, духовная свобода, традиционно присущая ментальности россиян, противопоставляется внешней свободе (демократическим свободам) и т.д.

Во-вторых, *посредством рационализации способов реализации ожиданий, возникающих в образе различных объектов реальности.* Инновация, по Р.Мертону, предполагает согласие с одобряемыми данной культурой целями, но отрицает социально одобряемые способы их достижения. Вместо традиционных способов (возможностей) реализации ожиданий появляются новые более рациональные, одобряемые значительной частью людей. Они расширяют возможности реализации ожиданий, но и рационализируют отношение к объектам социальной реальности. Появление современных институтов гражданского общества нашло отражение в межличностных отношениях; новые формы брачных

отношений (временных брачных союзов) повлияли на изменение образа семьи; внедрение монетаристских технологий отразилось в инструментализации отношения к труду; единый государственный экзамен (ЕГЭ) изменил отношение к знанию; действия несистемной оппозиции становятся фактором, корректирующим образ власти.

Как показал анализ, рационализация проявляется в отношении к объектам реальности во всех социальных группах. В зависимости от целей она чаще приобретает общественно значимую направленность, но нередко и контр продуктивную. В отношении к семье – в самоощущении ее необходимости (13,6%), но и для карьеры, жизненного комфорта (2%). В отношении к труду – в развитии предприимчивости и достиженческих ориентаций с целью заработать (54,3%), но и в вынужденной необходимости (15,7%). В отношении к образованию – в повышении престижа, возможности продвинуться по службе (35,7%), но и просто ради диплома (14,5%). Причем, эти соотношения заметно изменяются в разных социальных группах. То есть рационализация происходит на индивидуально-личностном и групповом уровне, что отражает многообразие и противоречивость интересубъективной реальности россиян.

Направленность и характер процесса рационализации отношения к различным объектам социальной реальности во многом зависят от эффективности институциональных форм его регуляции. В стремлении побыстрее покончить с наследием прошлого были разрушены многие нравственные устои общества, что отразилось в прагматизации межличностных отношений, в появлении извращенных образцов отношения людей друг к другу, к окружающим, к обществу. Распространение неолиберальных взглядов на семью привело к росту числа разводов и к снижению рождаемости. Ошибки, допущенные при монетаризации экономики, активизировали рост инструментальной мотивации труда, породили множество конфликтов, негативно отразились на его эффективности. Затянувшаяся и малопонятная для большинства населения реформа образования обернулась снижением качества знаний и конкурентоспособности молодых специалистов на рынке труда. Нежелание власти меняться, на деле, а не на словах проводить более гибкую политику заметно понизило доверие к ее структурам, привело к росту социальной напряженности в обществе. Это означает, что низкая эффективность экономической и социальной политики не только негативно отражается на рационализации отношения к объектам социальной реальности, но и во многом становится тормозом в развитии его современных моделей.

---

11. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социокультурный механизм саморегуляции духовных процессов в молодёжной среде в условиях изменяющейся социальной реальности // Социальная реальность XXI века: угрозы и вызовы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2014 г. – М.: РИЦ ФГБНУ ИСПИ РАН, 2016. – С. 190-203.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ
САМОРЕГУЛЯЦИИ ДУХОВНЫХ ПРОЦЕССОВ
В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ
В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

Трансформационные процессы, происходящие в России, не могли не отразиться в духовной жизни общества, особенно молодежи. Являясь значимым фактором изменения социальной реальности в молодежной среде, они сопровождаются девальвацией традиционных ценностей молодежи, проявлением бездуховности в ее повседневной жизнедеятельности, утратой многих нравственных ориентиров. В этой связи изучение духовной жизни молодежи в новой реальности приобретает актуальность, как в научном, так и в практическом плане.

Саморегуляцию духовных процессов в молодежной среде, являющуюся объектом социологического изучения, предполагается исследовать в предметном пространстве изменяющейся социальной реальности, что позволяет определить в динамике влияние социальных и культурных факторов на эти процессы. Поэтому целью исследования является разработка социокультурного механизма саморегуляции духовных процессов в молодежной среде, и выявление его особенностей в условиях изменяющейся социальной реальности.

Теоретической основой разрабатываемой концепции явились труды отечественных и зарубежных ученых, в которых раскрываются понятия духовной жизни – Л. Н. Когана⁵¹, Ж. Т. Тощенко⁵², А. К. Уледова⁵³; социальной реальности – П. Бергера, Т. Лукмана⁵⁴, Г. В. Осипова⁵⁵, А. Шюца⁵⁶; доверия – Ф. Фукуямы⁵⁷, П. Штомпки⁵⁸. Использовались также результаты предыдущих научных разработок Отдела социологии молодежи по данной проблематике, опубликованные в разные годы⁵⁹.

Социокультурный подход к исследованию духовной жизни молодежи в изменяющейся социальной реальности

Отмеченные процессы в духовной жизни молодежи не одинаково проявляются в ее различных социальных группах. Это является следствием, с одной стороны, культурных различий в групповом сознании молодежи, связанных с образованием, с воспитанием в семье, с региональными особенностями культурного пространства, а с другой, результатом

---

⁵¹ Коган Л.Н. Духовная жизнь общества и его структура // Духовное развитие личности. – Свердловск, 1967.

⁵² Тощенко Ж.Т. Социология. – М.: Прометей, 1994.

⁵³ Уледов А.К. Духовная жизнь общества. – М., 1980.

⁵⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.

⁵⁵ Осипов Г.В. Измерение социальной реальности: индикаторы и показатели. – М., 2011.

⁵⁶ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. – М., 1994.

⁵⁷ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2004.

⁵⁸ Штомпка П. Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012.

⁵⁹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М.: Academia, 2008; Зубок Ю.А., Яковук Т.И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. – Брест: Альтернатива, 2008; Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. – М.: Норма, 2014; Чупров В.И., Михеева В.В. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине? – М.: Норма, 2015.

неравенства социальных условий жизни и их изменения в трансформирующемся обществе. Причем влияние культурных и социальных факторов на саморегуляцию процессов, происходящих в духовной жизни, различается весьма существенно, зачастую приобретая противоречивый характер. Специфика сознания, отражающая своеобразие культурного и социального бытия молодежи, также не одинаково реализуется в индивидуальном и групповом конструировании молодыми людьми собственной реальности. Поэтому проблема исследования вытекает из противоречия между социальным и культурным в саморегуляции духовной жизни молодежи, возникающего в новой для нее реальности.

В наиболее выраженной форме данная проблема проявилась в противоречии традиционного и современного в духовной жизни молодежи. Преимущество молодежи традиционных ценностей происходит в иных социальных условиях, по сравнению с предыдущими поколениями. Изменившиеся условия, в том числе и в результате деятельности самой молодежи, способствуют видоизменению традиционных ценностей и вытеснению их новыми, современными. Однако этот процесс – не линейный и не бесконфликтный, в связи с неодинаковыми условиями жизнедеятельности социальных групп молодежи, а также с различной инерционностью влияния культурных (долговременных) и социальных (изменяющихся) факторов. Возникающие противоречия проявляются в отношении молодежи к традиционным и современным ценностям как к феноменам изменяющейся социальной реальности.

Под духовной жизнью молодежи понимается «сфера общественной жизни этой социально-демографической группы, призванная обеспечить условия и средства ее становления как субъекта производства духовных и физических сил»⁶⁰. В этой сфере протекают процессы, связанные с духовными основаниями жизнедеятельности молодых людей, с реализацией ими духовных потребностей и интересов, с потреблением духовной культуры, с воспроизводством высших духовных и нравственных ценностей. Духовные процессы resultируются в индивидуальном и групповом сознании, наполняя смыслом основания конструируемой реальности. Как пишет К. Леви-Стросс, – «Проникновение в глубины человеческого Я, в корневые пласты его духовности – самый достоверный способ познания сущности бытия, физической реальности. Конечно же, в каждом конкретном акте познания физическая реальность отличается от наших чувственных впечатлений от нее, тем не менее, в своих глубинных истоках, как мышление, так и реальность продолжают один и тот же диалектический процесс, поэтому структура человеческого разума в своих фундаментальных началах адекватна структуре физической реальности»⁶¹. Это определило особенность теоретического подхода в разрабатываемой концепции.

В соответствии с ним, процессы духовной жизни и конструирования социальной реальности имеют общие социокультурные основания. Духовная жизнь молодежи реализуется в осуществляемом на уровне сознания, конструировании молодыми людьми социальной реальности (культурное основание). Изменяющаяся социальная действительность в трансформирующемся обществе, отражается в изменении социальной реальности молодежи, что проявляется в ее духовной жизни (социальное основание). Поэтому саморегуляция духовных процессов исследуется во взаимосвязи с конструированием социальной реальности, как целостный процесс.

Социальная реальность и особенность её конструирования в молодёжной среде

---

⁶⁰ *Зубок Ю.А., Яковук Т.И.* Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. – Брест: Альтернатива, 2008. – С. 51.

⁶¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М., 1983. – С. 108.

Социальная реальность рассматривается в разрабатываемой концепции в парадигме феноменологической социологии знания. По мере освоения комплекса знаний о сущности и особенностях проявлений всего, с чем сталкивается человек в ходе социальных взаимодействий, раскрывается объективный аспект социальной реальности – социальная действительность. Познавая объективную действительность, человек преобразует ее в своем сознании, формируя для себя все новую реальность. «Знания можно определить, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками»⁶². То есть субъективно реальность проявляется в уверенности человека в достоверности собственных знаний о наблюдаемых объектах. Реальными становятся те объекты, которые осознаны человеком как пространство собственной жизнедеятельности.

Благодаря знанию о той или иной ее стороне, различных объектах реальности, возникает более или менее адекватное субъективное представление о ней. По определению А. Шюца, под термином «социальная реальность» понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций»⁶³. Следовательно, знание о сущности социальной реальности содержится в соотношении объективного и субъективного в социальной действительности.

Для феноменологии Шюца базовым также является понятие «жизненный мир». Социолог определяет его как мир, в котором «мы как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и в свою очередь подвергаются нашему воздействию»⁶⁴. Это мир человеческого опыта, в котором Шюц видит основу для поиска смыслов. Понимание смысла составляет суть познания. Осознавая смысл собственных действий, направленных на познание объектов реальности, мы предполагаем, что и другие действуют целенаправленно, а не бессмысленно. Поэтому понимание смысла того или иного объекта реальности, т. е. его значения для человека, раскрывается в повседневном взаимодействии с другими людьми.

В процессе социальных взаимодействий происходит обмен знаниями. Обыденные знания накапливаются, претерпевая постоянные изменения, обогащаясь по мере расширения социальных контактов. Важно лишь, подчеркивает Шюц, чтобы эти знания разделялись другими. «С самого начала мы, действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором мы живем, – и мир природы, и мир культуры – не как субъективный, а как интерсубъективный мир, т. е. как мир общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию...»⁶⁵. Интерсубъективный мир – это мир «других «Я».

Интерсубъективность реальности становится возможной, благодаря духовной связи между людьми. Люди включаются в биографическую ситуацию друг друга, «каждый партнер соучаствует в непосредственной жизни другого..., может схватывать в живом

---

⁶² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. – М.: Медиум, 1995. – С. 9.

⁶³ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 485.

⁶⁴ Schutz A. Collected Papers. – V. III. – P. 116.

⁶⁵ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 530.

настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникают надежды, беспокойство... они живут в чистом «мы-отношении»⁶⁶. Благодаря интерсубъективности повседневное знание и жизнь индивидов одной группы отличается от других. Так возникают различия между «Мы»-группа, в которой индивид чувствует себя как дома и «Они»-группа, чуждая для него.

Интерсубъективный жизненный мир – это сфера непосредственно переживаемой деятельности. Его познание начинается, прежде всего, посредством органов чувств. Люди организуют чувственный опыт, классифицируя окружающий мир в виде вещей, явлений, обладающих типичными характеристиками. На основе типизаций они вступают в отношения с другими людьми, будучи уверенными, что видят мир таким же образом. В духовном взаимодействии с другими постепенно накапливаются знания, которые Шюц называл знанием здравого смысла. Оно состоит из «конструктов первого порядка» (идеальных типов) – обыденных интерпретаций социальных реалий. Данный этап познания реальности представляет собой, по Шюцу, «низший, элементарный уровень конституирования значений в потоке опыта», когда значение рассматривается в контексте единичного акта рефлексии, отражающего элементарность переживания и направленной на него интенции.

Опыт и знания, накапливаемые во взаимодействиях с другими (непосредственных и опосредованных через науку, СМИ, литературу, искусство), духовно обогащают людей, способствуя производству высших духовных и нравственных ценностей. На их основе формируются более высокие уровни познания реальности. Это происходит также и потому, что в высших духовных ценностях отражается опыт предшествующих поколений. Люди интерпретируют объекты реальности на основе предыдущих переживаний – своих собственных или унаследованных от предков. Подчеркивая в качестве основы интерпретации предыдущие переживания, Шюц поясняет, что значимо лишь то переживание, которое «схвачено в рефлексии», а в рефлексии «схватывается не настоящее, но прошлое переживание». Рефлексия предполагает осмысление индивидом социальных реалий на основе накопленного жизненного опыта. Таким образом, взаимодействия людей в духовной жизни способствуют пониманию социального смысла различных объектов реальности, образованию смыслообразующих связей между ними, обеспечивая целостность социальной реальности.

Подчеркивая роль субъективного фактора в конструировании социальной реальности, П. Бергер и Т. Лукман исходили из того, что люди осознают мир как состоящий из множества реальностей⁶⁷. То есть мир дискретен. «Среди множества реальностей существует одна, которая представляет собой реальность *par excellence*. Это реальность повседневной жизни...», – подчеркивают ученые. Повседневная реальность выступает по отношению к отдельному человеку как объективная реальность. Ее явления исторически предустановлены в схемах действий и значений, которые для представителей последующего поколения выступают как независимые от их восприятия. Повседневное знание, творчески производимое индивидами во взаимодействии с другими людьми, составляет основу конструирования ими социальной реальности.

Отправной точкой феноменологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана является механизм объективации субъективной реальности в процессе ее конструирования. Составляющими этого механизма выступают: различные знаковые системы, являющимися

---

⁶⁶ Шюц А. Структура повседневного мышления // СОЦИС, 1988, № 2. – С. 133.

⁶⁷ Berger P., Lucman T. The Social Construction of Realiti. – N. Y., 1967. – P. 21.

способами объективаций; хаби́тулизация («опривычивание» деятельности) как процесс институционализации; социализация – освоение социального опыта, превращение индивида в действующего субъекта конструирования социальной реальности.

Различные системы знаков, в качестве способов объективаций опосредуют переход от субъективной к объективной реальности. Чтобы стать объективным, всякий продукт человеческой деятельности должен проявиться, предстать как предмет, доступный восприятию другими людьми. Проявление предмета в повседневной жизни происходит в символической, знаковой форме (язык, жесты, материальные артефакты, культурные символы).

Важную функцию в институционализации социальной реальности выполняет хаби́тулизация. В процессе объективации возникают стереотипные реакции на повторяющиеся ситуации. Постепенно вырабатывается упрощенный, схематизированный образ социальных реалий, обладающий значительной устойчивостью. Одновременно формируется система установок на действия в повторяющихся ситуациях.

Рассматривая социализацию в механизме объективации субъективной реальности, Бергер и Лукман используют существующее в социологии разделение на первичную и вторичную социализацию. В процессе первичной социализации, которая осуществляется преимущественно в семье и в школе, ребенок усваивает опыт не просто других, а «значимых других». При этом их субъективный опыт становится для него объективным. Благодаря первичной социализации индивид становится социализированным, что позволяет ему войти в объективный мир общества, «устанавливается симметричная связь между объективной и субъективной реальностями. То есть уже на этапе первичной социализации индивидом осваивается мир в его целостности, он определяет свое место в нем и отношение к его объектам.

В процессе вторичной социализации происходит дальнейшее освоение уже социализированных индивидом знаний, требующих выполнения более сложных и многообразных ролей. «Вторичная социализация есть приобретение специфически-ролевого знания...»⁶⁸. Поэтому на этапе вторичной социализации индивид имеет дело лишь с частью реальности, обусловленной его социальным положением. В зависимости от ролевого статуса конкретизируется и его отношение к различным объектам социальной реальности.

В действии рассмотренного механизма объективации субъективной реальности отражается социально-групповая специфика, в том числе и молодежи, что проявляется в особенностях конструирования социальной реальности в молодежной среде. Эти особенности обусловлены социально-групповой спецификой социального положения и сознания молодежи, а также самим характером трансформации российского общества. В социологии молодежи особенности социального статуса этой социально-демографической группы (переходность и промежуточность), связываются с процессом ее становления как субъекта общественного производства и общественной жизни⁶⁹. А. И. Ковалева отмечает следующие проявления переходности социального статуса молодежи.

1. Предписанность, предопределенность: в социальном статусе молодежи, особенно в младших возрастных группах превалирует не приобретенная, а предписанная его составляющая.

---

⁶⁸ Там же. – С. 213.

⁶⁹ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи: Учебник. – М.: Норма, 2011. – С. 79.

2. Динамичность и перспективность социального статуса молодежи, связанная с (а) ее интенсивной вертикальной социальной мобильностью, имеющей в норме преимущественно восходящую, позитивную направленность: получение образования, профессии, должности и т. д., (б) завершением присвоения социальной субъектности и расширяющейся в связи с этим возможностью приобретения различных значимых для социального статуса признаков (экономических, властных, престижных и т. д.).

3. Предопределенное обществом неравенство статуса младшей и старшей возрастных групп молодежи⁷⁰. Позиция становящегося, а еще не ставшего полноправным, субъекта общественного воспроизводства не может не отражаться в духовной жизни молодежи.

Промежуточность социального статуса связана со сменой статусных позиций на протяжении короткого этапа жизненного цикла (молодости). Быстрая смена статусных позиций, с одной стороны препятствует устойчивой социальной идентификации молодого человека, что отражается в формировании его жизненных ориентиров, а с другой, способствует его адаптации к изменяющимся жизненным условиям.

Специфика социального статуса определила социально-групповые особенности сознания молодежи: лабильность, проявляющуюся в неустойчивости жизненных позиций; экстремальность – проявление максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях; трансгрессивность, как стремление к преодолению (расширению) границ реального и символического пространства жизненного мира⁷¹.

Рассмотренные особенности социального положения и группового сознания молодежи проявляются в формировании современной модели производства ее духовных сил, характеризующейся повышением инновационного потенциала, отказом от сложившихся стереотипов и признанных авторитетов, критическим отношением к действительности, переоценкой ценностей, поиском принципиально новых форм жизнедеятельности. Таким образом, социально-групповые особенности молодежи становятся фактором объективации субъективной реальности, определяя особенности ее конструирования и изменения в молодежной среде.

Значимым фактором изменения субъективной реальности являются социальные, экономические, политические процессы, а также разного рода жизненные коллизии, сопровождающие трансформацию российского общества. Изменение субъективной реальности подразумевает ее реинтерпретацию, наделение прошлого и настоящего другим смыслом. Данный процесс Бергер и Лукман называют ресоциализацией. «В ресоциализации прошлое перетолковывается для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности»⁷². Через ресоциализацию феноменологи объясняют трансформацию субъективной реальности и особенности ее объективации в переходных условиях. В разрабатываемой концепции ресоциализация рассматривается в социокультурном механизме саморегуляции духовных процессов в изменяющейся социальной реальности.

Доверие, как критерий саморегуляции духовных процессов в молодёжной среде

---

⁷⁰ Ковалева А.И. Статус социальный молодежи // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – С. 481.

⁷¹ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи: Учебник. – М.: Норма, 2011. – С. 81-86.

⁷² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. – М.: Медиум, 1995. – С. 263.

Изучение духовных процессов во всем многообразии их проявлений нуждается в определении общего критерия (меры), на основании которого можно делать вывод об их характере, особенностях, направленности изменения. Таким критерием может являться доверие. Неразрывно связанное с моралью, с общественными представлениями о должном, доверие присутствует во всех сферах общественной и духовной жизни, наполняя общим смыслом взаимодействия людей. Не случайно П. Штомпка, озаглавив свою книгу «Доверие – основа общества», сводит определение ключевого понятия к следующей триаде: «к ожиданию добросовестного и договорного поведения других людей по отношению к вам; к вашему обязательству не нарушать ожидания других в отношении ваших действий; к ограничению своих интересов в пользу тех, кому вы доверяете, т. е. солидарность»⁷³. В таком определении доверия содержится также указание на его саморегуляционную функцию в социальных взаимодействиях. Без доверия другим утрачивается смысловая основа солидарности в обществе.

Доверие, применительно к проблеме данного исследования, рассматривается в парадигме феноменологической социологии знания. В повседневной жизни нашим доверием пользуются, как правило, те, о ком мы располагаем некими знаниями. Чем шире знания о партнере взаимодействий, тем более обоснованными становятся ожидания от него взаимности. Как уже отмечалось, социология знания рассматривает как объективные условия духовной жизни – объективную действительность, так и их отражение в индивидуальном и групповом сознании – субъективную реальность. Поэтому исследование доверия с позиций феноменологии способствует его пониманию как продукта духовной жизни, так и феномена социальной реальности.

Знания, накопленные в процессе взаимодействий в духовной жизни рефлектируются в ожиданиях (экспектациях), приобретая форму доверия. Оно проявляется в саморегуляции духовных процессов, если реальные знания о партнере – личностей, групп, организаций, институтов, соответствуют ожидаемым. Доверие, таким образом, рассматривается в данном исследовании, как интегральный критерий саморегуляции духовных процессов, отражающий степень соответствия ожидаемых и реальных знаний о партнере взаимодействий как значимом объекте социальной реальности.

Ожидание взаимности от партнера становится возможным, если интерактивные отношения осуществляются в соответствии с общими правилами. Накопленные в повседневном опыте, они объективируются в форме обобщенного доверия, представление о котором формируется во взаимодействии с Другими.

Согласно Ф. Тённису и Г. Зиммелю, обобщенное доверие является своего рода мировоззренческой установкой, выражающей готовность индивида рассматривать окружающих как заслуживающих доверия. Оно «основано на ожиданиях относительно надежности других индивидов вообще (как характеристики людей вообще)». Уверенность индивида, что его знания о реальном объекте адекватно разделяются ближайшим окружением, придает доверию устойчивый характер. А сама реальность воспринимается как объективная, в которой обобщенное доверие выполняет нормативную функцию.

Наши представления о формировании обобщенного доверия расширяются в определении интерсубъективности. Без доверия мир не может стать общим для всех. Да и сама социальная реальность в ее феноменологическом понимании, по Шюцу, как коррелят

---

⁷³ Цит. по: Покровский Н. Е. Предисловие к русскому изданию // Штомпка П. Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012. – С. 14.

сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций, зависит от доверия друг другу.

Оно результируется в духовной жизни в процессе интеркоммуникации, когда критерии доверия отчуждаются от конкретного объекта, приобретая всеобщий и нормативный характер. Тогда в том или ином сообществе формируется особый тип доверительных отношений, при котором вопрос о доверии отдельным партнерам просто не стоит. Обобщенное доверие осознается как реальность.

Однако в процессе обмена знаниями, представления о различных объектах социальной реальности могут не совпадать с ожидаемыми. Обобщенное доверие в этой ситуации переходит в состояние недоверия, утрачивая свою нормативную роль. Эта роль переходит к недоверию. Следовательно, знания могут влиять на формирование как доверия, так и недоверия. Это зависит от того, какой смысл приобретают знания о партнере взаимодействий, будь то личность, группа или институт. Знания могут не одинаково интерпретироваться в разных социальных группах, что также отражается в ожиданиях их представителей. Отсюда следует вывод о социальной обусловленности не только обобщенного доверия, но и недоверия. Люди, как правило, доверяют, либо не доверяют представителям той или иной социальной группы, независимо от их индивидуальных качеств. Не случайно значимыми основаниями доверия зачастую становятся общие корни (земляки), национальная и религиозная принадлежность, политические интересы, профессиональная идентичность. Но в зависимости от интерпретации унаследованных знаний, эти же корни могут стать основаниями недоверия. Примером тому служит религиозная нетерпимость.

Познание Другого предполагает понимание смысла его ответных действий. Без понимания как особого состояния субъекта не возникает чувство доверия, а значит, невозможно продолжение общения, какие-либо осмысленные действия и их координация. «Мы, – пишет Шюц, – как правило «знаем», что делает Другой, ради чего он это делает, почему он делает это именно в данное время и в данных конкретных обстоятельствах»⁷⁴. В социальном плане метод понимания изучается в теории социального действия, где понимание рассматривается как целенаправленная интерпретация связей, присущих осмысленному человеческому поведению, став предметом понимающей социологии М. Вебера. По мнению ученого социология обретает характер «понижающей» социальной науки, поскольку ориентирована на интерпретацию социальных действий людей, которые надсубъективны, общезначимы, но не вообще, а в рамках определенной исторической эпохи. Надсубъективный характер понимания придает доверию социальный смысл, связывая его с более широким пластом реальности.

Конструируя собственную реальность, люди выстраивают приоритеты доверительных отношений, исходя из конкретных условий жизнедеятельности. Приоритетными могут стать и отношения недоверия. Понимание в такой ситуации не утрачивает надсубъективный характер и не превращается в непонимание, а наоборот, углубляется за счет нового знания, связывая недоверие со специфическими проявлениями субъективной реальности.

Вебер различает рациональное понимание, постигающее средства целерационального действия, и понимание, осуществляющееся благодаря сопереживанию и переживанию эмоциональных связей. Поэтому и доверие, и недоверие, эмоционально окрашены и результируются посредством понимания и сочувствия к ответным действиям

---

⁷⁴ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 488.

других людей. Доверие и особенно недоверие всегда сопряжены с переживаниями людей, что усиливает эмоциональную сторону их ожиданий.

Доверие, как феномен социальной реальности, рассматривается в диалектической связи с недоверием, как единство двух сторон одного и того же явления. Диалектика связи доверия и недоверия раскрывается во взаимных переходах одного состояния в другое, как реакция на изменение ожиданий от партнера взаимодействий. Поэтому недоверие означает не просто недостаток доверия, а является качественно иным состоянием партнеров, связанным с несоответствием ожидаемых и реальных знаний друг о друге, придающем взаимодействиям особый характер. Как пишет П. Штомпка, «В понятие «недоверие» входит зеркальное отражение доверия. ...Оно связывается с негативными ожиданиями будущих действий других (с враждебными предвидениями, вредными, никчемными, оскорбляющими меня действиями) и предполагает, что я настроен обороняться против них (путем уклонения от действия, отказа их начинать, отстранения, принятия оборонительных шагов от тех, кому я не верю)»⁷⁵. Таким образом, недоверие представляет собой состояние, диалектически противоположное доверию, возникающее, когда ожидаемые знания о партнере взаимодействия не соответствуют реальным.

И доверие, и недоверие выполняют важные функции в саморегуляции духовных процессов, происходящих в трансформирующемся обществе и в молодежной среде. Социорегуляционная функция доверия проявляется в следующих формах.

Во-первых, регулирование ожиданий и требований относительно выполнения социальных ролей. Доверие способствует формированию ролевой структуры личности, поощряя ее ожидаемую направленность в ролевых взаимодействиях и предупреждая возникновение социально-ролевых конфликтов.

Во-вторых, регулирование отношений обмена в социальных взаимодействиях. Доверие является формой социального одобрения. Оно стимулирует взаимное вознаграждение, а также доминирование приобретаемых благ над вынужденными затратами во взаимодействиях с партнерами.

В-третьих, регулирование символической интеракции между взаимодействующими субъектами. Доверие повышает значение отношений с другими, способствует их символизации (значимые другие), обеспечивает взаимосогласование символов в процессе конструирования социальной реальности.

В-четвертых, регулирование правил поведения, принятых на веру, в повседневных взаимодействиях. Благодаря обобщенному доверию повседневные правила поведения приобретают нормативный характер, происходит конституирование обыденных норм.

В-пятых, регулирование конструированием людьми собственных имиджей, позволяющих произвести благоприятное впечатление на других. Под влиянием доверия имиджи приобретают легитимную форму.

Реализуя эти функции, доверие повышает уровень определенности в условиях изменяющейся социальной реальности.

Саморегуляционная функция недоверия проявляется, с одной стороны, в формировании критического отношения к партнеру взаимодействий, необходимого для более адекватного отношения к нему, а с другой, в активизации защитных реакций на его неадекватные действия. Предупреждая о накапливающейся напряженности между партнерами, недоверие способствует не только корректированию взаимодействий, но и приданию им нового смысла (стимулирование инновационной рефлексии).

---

⁷⁵ Штомпка П. Указ. соч. – С. 83.

Синергия в социокультурном механизме саморегуляции духовной жизни молодежи в изменяющейся социальной реальности

Становление молодежи как субъекта духовного производства и духовной жизни является результатом индивидуальной и групповой саморегуляции. Она проявляется в социальном конструировании и переконструировании реальности, в моделировании индивидуальных биографий, в различных формах самоорганизации, в отборе, усвоении, выработке новых ценностных ориентиров. Саморегуляция, как процесс воздействия молодежи на самих себя, отражает способность современного молодого поколения активно и автономно действовать в изменяющемся обществе. Рассмотрим действие социокультурного механизма саморегуляции духовных процессов в молодежной среде и роль доверия в нем в условиях изменяющейся реальности.

Под саморегуляцией в социологии понимается «деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые»⁷⁶. Применительно к теме данного исследования, можно сказать, что саморегуляция является способом преодоления несоответствия реальных и ожидаемых результатов от взаимодействия партнеров в духовной жизни. Возникающее при этом недоверие партнеру, понуждает его корректировать собственное отношение к нему. Важную роль в этом процессе играет индивидуальная или групповая рефлексия доверия. Она реализуется посредством постоянного переосмысления основ доверительного отношения к другому, способности к самоанализу способов взаимодействий с ним в направлении оптимального выбора ради максимизации выигрыша (благ) или минимизации проигрыша (затрат).

В качестве социокультурных составляющих механизма саморегуляции выступают потребности, интересы и ценности, во взаимосвязи которых образуется мотивационная сфера сознания⁷⁷. Социальные взаимодействия как обмен услугами, будут взаимовыгодными, а значит, результативными, если реальные социальные действия соответствуют ожиданиям партнеров, определяются их общими потребностями и взаимными интересами, а сами услуги представляют для них ценность. Во взаимосвязи потребностей, интересов и ценностей, как элементов мотивационной сферы сознания, вырабатываются относительно общие критерии и стандарты поведения, которые, по определению Т. Парсонса, выступают в роли символических посредников взаимодействия людей, социальных групп. Функцию такого посредника (критерия) выполняет доверие.

Как правило, наши знания о ценностях, интересах, потребностях партнеров ограничены, и мы не всегда можем быть полностью уверенными в их надежности. Поэтому доверие, по определению П. Штомпки, «является залогом, принимаемым на будущие неуверенные действия других людей»⁷⁸. То есть доверие определяется как некий «залог» на неопределенность, компенсирующий недостаток знания о партнере взаимодействий.

В социокультурном механизме потребности, отражая состояние неудовлетворенности чем-либо или кем-либо, являются источником активности субъекта, придавая саморегуляции предметную направленность. Благодаря связи с потребностями, доверие приобретает активную направленность на партнера взаимодействий. Как уже

---

⁷⁶ *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Указ. соч. – С. 141.

⁷⁷ См.: там же. – С. 26.

⁷⁸ *Штомпка П.* Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012. – С. 80.

отмечалось, доверяя, мы не пассивно ожидаем ответных действий партнера, а стремимся извлечь из этого пользу для себя. Однако потребности, являясь источником активности, не указывают на способы ее реализации. Таким способом являются интересы, которые придают саморегуляции деятельностную форму. Соответственно в форме конкретных действий, направленных на реализацию собственных интересов, осуществляется регуляционная функция доверия. Иначе говоря, в доверии проявляется заинтересованность в определенном отношении с партнером. В таком понимании доверие представляется как «рациональное ожидание» (Р. Хардин) соответствующего поведения от партнера, или «инструментальное доверие» (П. Штомпка). Центральное место в социокультурной саморегуляции принадлежит ценностям. Отражая идеальные представления о предмете, они являются смыслообразующим началом в механизме саморегуляции. Благодаря связи с ценностями, доверие наполняется смыслом, придавая саморегуляции избирательность и направленность. Такой тип доверия П. Штомпка называет «аксиологическим доверием», когда доверие опирается на моральные ожидания. В зависимости от смысла, которым наделяются партнерские отношения, изменяется направленность реализации регулятивной функции доверия. В саморегуляции духовных процессов ведущие позиции в социокультурном механизме принадлежат духовным потребностям, интересам и ценностям. Применительно к молодежи – с учетом ее социально-групповых особенностей.

Однако данный механизм претерпевает существенные изменения в условиях неопределенности, присущей трансформирующимся обществам. Неопределенность проявляется и в конструировании молодыми людьми социальной реальности. В этих условиях саморегуляция духовных процессов сопряжена с нелинейным характером изменяющейся социальной реальности. «Нелинейность – это отсутствие прямых форм зависимости между различными переменными, т. е. изменение одной не обязательно повлечет за собой изменение другой»⁷⁹. Спонтанный и вероятностный характер нелинейных процессов, возникающих в духовной жизни молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности, предъявляет дополнительные требования к их саморегуляции. Это достигается в соединении социокультурного подхода с синергетическим.

Синергетический подход к саморегуляции нелинейных процессов основывается на самоорганизации, т. е. упорядочении структурных элементов социальной системы. Для нелинейной социальной динамики характерно множество путей развития. Разветвление путей, открывающее различные варианты развития, именуется бифуркацией. Социальная система движется по исторически обусловленной траектории, испытывая влияние случайных колебаний (флуктуаций), пока эти колебания не достигнут порогового значения в точке бифуркации. В момент бифуркации возникает разветвление развития, в результате чего «неравновесная система следует по новой траектории, другими словами, входит в область притяжения новой структуры-аттрактора»⁸⁰. Представляя собой «организующее ядро социальной системы» (В. П. Шалаев), социальный аттрактор оказывает влияние не только на устойчивость системы, но и служит, своего рода, источником притяжения для всего множества траекторий, попавших в сферу аттрактора.

В социокультурном механизме саморегуляции такие траектории образуют, с одной стороны, потребности, интересы, ценности, лежащие в основе базовых характеристик духовной жизни молодежи, а с другой, множество факторов молодежной субкультуры,

---

⁷⁹ Чупров В. И., Осипова М. А. Социология управления. Теоретические основы. Учебник. – М.: РУДН, 2011. – С. 59.

⁸⁰ Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. – М.: КомКнига, 2005. – продолжение сноски 80 с предыдущей страницы: – С. 36.

влияющих на изменение социальной реальности в молодежной среде. А аттракторами являются: система исторически сложившихся социокультурных установок, существующих в архетипических и ментальных структурах коллективного бессознательного и глобализационные процессы, влияющие на изменение ценностей, интересов и потребностей молодежи. В точке бифуркации пересекаются противоречия различных траекторий, обозначая нелинейный тип развития духовных процессов в молодежной среде.

В отличие от жестко детерминированных линейных связей, нелинейные зависимости отражают многозначность связей, зачастую случайных, лежащих в основе статистических закономерностей. Они подчиняются вероятностным способам саморегуляции. При этом вероятность рассматривается как «объективный атрибут самого бытия» (А. Г. Спиркин). В условиях изменяющейся социальной реальности в молодежной среде критерием подобного способа саморегуляции духовных процессов становится вероятность превращения доверия в недоверие, являющегося результатом перехода от определенности к неопределенности в точке бифуркации траекторий в духовной жизни.

Каждая культура, как саморазвивающаяся система, считает Ю.М. Лотман, должна быть оснащена «механизмами для выработки неопределенности», т. е. бифуркационными механизмами. По мнению ученого, благодаря внесению неопределенности в строго детерминированную систему культуры, она приобретает необходимый резерв внутренней активности, становится более чувствительной и подготовленной к преобразованию в ситуациях социальных кризисов⁸¹. Иначе говоря, в изменяющейся реальности возникновение нелинейно развивающихся траекторий, упорядочивает разнонаправленные действия молодых людей, реализует их саморегуляционный потенциал в направлении к самоорганизации, становясь фактором социального порядка постмодернистского типа, определенного И. Пригожиным и И. Стенгерс, как «порядка, порожденного из хаоса»⁸². Бифуркация при переходе социальных систем от детерминации к нелинейности становится необходимым условием достижения нового социального качества в развитии молодежи.

Активизирующиеся в момент бифуркации стохастические факторы, в том числе сознательные и неосознанные действия молодых людей, порождают специфическую мотивацию, центральные позиции в структуре которой занимает альтернатива – доверие – недоверие. Достижение компромисса между доверием и недоверием способствует упорядоченности внутригрупповых отношений в саморегулируемых структурах. Доверие, придавая взаимным ожиданиям во внутриколлективных отношениях нормативный характер, способствует оптимизации межличностных взаимодействий в духовной жизни молодежи, нивелирует влияние случайных отклонений (флуктуаций) в условиях изменяющейся социальной реальности. Благодаря недоверию, саморегуляционный механизм более адекватно реагирует на спонтанно возникающие и нелинейно развивающиеся процессы в духовной жизни молодежи, выполняя защитную функцию в самосохранении ее фундаментальных оснований.

Таким образом, представленная концепция служит теоретическим обоснованием разрабатываемого социокультурного механизма саморегуляции духовных процессов в молодежной среде, и эмпирического исследования особенностей его функционирования в условиях изменяющейся социальной реальности.

---

⁸¹ Излагается по: *Асмолов В.Г.* Психология личности. - М.: МГУ, 1990. - С. 190.

⁸² *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. – М., 1994. – С. 96-115.